

Парус

ISSN 0235-2737

12/1989

В НОВЫЙ
ГОД —
ПОД
«ПАРУСОМ!»

ДАЙТЕ ПОРУЛИТЬ!

НЕ КАНИВАТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Парус

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный
иллюстрированный журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Минск, «Полымя». Издаётся с июля 1972 г.

Здесь, на поле, напротив названия пуб-
ликаций номера, по десятибалльной
шкале проставьте свои оценки, отложите
анкету и вышлите в редакцию

Здесь по десятибалльной шкале — оцен-
ки за оформление публикации

В номере

Час приема по острым вопросам

Ефим ШУР. Что дают ... за рубль 2

Предъявите права!

Святослав ГОЛИК. Мы им еще покажем! 7

Работа над ошибками

Письмо счастливому солдату 8

Андрей САФОНОВ. Хронология прыжка. Рассказ 10

Газета 12

Планета людей

Елена ШИДЛОВСКАЯ. Своими глазами 18

Самоздат

Тамара САХАЩИК. Приступаем к любви 23

Стихотворная тропа

Елена ЛОГВИНОВА 26

Шапка Мономаха

Леонид МИНДЛИН, Владимир ТАРАСОВ. Путь на-
верх или путь вперед 28

Сергей ВАСИЛЬЕВ. Вы набираете номер 28

Хочу — и буду!

Игорь ВИКЕНТЬЕВ. Перила для идеи 30

Фантпрогноз

Юрий БРАЙДЕР, Николай ЧАДОВИЧ. Админи-
страция леса. Фантастический рассказ 32

Выбор

Лариса САЕНКО. Перекройка, или Тихие рево-
люционеры против громких цитат 43

Время и место

«Ну и гады эти учителя!» 46

Открытый урок

Александр РОСИН. После экзаменов, или Зачем
домохозяйке высшее образование 48

Ищу друга 50

В переплет!

Эдуард ДУБРОВСКИЙ. Краткая хроника рока 51

Камертон

Что мы думаем о роке и рокерах 54

Поговорим «за жизнь»

Валентин СЕРГЕЕВИЧ. Негромкие голоса 59

Ателье «от Рины» 62

Читатель почитывает, а писатель подсчитывает 64

Оформление 1 стр. обложки — Валерий РУЛЬКОВ I

Оформление 4 стр. обложки — Сергей СТЕЛЬ-
МАШОНК IV

Макет номера подготовили В. Рутьков и В. Жгунцова

12 / 1989

12/1989

Что случилось с рублем!
А разве с ним что-нибудь случилось! Вот официальный курс валют, напечатанный в газете «Известия»: 100 марок ФРГ — 32 рубля 80 копеек, 100 долларов США — 64 рубля 39 копеек, 10000 итальянских лир — 4 рубля 57 копеек, 1000 японских иен — 4 рубля 50 копеек, 100 французских франков — 9 рублей 72 копейки, 100 английских фунтов стерлингов — 100

рублей 93 копейки...¹ То есть рубль полновеснее марки втрое, иены — чуть не в 20 раз. Фунт, правда, держится с рублем «на равных», но зато доллар после всех своих падений «тянет» всего на 64 копейки.

Неплохо, очень неплохо выглядит наш рубль на общем валютном фоне.

Но вот член-корреспондент АН СССР П. Г. Бунич позволяет себе рассказать публично

час приема
по острым
вопросам

ЧТО ДАЮТ... ЗА РУБЛЬ

такой анекдот: «Установлен точный курс фунта, доллара и рубля. Фунт сушеных рублей — один доллар». А народный депутат СССР Р. А. Быков шутит, цитируя Салтыкова-Щедрина, еще хлеще: «За рубль скоро будут давать... в морду».

Приезжают «наши из-за границы», рассказывают, что можно там обменять свободно чуть ли не любую валюту на любую. Кроме рубля. Рубль, который куда полновеснее доллара, — неконвертируем.

Неконвертируем — это значит, что не обменивается ни на какие деньги. Во всяком случае, по уже знакомому нам официальному курсу. Получается: не признают за кордоном наш рубль за валюту.

Ну, не признают, и бог с ним. Жили же мы как-то и без этой самой конвертируемости, чего ж вдруг всполошились!

Да, в общем-то, жизнь заставила «всполошиться». Выяснилось, что в стране кое-чего не хватает: видеоманитофонов и одноразовых шприцев, колго-

¹ Курс на конец августа 1989 года

ток и автомобилей, компьютеров и бумаги... А у них там всего этого навалом, но вот за рубль не хотят давать.

Если же говорить серьезно, то, по утверждению ведущих

Е. Ш.: — В принципе, всем нам уже понятно, что сообщаемый регулярно Госбанком СССР курс валют, мягко говоря, не соответствует действительности. Читатель из Норильска Сергей Трофименко свой вопрос сформулировал весьма решительно: «Откуда же появился этот дикий курс, который мы сейчас имеем?»

В. Б.: — Я уже однажды рассказывал в печати, как мы «легли на этот курс», но, наверное, есть смысл повторить эту историю для молодых читателей «Паруса».

Что такое валютный курс? Попросту говоря, это сравнение покупательной способности рубля

ственно, выводили соотношение рубля к доллару. Для этого, понятно, нужно было сначала подобрать товары-представители, чтобы была возможность сравнения покупательной «силы» валют. Представители для тысяч наименований товаров: металл, станки, продукты, топливо...

При этом, конечно, мы не могли не учитывать желания Сталина сохранить престиж. И к выбору товаров-представителей, прямо скажем, подходили не слишком объективно. Ну, допустим, уцененные советские шляпы сравнивали с модными американскими. А шевровые армейские ботинки — с кирзовыми сапога-

экономистов страны, без конвертируемого рубля нам на мировой рынок не выйти. Без него затруднительна деятельность совместных предприятий, внешняя торговля. Только конвертируемость даст возможность соизмерить нашу экономику с зарубежной, иметь объективное представление об экономическом весе СССР в мировом хозяйстве.

Почему же рубль потерял авторитет? Как могло такое случиться! Что нужно сделать, чтобы рубль «стал на ноги»? Об этом наш корреспондент ЕФИМ ШУР беседует с доктором экономических наук, заведующим лабораторией комиссии АН СССР по изучению производительных сил и природных ресурсов профессором ВИКТОРОМ ДАНИЛОВИЧЕМ БЕЛКИНЫМ и кандидатом экономических наук, заведующим сектором Института Европы АН СССР АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЦИМАЙЛО.

и какой-то другой валюты. Например, для того, чтобы установить курс рубля и доллара, нужно сравнить, сколько единиц однородных товаров можно купить на рубль и доллар.

До начала тридцатых годов валютный курс рубля был относительно реальный. Потом, к сожалению, мы с этого курса сблизлись. А вторая мировая война разрушила валютную систему во всех странах, и, естественно, требовалось ее как-то упорядочить, установить точный валютный курс снова.

В конце сороковых этим решил заняться Сталин. Он поручил Центральному статистическому управлению (где в отделе баланса народного хозяйства я тогда работал) определить курс рубля по отношению к доллару. Представляете, личное поручение Сталина! Причем — срочное. Неделю мы днем и ночью корпели над расчетами. Методология, в принципе, была стандартной, если не углубляться в детали, то действовали мы так: определяли, сколько стоит наш валовой общественный продукт в рублях, сколько — в долларах и, соответ-

ми. Или, например, брали американские габардиновые пальто и наши — перекрашенные из шинелей.

Вот так мы все сравнили, но когда подсчитали, поняли, что все-таки наши расчеты воядя вряд ли обрадуют. Тогда родилась парадоксальная — с сегодняшней точки зрения, конечно, — идея: качество наших товаров значительно выше американских. Наши вещи более ноские, более добротные. И мы сделали поправку на 15 процентов. Получилось 14 рублей (то есть рубль сорок «новыми») за доллар.

Больше ничего придумать не удалось, да и времени уже не было. Расчеты отправили в Кремль начальнику ЦСУ В. Н. Старовскому. Он их ждал в кабинете А. И. Микояна, а Анастас Иванович дождался непосредственно у Сталина.

Светало, когда нас, наконец, развезли по домам. Честно говоря, на душе было очень спокойно: как-то воспримет наши расчеты диктатор? А вдруг не понравятся?

А спустя некоторое время в газете я ошарашенно прочитал: «За 1 доллар — 4 рубля». То есть — нынешних 40 копеек.

По молодости и наивности я начал допытываться у руководства ЦСУ, как это получилось, куда подевалась единица перед четверкой? Мой начальник отдела Валериан Антонович Соболев — очень хороший человек и прекрасный экономист — сначала отмалчивался, а потом все же под большим секретом рассказал, что, по словам Микояна, Сталин молча просмотрел наши расчеты и, гневно подрагивая усами, синим карандашом перечеркнул эти самые 14 рублей и, кажется, 30 копеек и собственноручно начертал: 4 рубля.

Вот истоки нынешнего «дикого», как пишет ваш читатель, курса.

Е. Ш.: — *Но в 61-м году произошла денежная реформа, и курс можно было поправить.*

В. Б.: — Немного поправили — стали считать 90 копеек за доллар. Но поскольку содержание рубля за последние 28 лет официально не менялось, а доллара снижалось — и не раз, то мы имеем вот это парадоксальное соотношение: 64 копейки за доллар. Никто, конечно, его всерьез не воспринимает, никто в него не верит...

Е. Ш.: — *Но что же мешает установить реальный курс?*

В. Б.: — Видите ли, хотя мы уже научились говорить правду, но мы еще не научились говорить всю правду. А она очень горька. Для того, чтобы установить даже не реальный, а, скажем, более или менее нормальный курс, нам нужно избавиться от синдрома великой державы, который нас все еще одолевает.

Потому что, если мы примем хотя бы соотношение рубль тридцать копеек за доллар, то сразу оказываемся седьмой страной в мире по валовому национальному продукту. После США, Японии, ФРГ, Франции, Англии и Италии. Это место более низкое, чем занимала царская Россия. А на подходе еще Китай, Индия и Испания.

Дальше, как вы понимаете, ехать некуда. Но иллюзия весомого рубля мешает нам осознать всю трагедию положения, в котором оказалось наше государство. Нужно избавляться от синдрома великой державы, нам уже не перед кем выставляться, все про нас давно известно. Известно, что мы первые по ресурсам, по возможностям и далеко не первые по результатам работы.

Но прежде, чем предпринимать какие-либо изменения курса, нужно понять одну очень важ-

ную вещь. Нельзя идти к конвертируемости рубля за пределами страны, не сделав его конвертируемым внутри государства.

Е. Ш.: — *Внутренняя конвертируемость?.. Вы хотите сказать, что рубль и в СССР не имеет хождения?*

В. Б.: — А вы считаете, что это не так?

Е. Ш.: — *Да, в общем-то, ни я, ни наши читатели так не считают. Вот письмо В. И. Рязанова из Борисоглебска: «У нас в стране давно нет денег. Есть талоны, блат, связи, знакомства. А деньги практически ничего не стоят».*

В. Б.: — Ваш читатель прав: деньги лишь тогда всеобщий эквивалент, когда на них можно купить все, что угодно. А что можно купить на рубль? В безналичном обороте рубль давно перестал быть деньгами, он обращается по законам карточной системы. Допустим, предприятие заработало какую-то сумму. Может ли оно купить сырье, металл, стани, жилье для рабочих?.. Нет, все это распределяется «по карточкам», сверху. Лимиты, фонды и т. д. Рубль только для нас с вами, для населения, выглядит конвертируемым, но и то не полностью. В Москве мы покупаем в магазине за одну цену, в Рязани — на рынке — за другую. А где-то в сельской глубинке этот товар нельзя купить ни за какие деньги. Появились талоны, предварительная запись в магазинах — чем не карточная система? Купить за честно заработанный рубль нельзя, уже очень многое: от мыла и сахара до автомобиля и кооперативной квартиры.

А если деньги перестали быть деньгами внутри страны, то как можно думать, что рубль будут признавать за ее пределами?

Можете вы представить себе иностранца — владельца рублей, который придет в СССР, чтобы обменять их на талоны и стать в очередь за килограммом мяса или «Запорожцем»? Да и этого ему никто не позволит сделать. Тогда резонный вопрос: зачем ему валюта, на которую ничего не приобретешь? То есть, пока мы не в состоянии обеспечить зарубежным гостям тот уровень товаров и услуг, к какому они привыкли дома, о свободном обращении рубля можно только мечтать.

Е. Ш.: — *Но некоторые наши читатели считают, что рубль обеспечивается не только товарами и услугами. Виктор Сидорович из Минска пишет: «Вы говорите, что рубль — неконверти-*

руемая валюта, потому что нам нечем торговать с Западом. А золото? Почему не учитывается, что у нас огромные запасы и добыча золота?»

И действительно, по иностранным оценкам, наш золотой запас приближается к 2 тысячам тонн. Разве это не оказывает влияния на курс рубля?

А. Ц.: — Что ж, давайте разбираться. Мы в самом деле продавали и продаем золото. Но, конечно, разговор о золотом обеспечении рубля сейчас вести несерьезно.

Чтобы внести ясность в этот вопрос, нам придется вернуться на несколько десятилетий назад.

До 1914 года золото и банкноты почти во всех странах, в том числе и в России, были равноправны. Любой гражданин мог обменять ассигнации по установленному в государстве их золотому содержанию на золото. Тогда действительно курс рубля к доллару рассчитывался по золотому паритету. До июля 1914 года за доллар давали 1,9434 рубля. И надо сказать, что золотой царский рубль котировался на валютных рынках.

После 1-й мировой войны большинство стран вынуждены были отказаться от обмена бумажных денег на золото. Но в 20-е годы, когда подорванная войной экономика восстановилась, вновь вернулись к такому обмену.

Однако ненадолго, в США, скажем, перестали менять доллары на золото в 33-м году. Дольше всех «продержалась» Франция — до 36-го года.

Е. Ш.: — *А мы?*

А. Ц.: — Я же говорил: до 1914 года.

Е. Ш.: — *Но ведь был в 20-е золотой советский червонец.*

А. Ц.: — Да, и, кстати, такой же весомый, как царский. Но на золото он никогда не обменивался, хотя такой обмен намечался. Не успели — к началу 30-х червонец «похудел», золотое содержание рубля перестало соответствовать официально объявляемой цифре.

Но посмотрим, что было дальше. В 1944 году в США было подписано так называемое Бреттонвудское соглашение — своеобразные правила валютной жизни мира. Мы, кстати, его тоже подписали, но так и не ратифицировали и автоматически исключили себя из этой жизни.

Так вот, по Бреттонвудскому соглашению доллар стал резервной валютой в международных расчетах, и курсы всех остальных валют до сих пор пересчитываются через него. Американцы обязались тогда обменивать

доллары на золото через центральные банки по твердой цене: 35 долларов за унцию (32 г.). Но это привело к тому, что золотой запас США сократился за 20 лет в 4 раза. И в 71-м году обмен был снова прекращен.

Новая валютная система 76-го года окончательно установилась, что золотое содержание теперь не фиксируется ни в одной валюте. Нет золотого содержания — нет и официальной цены золота. Она колеблется в зависимости от спроса-предложения. Случалось, что доходила до 900 долларов за унцию (помните, вначале было 35), сейчас где-то 400—500 долларов... В принципе, золото всегда оставалось легкoproдаваемым товаром, и это для нас, конечно, поддержка. Но не настолько существенная, чтобы влиять на обратимость рубля.

Судите сами: ежедневный (!) оборот валютного рынка 200—300 миллиардов долларов. То есть, объем товарной массы в мире настолько велик, что никаким золотым запасом его не обеспечишь. Я думаю, что попытка привязать рубль к золоту закончилась бы истощением наших золотых запасов в течение квартала-двух.

Е. Ш.: — Если вы не против, то давайте вернемся ненадолго в прошлое еще раз. Почему все же так быстро исчез золотой советский червонец?

В. Б.: — Понятно почему... По той же причине, которая уничтожила нэп, рыночную экономику. В конце 20-х годов Сталин решил, что пора от рыночной перейти к плановой (официально плановой, а по сути — к административно-командной) системе. Было сказано, что денежная система не должна мешать натуральному планированию. Не мешать — это значит никаких финансовых ограничений нет. В результате нарушилась связь между товарной массой и денежной, то есть, появились в обороте «лишние», не обеспеченные товарами деньги. Ясно, что денежная система тут же развалилась. Повторю: только на одном золоте рубль держаться не может. Кстати, советский червонец поддерживал не столько золотой запас (он в то время был 100—150 тонн), сколько активный торговый баланс, ликвидация бюджетного дефицита и отсутствие в обороте «лишних» денег.

Как только товарное наполнение рубля перестало соответствовать номиналу, он стал неконвертируемым. И таким оста-

Е. Ш.: — По этому поводу читатель из Саратова М. Чайко замечает, что «раз у нас нет нужных товаров, то почему бы не дать возможность покупать их за границей». И предлагает такой метод: «Пусть инвалюта свободно продается на рубли, но не по официальному курсу, а по курсу черного рынка. Все равно это имеет место, так почему бы не узаконить, как догадались сделать в Польше? Рублей в стране лишних аж 300 миллиардов, тратить их не на что. Вот и пусть, кто хочет и может, тратят на такой товар, как доллары или марки. А потом свободно провозят за рубеж и там покупают, что им надо».

И еще одно предложение — С. Тивниовой из Гомеля: «Нужно разрешить свободное хождение любой валюты в стране, как везде в мире».

А. Ц.: — Сразу о втором «предложении». Это очень распространенное заблуждение — что «везде в мире» свободно ходят любые валюты. Ну, возьмем доллар и марку. Действительно, в тысячах обменных бюро на территории ФРГ в любой момент, в любом отеле вам поменяют доллары на марки и наоборот. Но это вовсе не значит, что вы долларами где-то можете расплатиться. Ну, разве что в такси. Законное платежное средство в любой стране — только национальная валюта.

Теперь о продаже валюты по ценам черного рынка. Во-первых, любопытно, как ваш читатель собирается удовлетворить спрос, откуда появится эта валюта?

Во-вторых, я не считаю, что 300 миллиардов на книжках — это очень много, и людям некуда тратить деньги. У нас в стране почти 195 миллионов счетов, это значит, что все активное население плюс пенсионеры имеют по одному счету. И на каждой книжке в среднем лежит около тысячи рублей. При нынешних ценах на эти деньги не купишь и самого необходимого, не говоря уже о инвалюте.

Но, в принципе, я бы саму идею не отвергал. Нелегальный валютный рынок, действительно, существует, и можно было бы его легализовать. Цены? Приведу такой пример. В Австрии, как, впрочем, и во многих западных странах, есть банки, где можно купить рубли. Простой весной там рубль продавали за шиллинг (при тогдашнем курсе 21 шиллинг за рубль). Некоторые австрийцы перед поездкой в СССР покупали...

Так вот, пусть бы и у нас че-

ловек, собирающийся в командировку или турпоездку, скажем, в США, пошел в банк и купил сколько-то долларов по курсу, ну... 10 рублей за доллар. Заодно бы подумал: выгодно ему это или не очень.

Но, мне кажется, это побочные вопросы, и решение их никак не облегчает нашего экономического положения и никак не влияет на конвертируемость рубля.

В. Б.: — Мало того, я бы добавил, что если мы введем в обращение инвалюту на территории СССР, то это приведет к полному краху нашей денежной системы, еще большему обесцениванию рубля, галопирующей инфляции... Все захотят, чтобы за любой хороший товар им платили в долларах, а рубль тогда вообще превратится в бумажку.

Нет, выход только в том, чтобы он стал конвертируемым. Без этого нам на ноги не стать. Без твердой валюты не будет ни совместных предприятий, ни международной торговли, ни вообще полноправного экономического сотрудничества.

Е. Ш.: — Но даже экономисты-оптимисты утверждают, что рубль может стать валютой не раньше 2005-го года. Выходит, в ближайшие 15 лет нам на мировом рынке делать нечего?

В. Б.: — Я бы не стал называть конкретный срок. Думаю, он зависит от того, насколько быстро нам удастся сделать рубль конвертируемым внутри страны.

Е. Ш.: — А есть ли у экономистов концепция перехода к внутренне обратимым деньгам?

В. Б.: — Вместе с двумя профессорами МГУ Павлом Алексеевичем Медведевым и Игорем Васильевичем Нитом мы разработали такую концепцию. Суть ее, в двух словах, в создании общесоюзного рынка, в переходе от административно-командного управления к рыночной экономике. К управлению с помощью финансов и кредита, как во всех цивилизованных странах. Считаю, что без этих мер не может быть проведена хозяйственная реформа, не сдвинется с места идея регионального хозяйства.

Впрочем, полагаю, это уже тема для другой беседы.

Е. Ш.: — Ну, что ж, ловлю вас на слове и оставляю за читателями право «прійти» к вам на прием еще раз.

Оформление Валерия
РУЛЬКОВА

Не кажется ли вам странным, что о космосе, нейтронах и интеллектуальных системах мы порой знаем больше, чем о делах простых и вечных! Ну, скажем, о пчеловодстве! Мои, например, знания о меде не распространяются дальше того, что он бывает темным и светлым. А вот где учат на пчеловодов — понятия не имею. Полагаю, не я один.

**К. Простецов,
г. Киев**

В нашем представлении пасечник чем-то смахивает на сторожа. Сторожа ульев. Сидит себе человек и ждет, пока не придет время бочки медом наполнять. Вот жизнь! Да?

— Ничего подобного! — услышал я в Башкирском обкоме комсомола от заведующего отделом учащейся молодежи Шамиля Зарипова. — Я сам с шести лет помогал родителям на нашей маленькой пасеке. Последний отпуск тоже провел там. Был подручным. Невероятно интересно. Ну, и тяжело, не скрою. Пчеловодство — целая наука...

Еще Шамиль рассказал, что в екатерининские времена к Петербургу, Москве и еще дальше — в Европу, тянулись «сладкие обозы» из Уфы. Местный мед славился своим отменным качеством.

А кто сейчас продолжает традиции башкирских пчеловодов? Чтобы ответить на этот вопрос, мы и поехали в село Михайловку, где размещено СПТУ-83. Там-то как раз и можно встретиться с теми, кто знает все «пчелиные секреты», кто учит недавних школьников «на пасечников».

Эта «академия юных хозяев ульев» с типовой вывеской сельского профтехучилища имеет, как оказалось, невероятную популярность. Не часто встретишь СПТУ, где учебные группы — по 35—38 человек вместо 25 по норме. Едут в училище юноши и девушки из 52 районов Башкирии, едут из Узбекистана, Туркмении, Татарии, Свердловской, Челябинской, Оренбургской областей...

После 10 классов здесь учатся один год, после восьми — три года. Девушек в группах немного: по пять-шесть. А парни, главным образом, приходят сюда уже после армейской службы.

Любопытно, что еще недавно работать на пасеках желали

только дети пчеловодов. Теперь примерно пятая часть учащихся — городские. О том, как пчела «делает» мед, они впервые узнавали на уроках биологии. Но успехи у них не хуже, чем у сверстников, которые выросли рядом с ульями. Факт вызывает удивление? Нет. Ведь и блестящими капитанами часто становятся мальчишки, что до «мореходки» никогда не бывали у моря. После окончания училища одни его выпускники (отработав 2—3 года по месту распределения) заводят свои собственные пасеки и становятся хозяевами «пчелиных ферм». Другие предпочитают оставаться на колхозных или совхозных пасеках. А примерно 10 процентов каждого выпуска пчеловодов желают продолжать учебу и поступают в сельхозинституты, на биофаки университетов, в другие высшие учебные заведения.

Да, надо сказать, что пчелы в Башкирии — среднерусской породы. Это знаменитые «полосатые труженицы». Но есть здесь и другие пчелы, вывоз которых (чтобы сохранить уникальную породу в чистоте) запрещен. Речь идет о диких пчелах Бурзянского района. Бурзянская пчела переносит жгучие морозы так же легко, как белые медведи. Она не поддается самым опасным пчелиным болезням. Ее лесной мед — как сказочное лакомство. Его добывают и продают бортевики. Их нельзя назвать пасечниками, у них нет пасек. Их никто ни в каком училище не обучает. Борть — искусство делать дупло и леток по «вкусу» диких пчел, знать лес и его законы, уметь брать (вырезать из всей массы) ровно столько дикого меда, сколько можно, чтобы не оставить «бурзянок» на голодную смерть.

Исключительно по наследству передается это мастерство людей отважных и сильных, благодарных знатоков «неприрученных» пчел.

**Валерий ЛАПИН,
Башкирская АССР**

предъявите права!

МЫ ИМ ЕЩЕ ПОКАЖЕМ

— Скажите пожалуйста, мы тут с ребятами заспорили, а за справедливую драку — что, тоже могут впать?

— Справедливую? Это, например, ты вступился за слабого или шел с девушкой, а к вам пристали...

— Не совсем так. Можно, все по порядку? Сэм — он из нашей тусовки — шел как-то вечером домой. К нему прикалываются трое. Ну, знаете, этот классический прикол с понтом: «Дай закурить!». В общем, дали в глаз, и довольно крепко — неделю «фары» отмачивал. При этом — ни за что!

— Он не стал обращаться в милицию?

— Нет. Ладно. Одного из них Сэм засек как-то в городе — и приметил, где живет. Мы собрались — Сэм, я, еще пару из наших — и к нему: «Не будете ли любезны вспомнить вот этого джентльмена?» Только понятнее. Тот давай выпендриваться: «Ты Стиву знаешь?! Смотри, вам еще плохо будет!» Ничего, повалили мы его от души — запомнит. Таких учить надо только так.

Что, разве мы поступили несправедливо? Мы ведь за друга — чё они Сэма трогали?!

— Знаешь, не вступиться за друга может только трус и подлец. Если бы ты в тот вечер шел с Сэмом, и те трое подошли и затеяли драку — я думаю, это была бы вынужденная самозащита. Но то, что рассказал ты... Послушай, я не понимаю, вы вчетвером избивали одного человека, пусть «за дело», и полагаете, что поступили благородно? Я не хочу, чтобы вы были законопослушниками: это можно, это — ни-ни... но в данном-то случае даже у не знающего уголовный кодекс ведь мог сработать внутренний ко-

Идет телефонное расследование

декс чести? Бить ногами вчетвером одного хоть за высшую справедливость — нет, не понимаю...

— Чего там, дело обычное.

— Теперь, когда более-менее мы выяснили детали, я могу перевести вашу благородную месть на юридический язык: злостное хулиганство, срок лишения свободы — до пяти лет.

— Ага, значит им тоже могут впать?! Вы меня учить начали — про благородство и всякое такое... А между прочим, знаете, что сейчас с моей ногой?! В гипсе. Сложный перелом, и еще неизвестно, как срастется, как восстановится... Это железным прутиком — да, те самые, за кого вы вступались...
— Но, послушай, есть же нормальные, человеческие пути наказания, восстановления справедливости. Есть милиция, есть суд...

— Да, тогда, кстати, милиция прямо на месте и накрыла — наверное, кто-то из соседей вызвал. Те ходу, а я лежу, встать не могу. «Что-то случилось?» — спрашивают. «Нет, все о'кей. Вот с лестницы случайно свалился»... Ну, нет так нет — им же меньше работы.

— Почему же ты не сказал, как есть?

— Не-ет, я хочу сам. Все — как они мне. А того, что с прутиком, — я запомнил.

— Злоба — плохой советчик. Ты принял одни правила игры и полагаешь, что все им будет следовать. Но вот простой вариант: во время очередного разбирательства появляется наряд милиции, и избиваемый наряд милиции, и избиваемый наряд милиции, и избиваемый наряд милиции. Он может снять побои и пойти завтра в

милицию. Потом, у парня есть родители — они могут заявить о преступлении (давай все-таки назовем это своим именем). И вот загибай пальцы: несколько таких разборок — уже система, неоднократное злостное хулиганство... Ты понимаешь, что это? Это лишение свободы, это зона, это жизнь наперекосяк...

— Но ведь и им тоже срок подают?..

— Да, и им тоже — но, поверь, что там, в зоне, где вы окажетесь вместе, легче от этого не станет.

— Неужели могут заявить?

— Я мог бы рассказать массу подобных историй, когда благородные (по их мнению) мстители оказываются вались за решеткой... Да ведь и тот, с железом, должно быть, от всей души вступался за своего друга, которого вы «повалили»? Здесь уже нет правых. Мне кажется, ваш Сэм все-таки допустил ошибку — в тот самый первый раз. Ему стоило сразу обратиться к правосудию — не втрапляя вас в самосуд.

И еще. Подумай, пожалуйста, чем может окончиться ваша «справедливая» драка. Увечьем, инвалидностью, смертью. Ты сам себе это простишь?..

Телефонное расследование вел Святослав Герасимович ГОЛИК, советник юстиции, помощник прокурора БССР

Напоминаем: если вам нужна юридическая помощь, прямая линия «Паруса» соединяет с работниками прокуратуры БССР по четвергам с 15.00 до 18.00 по московскому времени. Номер телефона в Минске: 26-44-31.

работа над ошибками

ПИСЬМО

Более полутора лет прошло с тех пор, как «Парус» опубликовал «Исповеди-ответы» — диалог курсантов и девушек, обиженных друг другом. На эту публикацию откликнулись около 400 девушек и восемь ребят. Девушки рассказывали каждая свою историю, чаще всего печальную. Юноши предпочитали обобщать, угадывать философию явления, зерно конфликта. Они искали истину, не зная той простой истины, что в несчастной любви ничто не утешение... Тем более, что истина оказалась горькой.

«Дедовщина начинается до призыва. Так же и с любовью — никакой особой специфической «курсантской» или «солдатской» суперковарной любви нет. С нынешним курсантом девчонка вчера сидела за одной партой, и он был прост, как две копейки. А тут нацепил лычку и, поди ж ты, сразу «омефистофелился», оборотень. Все уродства чувств и отношений начинаются... чуть не написал «на гражданке», но не хочу делить жизнь на «военную» и «цивильную» — все начинается с нас самих.

Игорь К., 23 года,
г. Норильск»

Письма спорили друг с другом, консолидировались по группам, атаковали мнение мнением, исходили праведной тыловой ненавистью, дышали трудной батальной усталостью, иногда, очень редко, успокаивали сдер-

СЧАСТЛИВОМУ

жанной дипломатией, еще реже ласкали лазаретным милосердием. И в этой эпистолярной битве не нашлось, пожалуй, места только двоим — священнику и ...парламентеру. Больше всего было мудрецов (или мудрецац, если попытаться учесть пол большинства авторов), оракулов, инквизиторш.

«Все зависит от девушки: если она будет вести себя с достоинством, то и ребята будут относиться к ней с уважением!

Артур, 19 лет, рядовой,
г. Сызрань»

«У меня, как у любой женщины, было какое-то инстинктивное доверие к человеку в форме: к офицеру, солдату. Они — защитники Родины. А Родина — это ведь не только часть суши, это люди. Значит, и я. Когда меня обманул и низко предал

брачные объявления в газеты. А нам почему-то нельзя писать «счастливому солдату» — гордость, видишь ли, теряется. Я никого не разыгрываю в своих письмах. В ответ часто приходят издевки, но три хороших знакомых у меня уже есть. С ними все тоже начиналось с шуточек, но моя искренность и простота их переломили. И мама говорит: «Правильно, доброта и простота не могут унижить женщину!» Татьяна, 18 лет, г. Новосибирск»

«Раньше люди шли на войну и думали о Родине, о любимой девушке. А о чем думают сегодняшние курсанты под мирным небом? Какие мысли у простых солдат? К нам недавно перевели воинскую часть, и теперь девушки на улице отдают честь: «Кинозвезда, вы снимаетесь?» И аргумент соответствующий, казарменный: «К чему любить, к чему страдать, коль все пути ведут в кровать?». Здорово, правда? Но — нездорово, товарищи вояки!

Катя и Наташа, 15 лет,
Вологодская область»

нешняя молодежь — поколение бездушное, бессовестное. Но это наше продолжение.

Ирина Александровна,
г. Гомель»

«К нам в швейное училище приходят письма от ребят, служащих в СА. И мы их понимаем: им скучно, и они ищут друзей «на гражданке». Так почему же девушки не могут писать письма незнакомым солдатам? Может, и девушкам одиноко, поговорить не с кем? А солдаты издеваются...

Галина, г. Волгодонск»

«Практика показывает: с военными лучше общаться по переписке. Очный контакт, как говорить, чреват. Придешь в училище на дискотеку, первый вопрос: «Не снимаетесь?» Скажешь грубо, можно тут же попробовать «рыцарской» руки. Улыбнешься — поташат в темный угол. Хочется сказать: «Мальчишки! Кончайте вы эти съемки! Посмотрите на нас человеческими глазами. Мы же ваши одноклассницы вчерашние, завтрашние жены. Зачем же и вам, и нам этот постыдный «съёмочный период»? Но никакие доводы не остужают казарменные головы.

Алла, 19 лет, г. Челябинск»

«Запомните, милые девушки, раз и навсегда — никогда не ложитесь в постель с курсантом или любым другим молодым человеком, не будучи законной женой. Сказать «НЕТ!» — ваше право, ваш долг, ваша обязанность перед будущим потомством. Уважайте, любите, цените прежде всего себя. Не допускайте, чтоб о вас плохо говорили. Будьте тверды, тогда и поймете, кстати, где любовь, а где игра. Игрок в любовь долго не выдержит и начнет искать новый объект, а кто полюбит — поймет вас и будет уважать еще больше. Попробуйте. Проверено жизнью. Нина Федоровна Пешехонова, 47 лет, мать двоих детей, г. Краснодар»

«У нас на казарме исстари было нацарапано: «НАС ждут только МАМЫ!» Из роты только одному парню, Игорю, девушка писала от и до: последнее письмо пришло в день дембеля. Мы ему по-хорошему завидовали, поздравляли. Он нас всех обещал на свадьбу пригласить. Разъехались, переписываемся. Только Игорь как в воду канул. Случайно встретились с ним на юге. Он, оказывается, застал свою «писательницу» на сносях — была замужем, ждала второго ребенка. А ему раз в три дня писала из «гуманных» соображений — чтобы он вдали от мамы чего-нибудь с собой не сделал. Вот логика!

С. О., 21 год, г. Николаев»

СОЛДАТУ

мой солдат, я не только переживала, я стала в сто раз больше бояться войны. Люди, чьи души оккупированы обманом, нас не очень-то защитят!

Марина, 19 лет, г. Пермь»

«Уходя в армию, Саша требовал доказательства моей любви. Я не соглашалась, говорила, что дождусь лучше девушкой, что так надежнее. Он настоял на своем, я уступила. Сейчас, вращаясь в его компании, вижу, что «доказательства» нужны парням не для себя, а для друзей. Уходя в армию, «западло» оставить подругу «нераскупоренной». А что нам, девчонкам, после этого делать? Ведь все знают, что ты «уже» и что защитить тебя некому...

Оксана, 16 лет, г. Киров»

«Сегодня быть гордой, значит быть одной. А я не хочу. Поэтому и пишу парням в воинские части. Взрослые не стесняются давать

«Мне семьдесят лет. Все, чем я дорожу на старости, — письмо мужа, погибшего в войну. Знаю их наизусть, но часто перечитываю, чтобы увидеть любимую руку. Внук пришел из армии, застал меня плачущей над этими дорогими листами: «Бабушка, все письма любимым сочиняет в части один какой-нибудь пустобрех. И за это полы режет мое. А ты плачешь над этим сорок пять лет». Я пыталась объяснить ему, что в наше время было все по-другому, мы были другими, не такими злыми, жестокими, циничными. «Как же вы нас такими вырастили?» Ны-

«Что бы вы ни печатали, я писала и буду писать письма «счастливым солдатам». Во-первых, это все же хоть какое-то развлечение, как говорить, лучше, чем водку пить. Во-вторых, я буду к этим простакам втираться в доверие, а потом их — мордой об асфальт. Я верила, ждала, меня предали. Ну, так сейчас сами получайте. Подруга говорит, что мне тоже отомстили за кого-то. Пусть! Пока мне больно, буду делать свое фиолетовое дело.

Надежда, 15 лет, г. Пермь»

Наверное, все эти и сотни подобных писем так и остались бы архивным достоянием «Паруса», если бы однажды утром в редакцию не пришел черноволосый, чуть выше среднего роста, немного резковатый в движениях парень — Андрей Сафонов. Ему уже двадцать четыре. Но десантное прошлое все как-то задерживается на переднем плане памяти, не дает покоя. Андрей с удивлением обнаружил, что извлекать из него можно порционно — «выписывать» небольшими рассказами. Мы публикуем сегодня тот, в котором пресловутое письмо «счастливому солдату» стало волею драматических судеб действующим лицом.

— А сам рассказ можно считать письмом всем легкомысленным деушкам? — спросили мы Андрея.

— Нет, пожалуй, — ответил Сафонов. — Это, скорее, обращение к парням-допризывникам. Постепенно, с годами, мы начинаем осознавать: мужчина всегда в ответе за женщину. Понимаете, любой мужчина за любую женщину. Философия, закон природы. Жаль, что этому не учит семья и школа. Учит жизнь, а ее уроки стоят дорого. Может, кому-нибудь из парней пригодится моя подсказка.

ХРОНОЛОГИЯ ПРЫЖКА

Андрей САФОНОВ

Рассказ

Июль. Шесть утра. Рядом по десяти мы сидим, опершись на ранцы, на краю взлетной полосы. Солнечный факел на уровне подтянутых колен. Лицо покалывают теплые «мурашки». Если есть за два армейских года свет-

лые мгновения, то это одно из них. Никуда не хочется, даже в детство. Прозрачная голубизна неба снаружи устанавливает такую же безоблачную пустоту внутри. Ни дуновения, ни мысли. Словно сидишь в море теплого песка, а рядом полощется море воды. Ш-ш-ш-ш... Ших-х-х. На бетонку набегает прибой травы. ВСТАТЬ! ЛЯМКИ ПОД-ТЯНУТЬ!

«Ил» заходит на посадку.

Письмо принесли в роту, когда шла укладка куполов. Назавтра у нашего призыва был последний прыжок за срочную. Осенью дембель. Вскрыли конверт часов в девять вечера, в курилке. «Счастливому солдату». Сколько их приходило, кто считал?.. А читали все.

Мерный рев стального жука, «подкрадывающегося» по рулежной дорожке, глушит голос старлея. Но достаточно шевеления губ. Все команды известны на ять. Сейчас ты — глазастая ячейка зеленой гусеницы. ЛЕВЫЙ БОРТ НАЛЕВО! Левый борт — это два ряда сидевших впереди, ЛЕВОЕ ПЛЕЧО ВПЕРЕД... БЕГОМ МАРШ! И гусеница поползла, побегала каждой своей фасеточкой, выпрямилась, уперлась в дюралевое брюхо. Вот и наша шеренга. Я восьмой по правому борту. Тяжело бегу вслед за Витькой. Основной, плюс запаска, плюс автомат, плюс ранец, итого два пуда. Странно, обычно расстегнутые клапана Витькиной прыжковой шапки сейчас застегнуты. Экипировку несет, как собственную спину. У самого самолета налетает винтовой поток. На холостых, но все же приходится пригибаться, чтоб сохранить равновесие. Секундная задержка, пока рассядутся вдоль левого борта первые две шеренги. И вот последний взгляд на квадраты взлетки. Теперь до сборов на гражданке, гуд бай! Девять шагов по клепанному языку рампы — и мы в самолете. Горюх в стручке.

Такого всплеска эмоций не помнили стены казарменной курилки. Письма от изывающих на воле неизвестных подружек первыми ритуально читали старики. При отсутствии грубых грамматических ошибок, наличии чего-нибудь незаурядного в тексте желающие брались писать ответ. В противном случае послание спускалось салажым низам на бытовые нужды.

Содержание же этого конверта не удостоилось традиционного решения. Когда через полчаса после прочтения последней из нас молча покинул курилку, листок так и остался лежать на грязном, зашарканном полу. Со всем откровением ненависти в него были вжаты, вплеваны и втоптыны окурки и слова тех, кто вляпался в его содержание.

Тот, кто сидит у иллюминаторов, обычно смотрит в них при взлете. Но и у них, как у тебя, в это время сжимается внутри пружина, плотнее и плотнее, в такт ви-бра-ции-раз-бе-га... Хаоп! И герб отпустило. И стало тише, не дрожит. И на лица краешки улыбок — самолет оторвался от земли. Теперь он — твоя твердь, твоя опора. Ощущаешь ее, доверяешься. Хочется поскорее пристегнуться к тросу, связать себя с ним, с машиной, с твоей крохотной клепанно-металлической Землей. По узким канавкам между рядами коленей пошли выпускающие, ловко жонглируя руками. Его рука — тебе на плечо, ты — голову вниз. Сзади рывок, из-под резинок он достает камеру со стабилизирующим куполом, щелчок вверх, и вот ты уже видишь эту связь. Величиной с маленькую дыньку, плотно заполненный помпоном покачивается над головой, пристегнутый к тросу металлическим карабином. От камеры к тебе за спину тянется полоска усилительной ленты — теперь ты знаешь: что бы ни случилось с самолетом, тебе нужно лишь оттолкнуться от него. Камера-дынька под тяжестью твоего тела, подхваченного струей воздуха, выплывает в пространство вслед за тобой маленький жизнеобеспечивающий парашютик.

Часто ли происходят в жизни такие ошибки, как это случайное вложение в конверт не того письма? Ошибки, могущие стать роковыми для совершенно незнакомых людей. Я не думал об этом после курилки. Вечером в необычной для нашей казармы тишине я уснул, как и все остальные, потому что армия учит долго не думать. И никто, кроме дневального, не слышал часом позже тренированно-мягкой поступи армейских прыжковых ботинок. Минут через десять дневальный вышел покурить на крыльцо, уловил в июльской теплой тишине щип последней электрички, уходящей с близкой отсюда станции.

Вот и ушел третий борт. За-
тихает сирена, гаснет зеленый
глаз «светофора» над пастью
рампы. Пошли на разворот. Рам-
па зевком закрывается — воз-
вращается сосредоточенность.
Напротив пусто, никто не под-
мигнет, не сострит жестом. По-
следний проверочный взгляд на
свою помпушку, не съехала ли
влево. Когда встанешь и, уткнув-
шись головой в ранец впереди
стоящего, побежишь к рампе,
камера должна быть сзади.
Оглянулся. Витька тоже смот-
рел на свой помпон, правее мое-
го. Царапнуло — как-то не так
он на него смотрел. А на меня
вообще не глянул. Витька! Забе-
гали, засуетились в подсознании
какие-то мысли, обрывки фраз.
Шевельнулись внутренности и
колынуло в горло. В нем, как
пришпиленный, застрял вопрос.
И тут... **ЛЕВЫЙ БОРТ,
ВСТАТЬ! ПРИГОТОВИТЬСЯ!**
Над уже разинутой в небес-
ную синеву рампой — желтый.

*Видаввшего виды, прошедшего
через кровавую явь Пандиера
капитана Титова трудно было
взволновать. Но когда ему, де-
журному по части, майор мили-
ции изложил причину приезда
опергруппы, лицо Титова нехо-
рошо напряглось. Через минуту
он уже знал о местонахождении
солдата. Лицо обмякло. Титов
проинформировал майора, по-
делился наблюдениями. Сол-
дат может покинуть расположе-
ние части незамеченным. То, что
произошло в городе, тоже веро-
ятно. Можно даже, если улыб-
нется звезда, успеть к утренней
поверке. Но чтоб после всего
этого пойти на прыжок?.. Мили-
цейский воронок, этакий стекло-
бронированный пенек фуражеч-
ных опят, выкатил за КПП. Ти-
тов все же решил связаться с
передвижными КП на площад-
ке приземления.*

Прости меня, Витька! Нет в
наставлении такой обязанно-
сти — реагировать на выраже-
ние лица. Да и кто живет сей-
час по наставлениям.

Прости. После команды, уви-
дев желтый, я не мог уже дум-
ать о тебе. Ты был за спиной.
Ты еще мог отступить. Или ска-
зать что-нибудь. Но ведь ты мол-
чал! Ты тоже был озабочен, но
совсем не тем, чем мы, остальные.
В эти короткие секунды го-
товности только и успеваешь,
что сдвинуть под колени основ-
ную лямку и наклониться, сгруп-
пироваться. Однообразно ше-

вельнувшись звеньями, цепочка
из десяти человек замирает. Как
током, прошибает рев сирены.
Зеленый! Побежали! Эти не-
сколько шагов... Раз, два, три.
Ты и купол за плечами. Купол
и ты. Четыре, пять, шесть. Ты
сжимаешь до боли кисти крес-
том на груди, в них крепление.
Ты и ранец. Семь, клепанный
порог. И все! Уже ложась на
поток, диктуешь себе подтянуть
толчковую ногу. В ближайшей
три секунды не ощущаешь себя.
Поток в трех измерениях играет
твоим телом.

Если бы на его месте был кто-
то другой, предчувствия офор-
мились бы в уверенность. Раз-
вернувшись на стропях, я не
увидел сзади никого. Но чтобы
Витька — отказчик? На послед-
нем прыжке?! Только бегущая
в мою сторону толпа, замечен-
ная с метров двадцати до зем-
ли, решила для меня все...

Там я не был. В глазах стоял
четкий отпечаток того воскового
лица. Сейчас, на земле, по нему
все ясно читалось. И он же под-
сказывал, что там, на месте па-
дения, в некошенной траве ле-
жит нерасстегнутый ранец, впи-
гывая краску теплой лужицы.
Торчит обрезанный стропорезом
конец усилительной ленты. А ма-
ленькая помпушка осталась в
самолете.

*«Привет, Маринка! Калинин-
граду от Минска — салют! Изны-
ваю от скуки, и вот решила тебе
ответить. У нас тут полно ново-
стей, восьмой за плечами. Ленка
уходит в хабзу. Юлька снова тя-
гается с Рыжим, хоть тот и пьет
по-прежнему. Сама закидывает
за всю малину. Банана оставили
на второй год, он тебе все при-
вет передает. Короче, весело. Я
в июле или в августе на юг с
сестрой. Она уже вся засохла
на нет — двадцать шесть стук-
нуло, прикидываешь? Наверное,
надеется там кого подстрелить.
Ну, а я прокачусь на халыву.*

*Последнее время опять гуля-
ла с Лысым. Сволочь, конечно,
но не чета нашим карапузам.
И деньги есть. Пару раз по-пья-
ни были накладки, но он сам
уколы доставал и сам делал.
Всю «женю» изрешетил. Никому
из своей команды меня не дает,
а этому козлу Олегу при мне по
фейсу настучал. Я этого сопляка
теперь видеть не могу, а маман
думает, что я в него по-прежне-
му влюблена, в отличника-паинь-
ку. Я не жалею ни о чем.*

*А помнишь Осееву из девято-
го «В»? Тихоня, которая все на-
шей беседки шугалась. Еще по-
том кент за ней таскался из
шестнадцатого дома, который*

*Юльку первым зацепил. Длин-
ный такой. У них, говорили, неж-
ность такая была, что у всех
челюсти отвисали. Короче, при-
плыла недотрога. Этот длинный,
наверное, передал ее по наслед-
ству бывшему дружку, с кото-
рым вместе служить попал. И
рассказал, небось, еще все про
свои дела. Что ты-что ты, де-
сантнички. Я еще как-то сдуру
адрес части у нее брала, так,
для хохмы думала написать, а
потом плюнула. Обойдутся. Ну
так вот, этот дружок длинного
дембельнулся, а тому еще до
осени служить. Ну, и давай к
этой Осеевой клеиться. Она —
ни фига. Так он давай ее на
понт брать, мол, давай деньги,
а то заложу мамаше, что не
девочка! Ну, и она приносила
несколько раз. А потом, навер-
ное, перестала. И он ее по пьяни
в тачку и на хату, там еще двое
дружков. Короче, писанули ма-
лышку. Тем, говорят, вообще
лет по тридцать. В общем, не
знаю, как ее старики, а на рай-
оне уже все знают. Говорят, ду-
ра, вены резала. Ну, у меня все.
Чао. Пиши, как там у вас де-
лишки».*

Оформление Сергея
СТЕЛЬМАШОНКА

АЗВЕ

ГРАФИКА
ЮЛИИ ХУХЛИНОЙ

Юля живет в городе Красногорске Московской области, учится в школе. О себе пишет следующее:

«Ленива, не уверена в себе. «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо» читала сто раз. Любимый поэт — Пушкин. Очень уважаю классическую музыку, «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Аквариум», Модильяни, Рублева, Иванова, Врубеля, Петрова-Волкина и Анатолия Зверева».

Кто хочет узнать о Юле побольше, пусть внимательно познакомится с ее работами.

поле брани

В четвертом номере «Газеты» в рубрике «Поле брани» было опубликовано письмо «бывших люберов», а ныне солдат Советской Армии Павла Радзимирского и Алексея Шашкина, которые предлагают отстаивать свои принципы не словом, а силой: «Мы выбрали свой метод разговора с ними («панками», «брейкерами», «меломанами», «наркоманами» и прочими болванами) и добьемся того, чтобы нас понимали. Короче, надо жить по словам из песни Виктора Цоя: «Что будут стоить тысячи слов, когда нужна будет крепость руки!»

В «Газету» пришло много писем, адресованных Радзимирскому и Шашкину. И только два из всего количества содержат в себе согласие с позициями «бывших люберов». Остальные высказывают свою точку зрения на методы убеждения и спора. И просят опубликовать их. Что мы и делаем. А вдруг Павел и Алексей попытаются вникнуть в контраргументы и дадут кулакам отдых?

И УВАЖАТЬ СЕБЯ ЗАСТАВИТЬ!

Прочитала вашу новую рубрику «Поле брани». И очень мне понравилось письмо Павла Радзимирского и Алексея Шашкина. Не знаю, как другие, но я с ними просто согласна. Совершенно. Во всем. Хотя я живу и не в Москве и о «люберах» знаю только понаслышке, но, во всяком случае, именно их я уважаю больше всех остальных группировок и объединений. Я считаю,

что в наше время, при нашей жизни жить «маменькиными сынками», глупыми панками и т. д.— это просто-напросто проявлять высшую глупость. Также я считаю, что высшей глупостью для любого молодого человека является быть хилым, ничем всерьез не заниматься (я имею в виду спорт).

Пусть «мажор» остается «мажором», его никто не сможет лишить обеспеченности. Но нельзя же быть «мажором», понимая, что скоро 18 лет, а именно — скоро в армию, и не заняться хотя бы боксом, чтобы отстаивать свою «мажорщину».

И зря Алексей Батулин пишет, что, цитирую: «Вам, видимо, нравится кого-то «гонять», качаться целыми днями ради этих минут». Уважаемый Алексей, я считаю, что «качаются» не ради того, чтобы только кого-то «гонять». Просто в наше время это нужно. А если хочешь, то и для того, чтобы доказать какому-либо зарвавшемуся «мажору», что, действительно, «выживает сильнейший». И папиной «Волгой» он докажет гораздо меньше, нежели доказал ее своим кулаком. Это мое мнение.

Наташа, 17 лет,
г. Воронеж

«КУМИРЫ» КАМЕННОГО ВЕКА

В свое время я был сначала «металлистом», потом «волнистом», а потом стал самим собой. Теперь мне нравится все и ничего, но за то, что я не терплю многое в «металле» и презираю в «волне», я никому морду бить не собираюсь. Хотя вполне спокойно мог бы это делать. Но вот тому, кто при мне пристал бы к этим «металлистам» и прочим, я бы харю набил с удовольствием. Какое они, спрашивается, имеют право решать, что плохо, а что хорошо для дру-

гого человека? Когда ко мне приставали за то, что я «металлист», а потом «волнист», я, если не хватало сил, брал в руки лом, кирпич, кол, нож — по-любому, но так просто никому не сдавался. Теперь я понял, что все это детские игры. И поэтому слова люберов о благородстве, их дела кажутся смешными. Прикрываясь громкими лозунгами, они занимаются откровенным мордобоем. Но я уверен, что скоро, если не уже, будут группы среди москвичей тех же самых, которые будут отлавливать тех же люберов, избивать и грабить их и только их, прикрываясь лозунгом вроде «борьба с перегибами». Хотел бы я тогда посмотреть на лица «благородных» люберов. Ведь качаться нетрудно, трудно быть настоящим человеком. И в армии люберы не на первом месте, к счастью, сила не решает проблем, стоящих в армии. И те же люберы, гордые собой на гражданке, первыми бросаются выполнять приказания дедов, ибо знают, как больно могут бить. А потом сами, становясь дедами, издеваются над слабами и боятся сильных. Короче говоря, ни один настоящий мужчина не станет любером по убеждению. И люберы — это те же «панки», «брейкеры», «меломаны», «наркоманы» и прочие «болваны». Но являются наиболее отсталой группой в этом списке, ибо у них интересы людей каменного века. На этом заканчиваю. Хоть можно говорить и писать еще много. Но я думаю, что и этого достаточно.

Андрей Шагун,
Красноводская область

АПОЛЛОН — БЕЗ ГОЛОВЫ?

Объясните мне, пожалуйста, товарищи «бывшие любера», т. е. те, которые против «меломанов», почему же вы сами «тащитесь» от «Кино» и Цоя? И почему, если кому-то нравится какой-то певец или ансамбль, то он должен защищать его кулаками? Не кажется ли вам, что закон «выживает сильнейший» очень похож на звериный? Ведь вы же люди! Ведь может найтись человек сильнее вас, и тогда вам будет плохо. Вы считаете, что только кулаками можно завоевать себе авторитет? А почему Ленину не нужна была физическая сила для того, чтобы стать идеалом для многих людей? И еще. Вы уже не мальчики, скоро, наверно, жениться надумаете. Может, вы и невесту будете кулаками воспитывать? Тогда я сочувствую тем девушкам, которые выйдут замуж за таких примитивных существ, как вы, и сомневаюсь, что вы будете жить хорошо.

Ребята, ну зачем вы тратите силы только для того, чтобы вас все боялись? Если бы вы с таким же усердием и рвением боролись с бюрократами и подобными им гадами, польза была бы больше. Неужели трудно понять, что главное в жизни — не сила, хотя для парня она тоже многое значит, не отрицаю. Есть и другие людские качества, на которых держится Земля наша: честность, преданность, а главное — доброта.

Я не хотела вас обидеть, но так уж получилось.

Медведева Светлана,
почти 17 лет

ДОБЬЕМСЯ — И ДОБЬЕМ?

Чего вы добьетесь своими методами? По-моему, уже не один раз добивались, ведь культ личности — это же культ силы, ведь тогда тоже уничтожали лучших, уничтожали физически потому, что были не способны на другие методы борьбы. Неужели всем люберам интересна сплошная серость, где все аккуратно умыты, подстрижены, одеты? Мне кажется, люберы просто завидуют, имея сильные мускулы и пустую голову, тем, кто хоть к чему-то стремится. Интересно, кого эти два парня называют

«мажорными мальчиками», это те «мажоры», о которых поет Юрий Шевчук? Что-то не похоже, судя по интонации авторов. Я, к сожалению, не знаком с Цоем, но, думаю, он не сильно обрадуется, когда узнает, что его песня стала девизом жизни люберов. Почему же песня ДДТ «Я любера люблю» не стала их гимном? У каждого течения «панков», «хиппи», «металлистов» есть своя музыка, интересно, какая музыка у люберов? Наверное, по утрам они слушают «закаляйся, если хочешь быть здоров», а по вечерам «эй, вратарь, готовься к бою!» По-моему, люберы — это наша беда, те, кто просто не нашли себя в каком-то деле, чтобы создать что-то новое, сдвинуть с места. Не нашли места, где они были бы полезны, нужны.

Я недавно был в Ленинграде, меня больше всего поразило то, что у Казанского собора собираются «хиппи», «панки», «перестроечники», «память», «нацисты», «стиляги», «металлисты», «гопники» (так называют л-градских люберов), и, как мне сказали, там никогда никто ни с кем не дерется, хотя все эти парни стоят в нескольких шагах друг от друга, говорят о своем.

Я слышал, что причину всех бед нашего строя люберы видят в неформальных течениях. Носят футболки с красной звездой, считают, что борются за чистоту наших рядов, за чистые нравы нашей молодежи. Неужели их не задевает даже то, что они сильнее только физически?

Константин Максин,
г. Днепрпетровск

ВАМ ПРИЯТНО ВИДЕТЬ СТРАХ?

На мой взгляд, сейчас «качается» каждый третий, и я не исключение. Но не уважаю тех, кто использует свою силу для власти над своими ровесниками. Вы, Павел и Алексей, не замечая того, мало отличаетесь от фашистов. Вам, наверно, приятно видеть страх в чужих глазах. И не надо цитировать Цоя, отбрасывая другие строчки песни. Он, в отличие от вас, думает, «плыть или не плыть».

У нас, кажется, общая цель — бороться и сделать мир лучше? Но, по-моему, вы сами не верите, что это возможно, и вы плескиваете обозленность на жизнь — на сверстников, жизни которых вовсе не «кайф»!..

Виталий Рецис,
г. Томск

НО БУДЕТ И ВТОРАЯ СЕРИЯ!

Мы, «Парус», не понаслышке знаем, кто такие люберы! Более подлых «молодцов» — поискать. Когда были в Москве, то еле-еле успели на помощь к несчастью «металлисту», которого били пятеро, забили бы насмерть. Местечко укромное выбрали!..

А слова из песен Цоя не для таких негодяев писаны. Виктор ненавидит люберов и прочих

«гопников», уж поверьте нам, рок-фанам.

Ваша злоба и ненависть ко всему, не похожему на вас, разобьется о стенку. Не думайте, что все будет так мажорно, как в первой серии «Арлекино», мы их бьем, а они нас нет. Вторая серия может наступить. Ведь вы сильны только кучей, а по одиночке в поле не войны!

С уважением — Андрей Ш., Алексей Р., Владимир С.

Г. Вентспилс

абзац

ВЫЙТИ ИЗ СТРОЯ?

Давно меня подбивало написать вам.

Растущую мою любовь к «Парусу» не смогло поколебать ничто, даже подрывная работа наших почтовых отделений, по чьей вине первый номер журнала я вообще не получила, второй и третий пришли вместе в апреле, а четвертый — 21 июня.

Мне нравится ваша «Газета». Даже если сам ничего не делаешь, приятно осознавать, что издавать свой печатный орган могут такие же, как ты. В том, что вы такие же, у меня отпали всякие сомнения, когда, проглядывая один из номеров, я наткнулась на милые, до боли знакомые «фенечки», «фейсы» и пр.

«Газета» получается у вас очень школьной. Вот и я вспомнила подходящую тему. НВП! Вы, как мне кажется, об этом пока не пи-

сали. Но как можно забыть столь животрепещущую тему! Я попробую рассказать, как проходят эти «замечательные» уроки у нас в школе.

В тихом солнечном сентябре военрук вывел нас в школьный двор, с трудом построил в более или менее кривую шеренгу и заявил, что НВП — полезный во всех отношениях предмет, «не хуже всякой математики!» Не прореагировав на последовавшее оживление, он ткнул большим красным пальцем в трех несчастных и заявил, что они теперь командиры отделений. Одной из них оказалась я, и это обеспечило мне вечное «4» за плохую дисциплину во вверенном мне отделении. Но это, как говорится, мелочи.

Еще в тот день мы узнали, что такое развернутый «двухшереножный» строй и что нужно делать, когда командир приказывает «выйти из строя!».

А дальше — пошло-поехало. Стройподготовка, гражданская оборона, теория... И все это обернешу с «отеческими» наставлениями нашего майора. Надо сказать, что именно они и придавали урокам НВП некую привлекательность, потому что являлись... ну, как бы это сказать, «бесплатным цирком», что ли. Вот пример.

Наш военрук всегда отличался особенно важной, прямо-таки отеческой любовью к девочкам. Выражалось это по-разному. Чаще всего в заботах о нашем будущем. И «полезные советы» у него всегда сыпались градом. Однажды он обратился к нам с такой речью:

«Девушки! Самое главное, чтобы у вашего юноши были носовой платок и расческа. А иначе какой же он мужчина! Вот если вы пойдете с ним гулять, прежде ему скажите: «А предъявика мне атрибуты мужского туалета». А если не предъявит, можно ему командовать: «Налево! Кругом! Шагом марш!».

От такой лекции мы, есте-

ственно, сразу же отпали, а майор, по-моему, ничего не заметил.

Так мы проучились год. Теперь я уже много умею: браво хожу строевым шагом, надеваю противогаз за шесть секунд и даже научилась пользоваться прибором химической разведки. Вы знаете, что это такое? Если нет — объясню. Принцип действия ВПХР-6 очень красочно описала моя подруга: «Объявляю химическую тревогу, ты берешь ВПХР, вскакиваешь на крышу и медленно буреешь вместо индикатора».

Этот год мы учились на уроках НВП весело, разнообразили свою жизнь, как могли. Но на следующий год кому-то из нас будет не до смеха. 10 десятиклассников должны по обмену поехать в Америку, а неизвестно, как воспримет это военрук. Тех, кто ездил за океан в этом году, он назвал «жертвами политической игры» и карал за ношение маек с «не нашими» надписями...

Итак, мы проучились НВП один год. Но, так как мечтать все-таки не отучились, мы будем воображать, как было бы хорошо, если бы этот первый год стал бы последним годом изучения этого самого важного предмета — НВП. Мы понимаем, что наши мечты пока из области фантастики, но мечтать, даже под ружьем, никто не в силах запретить.

Анастасия Байченко,
10 класс, г. Москва

НУ-КА
ПРЕДЪЯВИ
АТРИБУТЫ
МУЖСКОГО
ТУАЛЕТА!

ЭХ, НЕ ТЕ ВРЕМЕНА...

Здравствуй, Малая редколегия!

Пишу вам из Белоруссии, из города Витебска. Мне 17 лет. Я учусь в 10 классе. Ваш журнал выписываю 3 года. Всегда с интересом читаю.

Сейчас много пишут о комсомоле. Скажите, пожалуйста, комсомол! Да что это такое есть на самом деле? Я не комсомолка и в комсомол вступать не собираюсь... Что он даст мне, этот комсомол, когда я выйду из школы? Только буду стоять на комсомольском учете и дисциплинированно платить взносы... Может быть, вы скажете, что в комсомоле, как и во всем нашем обществе в целом, началась перестройка? Да я в нее, честно говоря, не очень-то верю... Вот вам комсомол в школе: хотели сделать вечер для нашего класса, собраться, часов до восьми посидеть в школе, сладкий стол, музыку послушать. Так директор сразу в крик, мол, что это такое, особенные нашлись, делайте вечер для всех старших классов. Но мы же последний год в школе, так хотелось побыть только своим классом. Ключ от актового зала не всегда дают, да и аппаратуры из дома не натаскаешься. Была у нас агитбригада в классе. Две постановки сделали — и все на этом. Директор достала путевку в Одессу для агитбригады. Хотели деньги сами заработать — не дали. А как же у родителей каждый раз просить деньги? И комсомол здесь ничем помочь не мог. Вот и получается, что он ничто. И ВЛКСМ для меня — пустой звук. Не из всех комсомольцев получаются хорошие люди. Ой, только не надо, пожалуйста, про Олега Кошевого и всех из «Молодой гвардии». Я их уважаю, и мне нравится эта книга. Только поймите, сейчас не те времена, когда комсомольцы стоят друг за друга и переживают за каждый промах в своей работе. Сейчас время не то...

Извините за резкое письмо.

С уважением —
Татьяна Брагина

Письма подобного содержания — не редкость для нас. Факты из школьной жизни, приведенные Татьяной, типичны. И бессилье школьных комсомольских организаций в ответ на авторитарные действия школьной

администрации знакомо всем.

Мы можем сколько угодно ругать комсомол в целом и «первички» в частности, но от этого наша жизнь в школе не изменится. Завуч по воспитательной работе не сложит свои полномочия, доверив нам самим распоряжаться свободным временем. Учителя не перестанут безнаказанно мстить отметками за «дикий вид» на дискотеке или за неосторожно высказанное собственное мнение. Или, может, у нас сама собою появится возможность заработать деньги, чтобы летом всем вместе съездить к морю?

Да, комсомол сейчас в кризисе, и на вернувшего комсомольский билет уже не смотрят, как на врага народа. Скорее, с тоской. Возвращают билеты не самые худшие. А те, кто способен не исподтишка, а открыто выразить свое несогласие стоящему на служебной лестнице ступенькой выше, кто не хочет подыгрывать нечестно играющим во имя каких-то поблажек, кто, наконец, не желает обманываться и способен на протест. И вот таких-то жаль упускать... А что касается перестройки в комсомоле, так ведь без активной поддержки «снизу», как выяснилось, никакая перестройка невозможна.

Плох комсомол? Но, увы, никто пока, ни одна альтернативная организация, ни одно общество неформалов не взялись защищать права школьников, объединив их какой-то реальной, продуманной программой действий. Взаялся все тот же комсомол, и, как нам кажется, на новом, серьезном уровне.

Этим летом в «Орленок» на Всесоюзный сбор комсомольцев-школьников съехалось около 700 ребят со всей страны, чтобы поработать и пустить на обсуждение в первичные комсомольские организации проект перестройки школьной комсомольской организации. В ВЛКСМ около 40 процентов школьников, но они прак-

тически не представлены в Центральном Комитете, в центральных выборных органах. Много ли их бывает на съездах ВЛКСМ, что они решают? И вообще, нужен ли комсомол школе, и что эта политическая организация там может реально сделать? Есть ли у нее хоть какие-то права?

Все это обсуждалось в «Орленке». И было решено: действовать! В следующем году там же будет проходить Всесоюзный сбор, на котором программы, выработанные сейчас и откорректированные в течение года первичными комсомольскими организациями, будут приняты 2500 делегатами от школьного комсомола.

О том, как проходил нынешний сбор, рассказывает член Малой редколлегии, один из разработчиков программы «Гласность» Алексей БАБАЙЦЕВ.

НЕДЕТСКИЕ ИГРЫ

Уже не один год мы наблюдаем, как комсомол, все более утрачивая черты политической организации, отнюдь не распадается организационно, и в таком состоянии «анабиоза» он может просуществовать еще бесконечно долго. Разогнать, распустить?.. Рубануть клубок проблем, не найдя их решения, конечно, проще. Но, мне кажется, это не застрахует нас от повторения ошибок во вновь созданных нами организациях и об-

шествах. Неудачи должны делать нас умнее. А накопившийся, пусть даже отрицательный опыт, нужно использовать. Нужно искать выход.

Вот с такими мыслями я ехал в «Орленок», и примерно о том же в дни наших знакомств мы говорили с ребятами.

Сбор в этом году был не похожим на другие. Нам предложили игру. Это была так называемая сюжетно-ролевая игра, превратившая одну из дружин «Орленка» в «вольный город Комсомольский» со своим президентом, горсоветом, мэром, верховным судом... Шли парламентские дебаты, отработывались различные системы выборов, принимались законы. Это немного напоминало последний съезд Советов.

Предвижу вопрос: «К чему все эти игры?». А поскольку я сам в них играл, смею вас уверить: очень даже нужны. Мы так мало умеем и так политически неграмотны, что вряд ли что либо сдвинем, пока не образуемся. И вот эта игра — образует. Благодаря ей, вернее, с ее помощью, мы учились осваивать механизмы демократии, учились ставить диагноз болезни и искать пути и методы излечения.

В итоге были разработаны четыре программы действий по разным направлениям, которые, как нам кажется, помогут найти выход из кризиса, по крайней мере, школьному комсомолу.

Основная работа проходила в проблемных лабораториях и научных центрах города Комсомольского. На обсуждение было вынесено около ста проблем. Конечно, сделать удалось далеко не все. В течение тридцати дней и ночей шли жаркие споры, мощные мозговые штурмы, дискуссии, часто переходящие в полемику, сталкивались непримиримые точки зрения.

Только по проблеме взаимоотношений ВЛКСМ и КПСС мнения расходились от утверждений, что «комсомол — самостоятельная организация, независимая от КПСС» до «комсомол — резерв партии».

Двумя руками поддерживаю прибалтийских ребят, предложивших понизить избирательный ценз до 16 лет и разработавших подробнейшую модель участия школьников в политической жизни.

Острые разногласия вызвал вопрос о создании альтернативных (или партнерских) комсомолу молодежных организаций. Кстати, мы старались не

оставлять поднятые нами проблемы лишь на уровне споров. Этому научила нас игра. И еще научила конструктивности, а это мне представляется особенно важным. Конструктивность должна стать нашим жизненным принципом во всем. Кроме того, мы не стремились выработать единое мнение. Принимались все точки зрения. Мы — за социалистический плюрализм мнений.

Серьезно поднималась проблема школьной самостоятельной печати (самиздата), необходимости ее официального признания. Мы довольно часто слышим о том, как сдирают со стен школьные газеты, если они не понравились старшим. А рукописные журналы — жуткий криминал. В то же время в некоторых школах выходят свои еженедельники, отпечатанные на ротапринтере, и все это приветствуется. Так можно или нельзя? Вот мы и решили: нужно.

И еще очень серьезно во всех лабораториях обсуждался вопрос о создании печатного органа школ и ПТУ, сделанного руками самих читателей — что топадобие «Газеты» МР, только выходящей еженедельно. Ребятами было предложено создать такой орган на базе журнала «Парус», эту идею поддержали и представители ЦК ВЛКСМ.

Предложение зафиксировано в одном из основных документов Сбора — в программе «Гласность». Цитирую:

«4. Внести в ЦК ВЛКСМ предложение о создании на базе издаваемого в Минске журнала «Парус» всесоюзной еженедельной газеты по проблемам учащихся школ и ПТУ...»

Крайне важно, на мой взгляд, чтобы такое издание стало выразителем всех слоев учащейся молодежи и чтобы его делали мы сами.

Каким быть нашему еженедельнику — сейчас надо начинать думать нам всем. Ждем ваших откликов и предложений.

Всего результатом нашей работы стали более 20 документов. Все они предложены к обсуждению в ЦК ВЛКСМ, во всех комсомольских ученических организациях.

Сбор-90, на котором все эти документы будут приняты, предстоит готовить Ученическому подготовительному комитету. Это большая работа. Ему предстоит попытаться реализовать выработанные нами модели на практике: провести выборы делегатов на Сбор, распростра-

нить материалы и т. д. УПК получил право на эксперимент, так как многие идеи новы и выходят за рамки Устава ВЛКСМ. Вот один из пунктов той же программы «Гласность» из раздела «Формы гласности в школе»:

«В случае невозможности разрешения конфликтов, проблем учащихся иными путями допустимо использование для осуществления гласности различных протестных форм: забастовки старшеклассников, пикетирование, митинги, демонстрации (в рамках существующего закона), письма протеста и др.»

Итак, не на скамейках «Орленка», а в жизни должны быть проверены идеи возрождения школьного комсомола. Пусть работа на Сбор-90 станет задачей комсомольских организаций старшеклассников на этот год. Иного шанса реально изменить положение может просто не представиться. Время не терпит. Направляйте свои предложения в адрес УПК, инициативных групп. Скажу, что прямо на сборе родилась межрегиональная группа «Перспектива». Штаб-центр группы ждет ваших писем.

Адрес: 109052, г. Москва, ул. Нижегородская, д. 82, кв. 56. Тел. 174-10-26. Штаб-центр «Перспектива».

Материалы Сбора-89 можно найти в областных комитетах комсомола.

Закончу словами из обращения делегатов Сбора-89 ко всем комсомольцам-школьникам:

«Пусть этот учебный год станет годом поисков, раздумий, экспериментов... Главное — понять, что сейчас многое зависит от нас, школьников, от тебя лично!»

Алексей Бабайцев, член МР, десятиклассник, г. Минск, разработчик программы «Гласность»

Оформление Сергея СТЕЛЬМАШОНКА

планета людей

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Несколько страничек из корейского дневника

Светлана
ШИДЛОВСКАЯ

Когда спрашивают, что же мне больше всего понравилось в Северной Корее, я отвечаю: женщины. Что радовало: чистый воздух. Что показалось самым удивительным: абсолютная европеизация Пхеньяна. Что поразило: корейские дети.

1.

— Три года назад на этом месте рос рис. Солнце нации, светоч освобождения товарищ Ким Ир Сен приехал в Сунчхон и определил место строительства виналонового объединения. Следом появились партийные отряды из лучших строителей и солдаты Народной Армии. Они жили во времянках, работали с утра до ночи, в несколько смен, строили электростанцию, заводы, башни, печи, жилые дома, дороги: 300 объектов.

Стоя на высоком холме, говорит это заместитель генерального директора.

— Три раза строительство лично посетили дорогой вождем товарищ Ким Ир Сен и его сын дорогой руководитель товарищ Ким Чен Ир. Они похвалили строителей и дали программные указания.

Сунчхон виден с холма прекрасно. Геометрия труб. Кубы заводских корпусов. Овалы карбидных печей. Ни единого брошенного механизма, рассыпанного песка, разбитого кирпича. Стерильность.

Ликбез для меня: а) в Корее хлопок не растет; б) носить что-то надо; в) виналон — искусственное волокно из известняка и антрацита; г) широко простирает химия руки свои в дела человеческие... А, это знакомо.

— Корея стремится войти в ряд высокоразвитых стран. На этом объединении вместе с виналоном мы будем выпускать азотные удобрения, метанол, карбид, каустическую соду, БВК...

— Белково-витаминный концентрат? А вы не боитесь?..

Я осеклась. Вспомнились митинги протеста на наших аналогичных предприятиях в Киришах, Томске, Ангарске; работницы, показывающие свои язвы; дети-инвалиды; загрязненная природа... Но мне объяснили, что здесь установлено замечательное очистное оборудование, тщательно проведены все исследования, найдено решение экологической проблемы. Неловко: ну что я, право, со своим уставом в чужой монастырь... Вот как тут все чисто. Молоденькие девушки в разноцветных косынках, улыбаясь, стоят у конвейера. И мне хочется верить: все здесь будет хорошо. Но, уезжая, оглядываясь: плантации риса и капуста вплотную примыкают к заводскому забору (недостаток пахотной земли заставляет засеивать даже железнодорожные откосы, де-

лать на сопках искусственные террасы). Плантации идут по всему периметру химического предприятия.

Грядка — к стеночке.
Грядка — к стеночке...

2.

Скоростной лифт с кондиционером поднимает на смотровую площадку Монумента идей чучхе. И открывается прекрасный город, а в нем, как Гулливер меж лилипутов, стоит гигантский «вигвам» — 105-этажная гостиница, самая высокая в мире. Но в книгу рекордов может попасть совсем другая цифра: не 105, а 9. Корейская «арифметика». Гостиница строилась девять месяцев. Об этом говорит наш гид — женщина в национальном костюме, турамаги. Слева, где сердце, к нарядному шелку приколот значок с портретом товарища Ким Ир Сена.

(Гораздо позже я узнаю, что такой значок нельзя купить: его выдает организация. У каждого корейца есть значок, потому что нет людей вне организации. Помню, я еще спросила человека, который мне это рассказывал: «А если кто-то потеряет?.. Ну, случайно...» — «Случайностей не бывает»).

Гиду 30 лет. Она молодая мама. Ее девятимесячная дочь уже полгода посещает ясли. Опять «арифметика»... Извиняюсь, спрашиваю, почему корейские женщины так поздно рожают и так рано отдают детей в дошкольные учреждения.

На лице собеседницы — ясная улыбка:

— Если человек рано обзавелся семьей, он будет увлечен личным в ущерб общественному. Самые активные годы надо посвящать воплощению идей чучхе, своему государству.

— Учение чучхе всеобъемлюще. Как бы вы кратко выразили суть этого учения?

— Человек — хозяин всего, и он решает все.

Возвращаемся к семейной теме. Да, поздно женятся, семьи небольшие, разводы очень редки. Развод возможен, если супруги сексуально не подходят друг другу, если муж пьет («нетипично для нас»).

— А если разлюбили?..

— Это не причина для распада семьи.

— Могут ли молодые жить вместе, гражданским браком, не расписываясь?

— Нет. Такого не припомню.

— Долго ли молодоженам ждать очередь на квартиру?

— Полтора года, два года... До 92-го все жители столицы будут обеспечены жильем. Сейчас сносятся остатки «шанхаев», построенных в 50-х годах, сразу после трехлетней войны с американскими империалистами. Пхеньян будет самым чистым и красивым городом мира. Так сказал Генеральный секретарь Трудовой партии Кореи, президент республики товарищ Ким Ир Сен. 1992 — год его восьмидесятилетия.

3.

...Господи, о чем они еще мечтают: воздух в Пхеньяне неправдоподобно чист!

Где обещанная повышенная влажность? Где муссоны? Молодое июльское солнце жжет, но не томит. Чтобы выспаться, хватает четырех-пяти часов. Хочется ходить, смотреть, трогать руками. Город полон добрых лиц. А улицы... Микрорайон Кванбок, где нас поселили, как две капли воды похож на московский Калининский проспект; центральная магистраль Чхоллима* — на минский проспект Машерова... Трудно заблудиться.

* Чхоллима — мифический крылатый конь, символ героического духа, воли и трудолюбия корейского народа.

Чисты дворы, «вылизаны» скверы. И сами жители, как с картинки. Я читала, что, например, Голландия — страна с обычаями жить настежь: не занавешивать окна, не скрывать жизнь семьи от чужого глаза. Корея — страна, где культивируется опрятность. А окна... Можно, конечно, и не занавешивать, если за ними — порядок и чистота. Позор человеку, который вышел на люди в неприбранном виде. Гость не должен видеть того, чего видеть не должен. Но чем тщательнее составляются программы наших экскурсий, содержательных (спасибо!) и одновременно скрывающих, подобно жесткому корсету, любую личную инициативу, тем сильнее разжигается профессиональное и женское любопытство. Хочется выйти из шикарного тойотовского автобуса, в котором нас возят, и податься во дворы и улочки — туда, где быт и простая жизнь. Да простят меня корейские товарищи, но, кажется, на десятый день, когда длительность заботливых сопровождающих несколько притупилась, я отбилась от компании и пошла, куда глаза глядят.

Человеку по-настоящему интересен только человек.

Я иду по проспекту Чхоллима мимо дворцов и фонтанов, но засматриваюсь на «фарфоровые статуэтки» — юных регулировщиц движения, вытянувшихся в струнку на своих пьедесталах. Мне очень хочется спросить: как, не сгибая позвоночника, держивают они палящее солнце и проливной дождь.

Я улыбаюсь встречным девушкам, и их глаза, вырезанные тонким лезвием на миниатюрных латунных ликах, вспыхивают дружелюбием. Белая или розовая блуза, тщательно выутюженная юбка, рукав «три четверти», декольте не ниже ключицы, пластмассовые бононожки. Регламентирован-

ный фасон? Кажется, любая модель из «Бурды» сидела бы, как влитая: у корейнок идеальные фигуры.

Корейнки интеллигентны и целомудренны, тихи и пластичны — «восточные женщины, не испорченные цивилизацией». Рис и овощи, овощи и рис — ну, конечно, не располнеешь. И ходьба. Из дома на работу, учебу, из одного конца города в другой, иногда с малышом за плечами. Он спокойно висит себе в рюкзаке, ручки и ножки — как тугие сосиски.

Открывает женщина. На лице — восторг и ужас:

— О-о со осипсие!

— Здравствуйте! Будьте любезны...

Очень радушный прием.

Меня сажают на пол, на вы-

Машин мало, бензин дефицитен. И велосипедов почти нет. (Гегемон китайских улиц тоже в дефиците). Зато всегда готов к услугам пхеньянский метрополитен, украшенный фресками, мозаикой, картинами, бронзой, сверкающий и сияющий, не чета московскому.

Подкатил к остановке троллейбус, который ходит только по Чхоллима. Сажусь. Насколько я помню, такие троллейбусы были у нас в Могилеве в 60-х годах: машина дрожит, будто едет по стиральной доске. У кабины водителя стоит ведро с водой (противопожарное средство?).

Хочется пить. А не попросить ли где стакан воды? Выхожу на конечной остановке и направляюсь к ближайшей многоэтажке. Во дворе останавливаюсь в изумлении: дом плоский. Это как бы спичечный коробок, поставленный на попá.

Стучусь в первую попавшуюся квартиру.

шиту подушечку-дядбудон (система отопления расположена не вдоль стен, а под полом: «товарищ Ким Ир Сен заботится о том, чтобы народ не болел»). Жестом прошу воды. Приносят тарелочку с печеньем. Приходится, бормоча извинения, самой искать водопроводный кран.

В квартире две комнаты. Одна — метра три на три. Здесь работает черно-белый телевизор, стоит шкаф с прозрачными створками: там стопка свернутых в трубочку одеял (как я понимаю, на них спят, потому что кроватей в квартире нет). На стене висит фотография товарищей Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, других фотографий и картин я не заметила. Во второй комнате, метра три на два, бабушка сидит за швейной машинкой. В миниатюрном кухонном уголке блестят надраенные кастрюли и сковородки. На полочке стоит пиала с рисом. А вот и вода...

Хозяйка рассыпается в любезностях по-корейски, я — по-русски, протягивая сувенирные шапочки, значки, вымпелы...

— Цаль та-аниёка!

— Спасибо, всех вам благ!

Тот же троллейбус возит меня к центру. По дороге вижу колонну корейских мужчин, кажется, это называется «после смены — в парк». Точно, идут в парк отдыхать.

Кафе. Очереди нет, но нет и привычной болтовни посетителей, стука вилок и но-

зуюсь впервые. Кошу глазом на соседей: тактичные корейцы старательно уставились в свои тарелки. Виктория: блин съеден! Оказался очень вкусным: двойное дно, а в нем мёд.

Когда я зашла в кафе победать, то не подумала, чем же буду расплачиваться. Теперь вижу: посетители оставляют официантке талоны. Талоны? Здесь? Талонная система широко распространена в стране, это мне известно. Скажем, такие вещи, как одежда (одно пальто на три года), телевизор, мебель, а также некоторые продукты, корейцы заказывают заранее. В каждом квартале есть свой инминбан (типа домоуправления), где можно оформить заказ на товар, заявку на ремонт, уточнить, когда твоя очередь убирать территорию вокруг дома (дворники убирают только проспекты). В стране очень много бесплатно. На руки рядовому корейцу дают 70—100 «народных» вон. Больше получают шахтеры, сталевары, педагоги, врачи... Стипендия студента — 30 вон. Не могу привести полную математическую выкладку, но, например, цветной телевизор стоит 1400 вон. Есть товары, их много, которые продаются только за «синие» воны. «Синие» отличаются от «народных» так же, как американский доллар от родного рубля.

Я подаю кассиру кафе «синий» вон. «Синие» он не берет. (Очевидно, девать их некуда, общепит торгует на «народные» или имеет в качестве эквивалента талон). Подаю «народный» вон. Тоже не берет. (Подозрительно: откуда у иностранки «наш вон». И не докажешь, что мне его дали на сдачу в магазине). Влипла. Дрожащей рукой достаю «красный» вон. Это деньги, отпечатанные только для участников Всемирного фестиваля. Кассир раздумывает... Взял.

Все, хватит самодеятельности, иначе можно надевать неприятностей и себе, и другим. Обещаю больше в «самоволку» не ходить.

4.

Где бы мы ни были (Западно-морской шлюз, города Нампхо и Кэсон), везде прошу перевести лозунги. Они гигантскими буквами стоят на полях. Золотым по красному сияют на стенах:

«Все м жить и работать, как герои».

«Поле, где ты работаешь, — твое поле».

«Все ребята должны быть отличниками».

«Вождь не спит ночами в думах о сиротах, заключает всех их в объятия страны».

«С детства детей надо учить любить и уважать своего вождя и руководителя, свою организацию и коллектив».

«Песня дает силы работающему».

«Надо, чтобы все фазаны и олени развелись и везде ходили».

5.

Школа микрорайона Чанзем тоже встречает лозунгом: «Дети — король страны». Это очень хорошая школа, ее посетил в 1976 году товарищ Ким Ир Сен, а те школы, которые он посещает, снабжаются всем особенно быстро. Здесь получают благородное патриотическое воспитание 800 учащихся. Мальчики и девочки учатся отдельно.

Но почему народная учительница говорит шепотом? Вчера на митинге она сорвала голос, выкрикивая вместе со всеми: «Мансэ!» — «Да здравствует!»

Просим разрешения заглянуть хотя бы в один класс.

...В классе 30 учениц, 30 темноволосых склоненных головок. Строго посредине каждой парты лежит раскрытая книга. Строго параллельно книге лежит пенал. Параллельно пеналу — карандаш.

Заселкали фотоаппараты, засверкали блицы... Торопимся задавать вопросы учительнице. Но дети... Они смотрят в учебник: им дано было задание читать, и они читают. Ни одна девочка за все время не подняла голо-

жей. Народ обедает тихо. Все едят кульпан: это блин. Сажусь на свободное место и жестиами прошу обслужить. На красивом подносе мне подадут меню и европейские столовые приборы. Нет-нет, мне — как всем. Но от маленького влажного полотенчика для вытирания рук перед едой не отказываюсь: эта национальная традиция очень нравится.

Официантка приносит старую алюминиевую тарелку с блином и простые алюминиевые палочки, которыми, честно говоря, я поль-

вы, не посмотрела на вошедших.

Учительница:

— Самая высокая оценка? Десять баллов. Отстающие? Нет таких. Самое тяжелое наказание? Записка родителям. Уроки? 5—6 в день. Кто моет класс? Дети. В мае они помогают крестьянам сажать рис, в сентябре — убирать рис. А если не хотят? Проводим работу. Дети знают, что это нужно для будущего страны.

Благодарим и прощаемся. Девочки встают и аплодируют.

6.

Интервью из блокнота:
— Сколько тебе лет?
— Шестнадцать.
— Какой твой распорядок дня?

— Поднимаюсь в 5 утра, делаю физзарядку, убираю двор. В 7 часов мы с членами нашей ячейки собираемся в одном месте и строем идем в школу. С 8 до 13.15 учимся. Потом идем домой, иногда строем. Или проводим внеклассную работу. Я член Союза социалистической трудовой молодежи Кореи.

— А чем занят после школы?

— Учю уроки, смотрю телевизор, очень люблю спортивные передачи. Еще мы учимся в кружках музыки и танцу. Ложусь спать в 22 часа.

— Кем ты хочешь стать?

— Хочу закончить факультет иностранных языков университета имени Ким Ир Сена. Я буду изучать английский язык. Когда стану специалистом, буду содействовать развитию экономики нашей страны. Нести идеи чужие всему миру.

— Какая твоя мечта?

— Чтобы Северная и Южная Корея объединились и чтобы я смог учиться с южнокорейскими ребятами.

(Держится очень спокойно, с большим внутренним достоинством).

— Ну, а какую книгу ты сейчас читаешь?

— Это биография вождя,

любимого товарища Ким Ир Сена.

Р. С. Мы поймали его за рукав во время прогулки по Моранбону. Разговор состоялся только благодаря Георгию Короткову из АПН, знающему язык.

7.

...В этой поездке многое было до боли знакомо. Именно так: до боли...

Мы узнавали нами, советскими, заведенные когда-то традиции и корейцами доведенные до абсолюта. Мы видели, как «сбегались» наши 30-е с 70-ми, и кто-то из группы воскликнул в сердцах: «Стоило ли ехать так далеко, чтобы вернуться назад?..»

Но в этой поездке много было и непонятого, и непонятого, и совсем иного, такого, что наводило на мысль: не надо мерить все своим аршином, не такой уж это точный инструмент, и нельзя о целом судить по некоторым деталям.

Все-таки три с половиной десятилетия назад здесь было пепелище.

А теперь стоит в Пхеньяне удивительнейший родильный дом, каких у нас нет и в помине. Японское, чешское, немецкое оборудование, вышколенный медперсонал в тысячу человек. Даже если «показуха» (как мы любим это слово), то роды — настоящие, и, между прочим, смертность среди рожениц сведена к нулю.

В детском саду трехлетние малыши играют в машинки и роботов с дистанционным управлением и дважды в день купаются в бассейне.

В Мангендэ есть дворец для школьников, сравнить который можно только с Кремлевским Дворцом съездов. Много дворцов, где бесшумно скользят зеркальные эскалаторы, цветут зимние сады, а полы выложены нефритом... Уже дома я перечитала четвертый сон Веры Павловны из «Что делать?». Как будто снова меня повозили по Корею. Даже та-

кая фраза: «Группы, работающие на нивах, почти все поют» не была натяжкой.

Но является ли особенностью национального характера то, что люди ходят на стадионы, в парки и дворцы строем, в колонне по трое? Иногда с хорошей песней на устах... Это виделось Чернышевскому из исторического далека? Быть может, судить — не могу. Но спрашивать — можно?

8.

Вертится фраза: «Как жаль, что вас не было с нами». «Как жаль... с нами», «...не было...», «...жаль...». Я постоянно недодаю вам впечатлений. Живые картины, переведенные на бумагу, тускнеют и гаснут. Слово — враг мой...

Помню, была экскурсия, а потом мы вышли на улицу Сохындон. Вдруг к нам, четверем советским журналистам, бросились дети. Им было лет по пяти. Девочки с накрашенными губками и мальчики с цветами окружили каждого из четверых, что-то кричали, смеялись, ласкались, держали за руки, куда-то тащили... Сначала я улыбалась, потом тихонько попыталась освободиться. Ничего не получилось. Дети сжимали плотным кольцом. Я рванулась и осталась на месте. Жаль, что вас не было и вы не можете ощутить эти объятия: по-детски непосредственные, искренние и недетски крепкие, намертво. Внезапно стоящая неподалеку женщина что-то сказала громко, дети расступились, отхлынули, и мы прошли к своей машине.

И всю дорогу ехали молча...

Когда спрашивают, что же я привезла из Северной Кореи, отвечаю: огромное желание побывать там еще лет через пять... десять...

Фото Андрея ФИЛАТОВА

«До сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что «тайна сия велика есть», все же остальное, что писали и говорили о любви, было не решением, а только постановкой вопросов, которые так и оставались неразрешенными. То объяснение, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти других, и самое лучшее, по-моему, — это объяснять каждый случай в отдельности, не пытаясь обобщать...»

А. П. Чехов,
рассказ «О любви»

ПРИСТУПАЕМ К ЛЮБВИ

Любовь — один из самых потясающих видов творчества. Есть люди, которые во всем заурядны, но они талантливы в любви, они умеют создавать свое счастье, превращая маленький хрупкий росток в могучее дерево.

Авторы большинства «любовных» писем в редакцию не такие: потому и просят совета. Обобщать ситуации из сотен писем невозможно, но и «объяснять каждый случай в отдельности» трудно: по письму далеко не все додумаешь и угадаешь. А вот разобраться в мотивах поступков и настроений просто необходимо.

Если мы говорим, что любовь можно создавать, то прежде всего надо сознавать, точнее, осознавать себя и то, что происходит вокруг.

Сегодня вам поможет психолог из Вильнюса Рута НАУДЖЮВЕНЕ.

«Он — обыкновенный парень, таких много сейчас. Но я целый год ходила на дискотеку только ради него. Украдкой, чтобы никто ни о чем не догадался, спрашивала о нем, ждала знакомства. За это время другие ребята не раз приглашали меня на свидания. Но я отвергала всех! И вот настал день, когда мой «кумир» ушел в армию, а я осталась один на один со своей тайной. Еще год ничего не изменил, хоть был тяжелее. Ведь я даже не знаю, где он служит. Невозможно представить: жду, как самый близкий ему человек,

а он об этом даже не догадывается.

Марина, 17 лет, г. Винница»

— Любовь ли это? Бесспорно, любовь. Любовь к потребности любви, к ее ожиданию. Говорят, когда человек учится любить, ему до поры до времени и предмет любви не нужен.

Придуманный вариант любимого Марина «пристроила» к внешности одного из парней и интуитивно боится разочароваться, познакомившись ближе. Отсюда чуть кокетливое «обыкновенный... таких сейчас много». Это защитная фраза на всякий случай. Трудно всерьез представить, что парень за год не заметил внимания девушки, не попытался подойти, пригласить хотя бы однажды на танец. Я склонна допустить, что Марина просто не поддержала знакомства. А что не сделала сама ни подсага навстречу — точно! Любить вообразимого человека легче, чем живого и не совсем понятного, который думает и поступает совершенно не так, как ты заранее запланировала.

Пока никто из окружающих не вмещается в рамки, очерченные Мариной. Возможно, она как-то решит, что встретила, наконец, такого парня. И тогда действительно переживет трагедию «втискивания» его в свои представления. Возможно, этим парнем будет тот, уже отслуживший в армии. Тогда разочарование придет быстрее — ведь на нем-то «рамка» давно закреплена...

Значит, в любви не надо стремиться к поиску идеала?

Да ведь я о другом: не стоит придумывать несуществующих людей. В нас, живых и реальных, перемешано множество «плюсов»-«минусов». И с качествами каждого встреченного они то притягиваются, то им противостоят. А что, как и в каких пропорциях совпадает, и сколько таких совпадений потребуется для совместного счастья, можно решить только экспериментально.

Знакомясь, встречаясь, влюбляясь. Расставаясь и влюбляясь опять. Иначе жизнь будет развиваться и двигаться сама по себе. А ты — только ее придумывать...

«Парень, который мне нравится, есть, но дружбы с ним нет. С начала учебного года я любила его без памяти и знала, что он неравнодушен ко мне («по секрету» лучший друг проболтался). И вот как-то вечером он с однокурсниками зашел к нам в комнату и сразу же под-

сел к моей подружке. Стало ясно: она ему понравилась. Я ревновала, даже плакала. Не могла его после этого видеть. Разлюбила! Мне казалось, он просто хочет посмотреть, как я буду реагировать на его выходку. Он предложил моей Таньке дружбу, но она отказалась. Изза меня, разумеется. Я его возненавидела по-страшному. А потом поняла: он мне стал еще больше нравиться...

Света, 14 лет, г. Бобруйск»

А вот здесь придуманы отношения. Все мы в четырнадцать такие фантазерки! И немножко актрисы. И влюбиться готовы с первого взгляда, если тот, на кого попал этот взгляд, ничего себе внешне. И заранее знаем, как избранник должен мечтать о нас, как смотреть и что говорить. Не дай бог, он посмеет повести себя иначе!

Логика избалованного ребенка? Увы, да.

Даже мысль, что к ней может быть равнодушен тот, кого она выделила, для Светы недопустима. Ее сосредоточенность на себе мешает быть наблюдательной. А ведь не исключено, что парень, — он, судя по всему, учится вместе со Светой, — вовсе не помышлял о любви и относится к однокурсницам просто по-дружески. (У ребят духовная тяга к девушке как к предмету «воздыханий», а не физиологического любопытства, просыпается позже. Ну, а Света ожидает ухаживаний, это естественно.)

Ну, а может, соседке по комнате тоже нравится этот парень, он это заметил и потянулся к ней. За что ж его было ненавидеть-то? Может, и Таня страдает, вот ведь как получилось: уступила подружке парня.

Про то, что любовь далеко не всегда бывает взаимной, Света, конечно, слышала. За любовь можно и нужно бороться — знает. Но не с Танькой — об этом, надеюсь, догадывается...

«Все было хорошо, даже отлично почти полгода. Но вдруг произошло непонятное: мой парень стал приходиться ко мне раз в неделю, и то пьяный. Пропадает не знаю где, не знаю с кем. Новых подруг завел. Обнимается, целуется — сам хвастался. И при этом такое наивное лицо! Мне уже надоело неделями ждать, постоянно прислушиваясь к шагам в подъезде... Но ведь он все еще повторяет, что любит меня!

Наташа, 16 лет,
г. Красноуральск»

Фото Любови Черкасовой
и Игоря Яковлева

Все слишком неоднозначно. С чего бы парню надолго пропадать и на себя наговаривать, если любит? С чего бы вновь и вновь возвращаться, коль разлюбил? Попробуем подобрать побольше самых разных ответов.

1. Действительно разлюбил, но боится выяснения отношений, слез, нервов. Вот и набирает в ее глазах отрицательные баллы, чтобы сама прогнала.

2. Засомневался в Наташиных чувствах и проверяет ее любовь достаточно изверски.

3. Разлюбил, но осталось чувство вины перед девушкой. Старается показать себя с самых неприглядных сторон — пусть и она разлюбит.

4. Она угадала в нем что-то не самое лучшее, вот парень и загулял: мол, теперь, чем хуже, тем лучше...

5. Наташина манера любить ему кажется невыразительной — пытается «подогреть» страсти.

6. Полюбил другую. Хочет остаться хорошим и там, и здесь. Не такой уж редкий, кстати сказать, вариант...

Что бы ни случилось на самом деле, Наташе нужна сейчас выдержка. Она о чем-то уже догадывается сама, да старается отогнать сомнения. Надо бы ей старательно, с придирками к себе, продумать эти самые полгода, когда «все было хорошо, даже отлично». Может, что-то поймется само собой. А понимание — всегда шаг к изменению ситуации.

«Как все, я с пятого класса стала мечтать о друге — рыцаре. И поняла, что лучше нет, чем Андрей (он тогда учился уже в восьмом). Но, увы, для меня он был первой любовью, а первая любовь, как известно, проходит со временем. Так у меня и случилось. Но он-то любит меня по-прежнему. Приходит ко мне каждый день, мы, как и все, целуемся... Но сейчас я совершенно не знаю, как мне поступить. Скажете, чего проще: подойди и признайся, что разлюбила. Но я боюсь, что он ради меня пойдет на все, даже на самоубийство.

Сейчас в меня влюблен одноклассник Андрея. Уже признался. Если Андрей узнает, может быть драка. Подскажите, что делать: ходить с тем, кто любит меня, хотя я его уже не люблю, или все-таки с тем, кто мне нравится?»

Надежда К., 14 лет,
Свердловская область»

Самоубийство и драка в этом письме скорее всего из книжно-киношных представлений о чувствах. Тем не менее, Надя мне симпатична. Не часто встречаются подобные письма: девушка озабочена, как перемена ее симпатий отразится на парне, с которым она дружит. Обидеть Андрея жалко. Но и притворяться, конечно же, долго она не сможет.

Им бы какое-то время дружить втроем. Наде не составит труда потащить ребят вместе куда-то в кино, на каток или просто по городу побродить. Сложнее будет относиться к ним якобы одинаково. Андрей, если действительно любит, обо всем догадается сам. А у Нади останет такта не доводить ситуацию до резкого выяснения отношений. Ведь откровенность не обязательно должна быть, как оплеуха, с размаху.

«Четыре года дружила с парнем и даже представить себе не могла, что мы можем расстаться. Была в эти годы самым-самым счастливым человеком на свете. Но поняла это слишком поздно — только сейчас. Мы поссорились, так получилось. Правда, несколько раз он звонил, искал примирения, но мне было противно с ним разговаривать. Старалась его забыть, и это у меня получалось. Полгода прошло — ужаснулась: теряю любимого! Слезами горю не поможешь. Что же теперь мне делать?»

Юля К., 16 лет,
Иркутская область»

Мириться самой. Что тут еще придумаешь! К тому же, надо бы не забыть: невозможно в одну реку войти дважды — после длительной ссоры отношения станут не совсем такими, как раньше. И парень, и девушка в чем-то уже изменились.

В наших впечатлениях о другом человеке время, как правило, приглашает или совсем убивает худшее. Есть такое удивительное свойство памяти. Это помогает мириться. Из ссоры могут вырасти новые, более крепкие отношения. Юля стала лучше понимать себя, уточнила какие-то жизненные оценки. Такой опыт дается трудно. Бывает и очень больно. Но в отношениях двоих всегда необходим свой опыт. Любовь, как и любой эксперимент на себе, никого из нас не гарантирует от неудачи. Но и преодолеть ее можно только любовью.

Записала Т. САХАЩИК

* * *

Я низко кланяюсь судьбе,
От боли зажимая губы.
Спасибо, Господи, тебе,
За то, что жил на свете Врубель.

И в повседневной молотье,
Копаясь в книжечных подборках,
Спасибо, Господи, тебе,
За то, что жил на свете Лорка.

Ночь успокаивает бред
Дневных затасканных эмоций.
Спасибо, Господи, тебе,
За то, что жил на свете Моцарт.

Но, Боже, как заговорить,
Когда молчат глухие дети.
Я не смогу тебя простить
За то, что я живу на свете.

* * *

Для веселых новогодних дней
Платье шью. Да что-то мне не шьется.
На конце иголки моей
Маленькая звездочка смеется.

Но чуть-чуть я руку повела —
И погасла острая игла.

Свет на скатерти, клеенке,
На застиранной пеленке,

ПОДАРОК
ОТ
SANTA-
KLAUSA

На обоях, на паркете,
На задумавшихся детях,
Свет на кухне и на чае,
Свет в халат залез случайно,
Так, всю жизнь живя на свете,
Мы его не замечаем.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Как долго не хочется спать,
Когда новолуние стало.
Я слышу в квартире усталой,
Как тихо встает моя мать.

Рукой темноту отвела
И где-то поблизости дышит,
Сквозь ночь я как будто бы слышу,
Как мать моя тихо прошла.

Но холодно свечке гореть
Среди занавешенных комнат,
Я так бесконечно не помню,
Когда ты смогла умереть.

Как долго не хочется спать,
В закрытой квартире усталой
Я слышу, как медленно встала
И молча ушла моя мать.

* * *

Я бы хотела, любя и любя,
Черпать и черпать тебя из тебя,

Я бы хотела сегодня и впредь
Слышать и слышать, смотреть и смотреть,

стихотворная тропа

Елена ЛОГВИНОВА

Мне — 20 лет.
Я — студентка.
А все остальное
в моих стихах.
Имеющий уши —
услышит.

Имеющий
глаза —
увидит.

Как пожелтела рубаха твоя.
Я бы хотела, хотела бы я...

* * *

Увидеть тебя напоследок,
Глаза твои, волосы, руки
И все, мой хороший.

Акации голыми пальцами веток
За мой самолет. И цепляются звуки,
И катится, катится медью потерянный грошик.

Увидеть тебя напоследок,
Глаза твои, волосы, руки
И все, мой хороший.

А дома, а там, в пересуде соседок,
Мой муж одевается,
Простыни, лица изношены.

Увидеть тебя напоследок.
Глаза твои, волосы, руки
И все, мой хороший.

* * *

Мама была молодая, когда
Ты без конца с простынею возился,
Падая и плакал, и мир отразился
На погрешке твоими слезами.

Мама смывает круги под глазами,
Мама была молодая. Когда?

* * *

Сколько дней за спиной,
Все больные да разные.
Только птицы со мной,
Только голуби грязные.

Оголкой весной,
Беспольной и брошенной,
Только лужи со мной,
Только лужи промокшие.

Видно, бог наказал,
Видно, сказки сбываются,
Да пустой кинозал
Тишиной отзывается.

* * *

За горами, за лесами,
Далеко,
Превратите мою память
В молоко.
Я приду котенком ласковым
Одна,
Чтобы спрятаться и вылакать
До дна.

* * *

И во спасенье ложь,
И компромисс повсюду,
А за убийство — смерть,
И за обман — тюрьма,
Но правды не найдешь.
Я буду бить посуду,
Я выломаю дверь,
Но не сойду с ума.

Мне солоно солить,
Потом хлебать не меньше,
А там хоть волком вой —
Пустые закрома.
Я буду слезы лить
И ненавидеть женщин,
И биться головой,
Но не сойду с ума.

Да просветлеет день!
Позеленеют травы!
И мальчик-трубочист
Откупорит дома.
Пусть под глазами тень,
Но вы ошиблись, право,
Мой горький разум чист.
Я не сошла с ума.

* * *

Все будет так. Бетховен умирает.
Все будет так.
А музыкант старается, играет,

Какой чудак,
Он пальцы льет и пробует сонаты
Его вернуть,
Все будет так. И может быть, когда-то,
Когда-нибудь,
Все будет так. Бетховен умирает.
Счастливый путь.

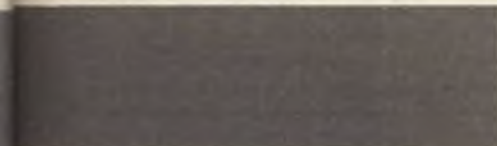

фото Елены АДАМЧИК

Ведущий рубрики — директор Таллиннской школы менеджеров Владимир ТАРАСОВ

— Владимир Николаевич, вы уже объяснили, кто есть менеджер и как найти в себе дар организатора, управленца. Но вот статистика, правда, чуть устаревшая: из 200 выпускников вузов только один становится руководителем. Сейчас эта пропорция еще разительнее — одних министров сколько убавилось! Так что шапок Мономаха на всех желающих явно не хватит.

— Типичный житейский стереотип: карьера — непременно путь наверх. А почему не вперед, к некоей жизненной цели, а не к высокому посту?

— Одно другому не помеха. — Отчасти. Вертикальная карьера, как лесенка. Ступенька за ступенькой, от исполнителя к

руководителю. И чем выше, тем уже круг избранных. Что же остальные? Неудачники? Жертвы необъективности? Нет, есть альтернатива — горизонтальная карьера. То есть путь от дилетанта к профессионалу, обладающему уникальным умением.

— Уникальный сварщик, уникальный ювелир или кондитер — это представляю...

— И менеджер тоже. Зарубежный бизнес готовит таких «уникумов», способных поставить на ноги завод, институт, спортклуб, шоу-группу. Он не станет президентом-мультимиллионером, но у него другой стимул — профессиональное умение. Это делает его независимым, обеспечивает материальное благополучие. Умение — его капитал — нельзя отнять, этот товар не обесценивается. Если, разумеется, обновлять навыки и знания.

— Это у «них», а у нас? — И у нас. Экономика децентрализуется. У организато-

ров производства степень экономической свободы выросла. Появилось кооперативное движение, совместное предпринимательство, арендные предприятия... Все это — новые варианты для делового человека, для горизонтальной карьеры. Впрочем, ориентация на такой путь не означает отказа от пути наверх. Но, подчеркну, карьера — не самоцель. Для менеджера цель — успех дела.

— Американец Джозеф Ритчи, звезда первой величины делового мира и, кстати, сопредседатель совместного советско-американского предприятия, предложил такой девиз для своей фирмы: «Работа должна приносить удовлетворение и только тогда будет приносить прибыль».

— Я бы так прокомментировал девиз мистера Ритчи. Менеджер-наемник, работающий только за плату и не более того — лишний человек в современной экономике. Мы живем в эпоху качества. Мало производить много, нуж-

ВЫ НАБИРАЕТЕ НОМЕР

Недавно я беседовал по телефону с девушкой из Саратова. Событие это, не отмеченное ни в одном календаре, тем не менее, стоит того, чтобы о нем написать в рубрике, предназначенной для деловых людей.

Длинный — «междугородный» — звонок. Снимаю трубку: «Слушаю». В ответ тишина.

— Алло,— удивляюсь я.— Говорите, вас слушают.

Тишина. Собираюсь положить трубку и вдруг:

— К-х-мм...

— Да, да,— радостно поддерживаю я разговор.

— Это самое... Ну, в общем, это... — почти членораздельно произносит моя собеседница.— Это... Я хотела бы... Это... Ну... Я из Саратова звоню...

Пауза секунд на 30.

— Девушка,— почти взмываюсь я.— Скажите, если не секрет, кто вам нужен? Вы хотите что-либо узнать? Спрашивайте. Пауза.

— Это... Ну... Тут номер... Так куда писать?

Догадываюсь, что речь идет о безадресном письме, помещенном в рубрике «Ищу друга». Уточняю номер. Объясняю, как быть.

— Понятно? — спрашиваю.

В ответ — длинный гудок. Значит, все поняла и больше ей разговаривать со мной не о чем.

Должен поблагодарить девушку из Саратова за подсказанную для «Шапки Мономаха» тему: «Как вести деловые беседы по телефону».

Не считите эту тему пустячной, в работе менеджера нет мелочей. А в нашей почти телефонизированной деловой жизни изобретение американца Белла играет очень даже не пустячную роль. Что же до умения вести беседы по телефону, то... (см. выше).

В книге поляка Эдварда Петкевича «Правила хорошего тона» есть целая глава о телефонных диалогах. Думаю, познакомиться с некоторыми правилами хорошего «телефонотона» будет

полезно не только будущим менеджерам¹.

Оказывается, к деловому разговору по телефону нужно готовиться. Желательно не только продумать, о чем будете говорить, но и составить «конспект» беседы: записать тезисно вопросы, на которые хочешь получить ответ, а если нужно передать информацию, то выписать на листок фамилии, цифры.

Но вот вы набрали номер, в трубке — длинные гудки. Один, второй... После пятого положите трубку на рычаг — дальше «настаивать» на разговоре невежливо; либо там, куда вы звоните, никого нет, либо не хотят или не могут говорить.

Вам повезло: ответили после второго гудка. Разговор начинаете вы (как, кстати, и заканчиваете — это право того, кто звонит). Понятно, первая фраза: «Здравствуйте!» или «Добрый день (вечер, утро)!». Вторая: «Это такой-то. Извините, нельзя ли пригласить...»

Наконец, убедившись, что с

¹Прочитать книгу Э. Петкевича нам помогла переводчица М. Тарасова.

но — хорошо. Интерес к делу вырабатывает наблюдательность, стремление вникнуть в нюансы, понять людей, с которыми работаешь. Менеджмент — искусство управления людьми. И карьеру делают менеджеры, которые умеют построить отношения с окружающими.

— Есть предложение продолжить азбуку менеджмента. Мы говорили в прошлый раз о новых возможностях для деловых ребят: ученические кооперативы, центры НТТМ, молодежные коммерческие объединения, хозрасчетные клубы. Но как эти возможности реализовать, с чего начинать?

— На этот вопрос мы сможем ответить в ходе всех наших занятий. Но для начала подчеркнул бы: дело окажется удачным, если за него берутся... 1) фанат — тот, кто очень хочет, чтоб оно было успешным. Без такого энтузиаста трудно; 2) менеджер-организатор; 3) спонсор. Его задача — финансировать, защищать. Поэтому для начала нужно определиться, кто есть кто, и обязательно заполнить недостающее звено.

Попытайтесь разобраться и со своими амбициями, самолюбием. Не получилось дело, не стали

лидером — ищите причину, а не занимаетесь переживаниями. Лучше честно сказать себе: не по Сеньке шапка, и поискать другую роль. Чаще же происходит обратное: сорвалось, неудача — и мы в позу обиженных, непонятых, безразличных. Позиция бесполезная. Опыт наращивается, когда планка берется. Кроме того, мы ведь уже решили: вовсе не обязательно быть на первых ролях, возглавлять дело. Управлять, как я уже говорил, можно из любой точки, быть человеком, чьи советы ценят. Но есть одна опасность при такого рода участии в деле. Ваш управленческий потенциал щедро расходуют другие, превращая вас в «донора». Поначалу — эйфория: «Я нужен, я — все знаю», а потом — застой, комплекс неудачника. На ваших способностях, идеях, советах кто-то сделал карьеру, ушел вперед, получил признание. А вы остались в талантливых, умных, но несостоявшихся. Я в таких случаях всегда вспоминаю шуточную надпись на стене в ресторане: «Если ты такой умный, почему у тебя мало денег». Может быть, ресторанный цитата чересчур прагматична, но важно, чтобы способности служили не только обществу, но и приносили блага их обладателю.

— Для наших читателей все это, пожалуй, чересчур абстрактные размышления. Им нужно конкретное дело.

— Вот, кстати, и первое домашнее задание. Поискать дело для себя и друзей. Такое дело можно найти в школе, в микрорайоне. Присмотритесь к работе предприятий службы быта, торговли, почты. Наверняка вы найдете возможность помочь, предложить новые идеи и решения. Только помните: решение должно приносить прибыль.

— А я добавлю к вашему совету еще несколько из «Курса для высшего управленческого персонала» — книги, по которой учились менеджеры мирового класса:

— не уклоняйтесь от решения проблем;

— не теряйте основного направления в ежедневной деятельности;

— не забывайте о правах других;

— будьте целеустремленны.

И, разумеется, не забудьте о домашнем задании. Итак, если бы вы были менеджером, то...?

Ждем писем!

С В. Тарасовым
беседовал
Леонид МИНДЛИН

шапка Мономаха

вами говорит тот, кто вам нужен, начинаете деловую часть разговора (план его лежит перед вами).

Выяснив или передав все, что хотели, вы должны проверить, правильно ли вас поняли. Коротко повторяете термины, фамилии, адреса, даты... Убедились, что все в порядке? Если говорили со знакомым, то можете себе позволить пару частных вопросов. Осталось попрощаться — и дело сделано.

Ну, а если по делу звонят вам?

Итак, все сначала. Звонок. Не затягивая, снимаете трубку: «Слушаю». Не лишним будет сразу назвать себя (в частном разговоре первым должен представиться тот, кто звонит). Выслушиваете вопрос. Если сразу ответить не можете, просите позвонить через определенное время. То же самое, если вы очень заняты или с кем-нибудь разговариваете.

Кстати, если ваш собеседник не представился даже после просьбы назвать себя, то вы имеете право прервать разговор. Может случиться, что звонят не вам, а коллеге, которого сейчас нет. Не следует отвечать: «Позвоните через час», лучше сказать: «Я передам, что вы звонили».

Еще несколько общих правил.

Собираясь набрать номер, постарайтесь учитывать, что по делам без предварительной договоренности в частную квартиру не звонят с девяти вечера до восьми утра, в выходные дни, в обед, во время интересной телепередачи.

Не спрашивайте: «Это какой номер?» Вопрос должен звучать так: «Это номер такой-то?»

Не забывайте, что разговор не должен продолжаться очень долго — время делового человека ценится дорого.

И главное — телефонное общение, как и любое, строится на взаимном уважении.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

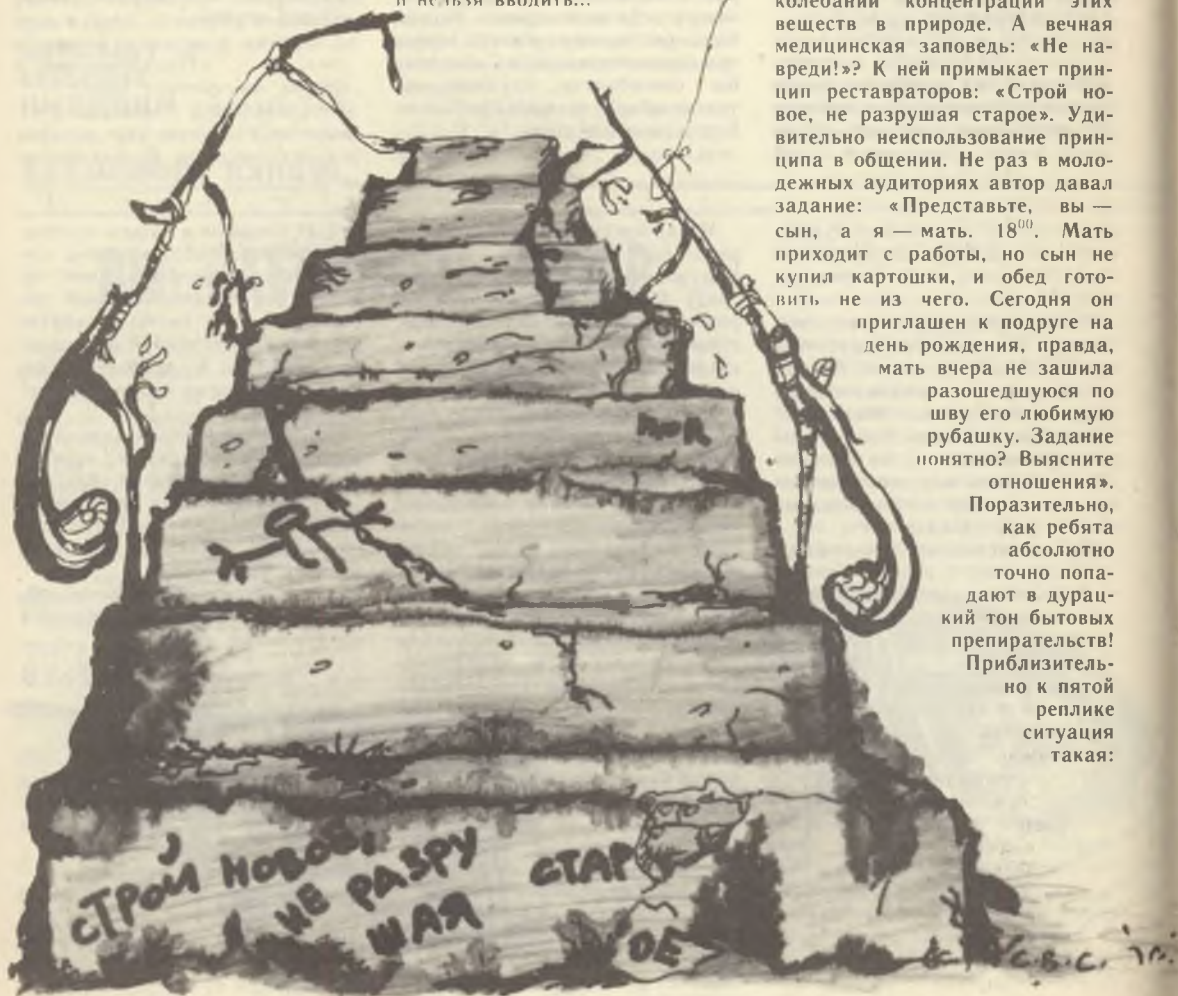
ПЕРИМА ДЛЯ ИДЕИ

ВО-ПЕРВЫХ, НЕ ЛОМАТЬ

Фраза из аналитического отчета: «Почти все насекомые, что были случайно завезены в США, стали либо неприятной помехой, либо реальной угрозой для сельского хозяйства». Сообщение на конференции медиков: «Развитие идей металло-остеосинтеза длилось десятилетия и стоило сотни искалеченных людей». Гигантская страна и насекомые, человек и соединение сломанной кости металлическим стерженьком...

Почему и насекомые, и стерженьки враждебны неизмеримо более крупной системе — человеку или стране? Дело в том, что любая система (техническая, биологическая или общественная) сопротивляется внедрению в нее инородных элементов — дает реакцию. (Вспомните, например, вспухающую от комариного укуса кожу). Но творчество — всегда изменение. Противоречие: для совершенствования системы нужно вводить новый элемент и нельзя вводить...

«Сломаем старое! Дашь дорогу новому!» Всегда ли хорош этот лозунг? С чего начинать решение нестандартной задачи? Что относится к потерям дня? Существуют ли непсихологические способы решения задач? Попробуем ответить на эти вопросы.

Пример. В иных стройтрестах истачивается до 5 наконечников пескоструек в месяц. Как быть? Делать наконечники из высокопрочного сплава? Дорого. Перечислим, что уже дано: воздух, песок, сам наконечник. А если внутреннюю поверхность наконечника сделать из сетки — она забьется песчинками, и новые порции песка будут истирать... песок! Оказывается, противоречие разрешимо, если для совершенствования системы мы используем ее составные части.

Если читатель думает, что подобные решения годятся лишь для изобретательских задач — он ошибается. Принцип «не ломай, а изменяй систему за ее счет» достаточно общий. Он работает в технике, экологии, медицине, реставрации и т. д. Действительно, какие сбросы веществ допустимы? Не выше колебаний концентраций этих веществ в природе. А вечная медицинская заповедь: «Не навреди!»? К ней примыкает принцип реставраторов: «Строй новое, не разрушая старое». Удивительно неиспользование принципа в общении. Не раз в молодежных аудиториях автор давал задание: «Представьте, вы — сын, а я — мать. 18⁰⁰. Мать приходит с работы, но сын не купил картошки, и обед готовить не из чего. Сегодня он приглашен к подруге на день рождения, правда, мать вчера не зашила разошедшуюся по шву его любимую рубашку. Задание понятно? Выясните отношения». Поразительно, как ребята абсолютно точно попадают в дурацкий тон бытовых препирательств! Приблизительно к пятой реплике ситуация такая:

— А я все равно пойду на день рождения!

— Черт с тобой! Иди. Иди! Обратно можешь не возвращаться!

Причем все серьезно, с агрессией. Еще через несколько реплик они дойдут до прямых оскорблений — тут я «рву» скандал.

А где применение принципа «не ломай (ломаются не только машины, но и отношения), а изменй систему за ее счет?» Ведь ситуация элементарная: надо лишь учитывать интересы партнера и начинать с них, а не с себя... «Играем еще раз, — говорю я, — но идите не от себя, а от партнера и только от партнера!». Вот запись всего диалога:

— Привет! Ну как дела?

— Слушай, виноват, я сейчас сгоняю за картошкой, а...

— Давай, я пока зашью.

Эффективно? Да. Наивно? С позиции, что лучше нахамить и не получить ни рубашки, ни картошки — да. А с позиции, когда понимаешь, что вырабатывать коллективные решения необходимо всем, и 10 человек из 10 этого не умеют — нет.

РАЗМЫШЛЕНИЕ. С решением спорных вопросов, выработкой коллективных решений мы сталкиваемся везде: в семье, на работе, с друзьями. Как это делать? Фраза «Будьте взаимно вежливы!» — постановка задачи, а не инструмент решения. Один из ходов мы показали, а каковы будут Ваши предложения?

ОГРАНИЧЕНИЕ НА... ТВОРЧЕСТВО?

Мы знаем: есть просто решения, а есть сильные решения — т. е. дающие больший результат при меньших затратах. Так, В. И. Ленин, не тратя лишнее время, начал читать длинные письменные доклады с конца, с практических предложений...

Но при чем здесь «ограничение», упомянутое в заголовке? Из прошлого выпуска рубрики «Хочу — и буду!» мы знаем: индивидуальная доминанта может и помочь, и подвести при решении. А есть ли иной, психологический способ решения?

Однажды автор статьи решал задачу, стоявшую с «до войны»: в печь при температуре 460 °С опускается металлическая этижерка с изделиями из керамики на полках. Удар о пол — в изделиях появляется трещина и до 10 процентов продукции идет в брак. Пружины использовать нельзя — они теряют при температуре упругие свойства. На-

чалник участка советовал: надо использовать гидравлический амортизатор. Почему??? А просто он ему нравился (был доминантен) — начальник недавно узнал о его существовании при монтаже оборудования... Да, творчество — не абсолютная свобода — необходимо считаться с правилами преобразования систем. Вот сильное и одновременно простое решение по правилам теории решения изобретательских задач: на полу печи выполнить засыпку из песка...

Доктор психологических наук П. Я. Гальперин пишет: «Наблюдая за решением «задачи на соображение», мы были удивлены крайней беспорядочностью и непродуктивностью мыслительной деятельности — и не только у школьников или студентов, но даже у выдающихся представителей науки, когда они решали задачи не из своей области, но не требовавших специальных знаний. По меткому выражению одной сотрудницы, обычная картина решения таких задач носит характер «броуновского движения мысли» — случайных толчков в разных направлениях, с многочисленными возвращениями к тому же действию, без выхода за границы узенького «пяточка».

Поэтому разумно, помимо чисто психологических «ходов», знать и методические правила, концентрирующие опыт людей.

Предлагаем вам дать знакомым задачу изобретателя Т. Эдисона: «Вы очутились на необитаемом острове без всяких орудий труда. Как бы Вы сдвинули гранитную скалу массой в 3 тонны высотой 15 и длиной 100 футов?» Большинство или откажутся ее решать или начнут предлагать технические устройства. Но прежде, чем ломать голову над решением, вычислим толщину скалы по формулам шестого класса, и окажется, что она не превышает 7 мм. Можно толкнуть рукой! Сделаем еще один полезный вывод: прежде, чем решать задачу, полезно ее изучить!

Цель рубрики — дать читателям шанс найти свой путь в творчестве, ибо уже сейчас ясно — XXI век (а вам в нем жить и работать) — будет веком Творчества (кто не согласен — спорьте). Не будем скрывать: кто-то поймет это раньше и проживет интересную жизнь, кто-то позже — и проживет более пресно. Конечно, есть сытый довод: создайте (кто?) социально-экономические условия и вот тогда... Но поисковые, рискованные процессы всегда опережают «со-

циально-экономические условия». Вспомните хотя бы первых рок-музыкантов.

Творческая личность начинает не с претензий к внешней среде, а с изучения себя. Поэтому мы советуем читателям неделю отмечать раскладку времени в течение дня. Недостающие разделы можно дополнить. Техника проста: вписывание в соответствующую строку затрат времени хотя бы с точностью ± 10 мин. В конце дня просуммировать — должно получиться 24 часа. Что отнести к ПОТЕРЯМ? Например, директриса заставляет мести снег с тротуара у школы: ясно — потери. Просто нужно нанять дворника, и он...

Стоп! Это не тот ход. Мести можно по-разному: можно быстрее всех, можно чище всех, можно помочь слабому. Ничего не проходит даром — все становится фактом биографии, психологической опорой для будущего: я смог! Поэтому поверьте — ПОТЕРИ зависят от вас. Надо выдерживать неделю самонаблюдений — это тоже может стать фактом биографии. В конце недели изучите, где вы тратите время. Где явные резервы? Что изменить?

Второй совет. Постарайтесь оценивать телепередачу, урок, книгу, эту статью по такому плану:

1. Что было интересно, но не более?

2. Недостатки:

автора (учителя)?
мои собственные?

3. Что ново, может пригодиться в ближайшее время?

4. Что важно, надо запомнить надолго?

5. Предлагаю изменить (или: я бы сделал так...).

Поясним: в первом пункте нужно отсечь просто интересное — «конфетную обертку» — не спутать его с главным, новым пунктом 3 и 4. Во втором — зафиксировать чужие и свои недостатки (общие — двухсторонний процесс), а в пятом — предложить их исправление.

Мы будем благодарны, если вы пришлете свои размышления о разрешении конфликтов. А также отзыв по плану об этой статье. Лучшим аналитиком приз — книга по фантастике и теории решения изобретательских задач.

Успехов!

Игорь ВИКЕНТЬЕВ

Оформление Сергея
СТЕЛЬМАШОНКА

Напомним читателю: однажды Малая редколлегия решила, что неплохо бы иногда заглядывать в будущее. Это же любопытно — поразмышлять вместе с учеными, что ожидает человечество в каком-нибудь ХХII веке. Сколько нас станет, на чем будем ездить, в каких домах жить, как будем учиться, работать, одеваться, бороться с болезнями... Тогда и появилась в журнале рубрика «Фантпрогноз».

Но этот выпуск «Фантпрогноза» не совсем обычный. Во-первых, потому, что, если подумать, ничего фантастического в нем нет. Во-вторых, и авторы, и редакция очень надеются, что он — прогноз — не сбудется.

Согласитесь, любопытнее всего в будущем — не количество мудрых киберов на душу населения, а именно эта самая душа. Какими мы станем?

На каких принципах устроим свою жизнь?

Авторы рассказа «Администрация леса»

Юрий Брайдер и Николай Чадович считают,

что ответы на эти вопросы нужно искать

не в грядущем, а сегодня, сейчас.

Потому что будущее вырастает из прошлого

и настоящего — каждый из нас кладет

в его фундамент свой камень.

Вы прочтаете рассказ, и, наверное, вам станет страшно. Да, абсурдно нарисованное фантастами

Общество Всеобщих Запретов. Да, фантазмагоричен

мир, где «правят бал» инструкции и циркуляры.

Да, не поддается здравому смыслу логика

расплодившихся Админист-

раций и администраторов.

Вам не нравится такое будущее?

Вы не хотите

в нем жить?

Ну, что ж, для того и писали

Брайдер и Чадович этот

рассказ-предупреждение.

Фантпрогноз

АДМИНИСТРАЦИЯ ЛЕСА

Фантастический рассказ¹

В первый из назначенных им кабинетов они вошли решительным шагом и можно было бы даже сказать: плечом к плечу, если бы только плечо младшего не находилось на одном уровне с брючным ремнем старшего.

Хозяин кабинета молча водрузил на нос роскошные очки и принялся изучать заявление с таким видом, словно намеревался обнаружить между строк некий другой, выполненный тайнописью, текст. Оставив на бумаге добрую дюжину загадочных карандашных пометок, он закончил чтение и заговорил, но почему-то не с отцом, а с сыном. Это была плохая примета.

— Как тебя зовут, малыш?

— Никак,— ответил тот.

— А почему ты такой сердитый? Хочешь конфетку?

— Нет,— ответил сын, стараясь не смотреть в белые, как у вареной рыбы, жутко увеличенные мощной оптикой глаза.— Конфетки я не хочу. Я хочу резолюцию.

Отец незаметно дернул его за рукав — не зарывайся!

— Какие мы все серьезные!— Физиономия чиновника сразу сделалась брезгливо-кислой, как будто он случайно раскусил клопа.— Ваша просьба будет рассмотрена. Результат будет сообщен письменно.

— Прошу прощения,— то, каким тоном это было сказано, свидетельствовало о наличии у отца бесконечного запаса терпения. Перед визитом сюда он закончил курсы аутогенной тренировки и протудировал всю литературу по самовнушению.— Вы, очевидно, прочитали мое заявление невнимательно. Там сказано, что я уже стою на очереди. Без малого восемь лет. В позапрошлом году я был двадцатым, в прошлом — третьим. В этом году двое, значившихся в списке позади меня, уже получили положительный ответ. Судя по всему, здесь имеет место какое-то недоразумение.

Лицо чиновника окаменело. По скулам загуляли желваки. Верхняя губа хищно напырилась, обнажив желтоватые, сточен-

¹ Журнальный вариант

ные казенной пищей резцы. Дохлый карась в мгновение ока обернулся беспощадной пираньей.

— Не хотите ли вы сказать, что причиной этого являются служебные злоупотребления?— процедил он зловеще.

— Нет, не хочу,— по-прежнему спокойно ответил отец.— Я выразился вполне определенно: недоразумение. Но если это недоразумение немедленно не разрешится, я буду вынужден принять определенные ответные меры. Полюбуйтесь!— он расстегнул молнию пухлой дерматиновой папки.— Это заказные письма. Каждое из них является копией моего заявления. Адресаты самые разные: все ваши непосредственные начальники, некоторые другие ведомства, так или иначе связанные с Администрацией леса, Генеральный прокурор, Верховный суд, с десятком наиболее влиятельных газет, комиссия ООН по правам человека, Всемирный совет церквей, Международная лига женщин-феминисток и так далее. Если вы мне откажете, я прямо отсюда иду на почту.

Криво усмехнувшись, чиновник взял телефонную трубку и принялся небрежно крутить диск. Набранный номер был подозрительно коротким, скорее всего, он и не собирался никуда звонить, а попросту ломал гнусную, годами отрететированную комедию.

— Здравствуйте,— строго сказал чиновник самому себе.— Поищите мне списки... Те самые... Кто меня интересуется? Сейчас...— Безбожно коверкая, он назвал фамилию отца.— Есть такой?.. Номер третий? Почему? Номером третьим он был еще в прошлом году. Ах, вкралась ошибка! Понятно! Впредь попрошу вас быть аккуратней!

Из великого множества разнообразных карандашей, ручек, фломастеров и стеклографов, украшавших его письменный прибор, чиновник выбрал один, наиболее подходящий к такому случаю, и в левом верхнем углу заявления наискосок начертал — «Не возражаю». Затем, полюбовавшись своей работой, он выставил неразборчивую дату и еще более неразборчивую подпись.

— Вот видите, как быстро все уладилось,— с подозрительной благожелательностью сказал чиновник.— Администрация леса старается работать без ошибок и проволочек... А теперь пройдите в одиннадцатый кабинет.

Одиннадцатый кабинет служил узилищем для референта по общим вопросам, мужа необычайно подвижного и энергичного. На заявление он накиннулся с таким энтузиазмом, как будто целый день только его одного и дождался. Читал референт быстро, с нескрываемым интересом, то морщась, как от зубной боли, то удовлетворенно кивая головой.

— Нет!— трагическим голосом вскрикнул вдруг референт. Можно было подумать, что он прочел как минимум свой смертный приговор.— Нет! Нет, нет и еще раз нет! Не могу! Даже и не просите! Я принципиально против! То, что вы затеваете,— опасно! Особенно в

эту пору года! Особенно вам! Я прекрасно помню ваше личное дело! С таким личным делом вас на кладбище не возьмут! Сейчас вы в этом сами убедитесь! Достаточно заглянуть в медицинскую карту!..

Он принялся лихорадочно рыться в кучах бумаг, загромаждавших не только его стол, но также стулья и подоконники. Не обнаружив искомого, референт полез в сейф, где эти бумаги громоздились уже целыми монбланами.

— Здесь нет... И здесь... Куда же оно, черт побери, подевалось!.. В общем, я его потом обязательно найду! Но анализы у вас были очень плохие! Это я точно помню!

— Медицинская карта, которую вы имеете в виду, заполнена восемь лет назад, еще до того, как я стал на очередь. С тех пор многое изменилось. Я бросил курить, прошел курс специальной подготовки, изменил образ жизни. Вот самые последние анализы. Как видите, все в полном порядке.

— Почему я должен верить этим бумагам, а не тем!— взвился референт.— Знаю я, как они пишутся. Цена им...

— Подождите,— отец не дал ему закончить.— Хочу предупредить, что в кармане у меня находится включенный диктофон. Все сказанное вами фиксируется на пленку. Если вы считаете, что эти анализы получены мной за взятку или по протекции, я совместно с подписавшими их лицами, возбужу против вас судебное дело по обвинению в клевете.

— Я ничего подобного не говорил!— заверещал референт.— Попрошу не ловить меня на слове! Оговориться может каждый! Я один, а вас много! Уважение надо иметь... Попробовали бы вы сами в моей шкуре оказаться! Дома вам, видите ли, не сидится! Острых ощущений хочется! А чуть что — с меня спросят! Далась вам эта лицензия! Ну, вот скажите честно, зачем все это вам нужно?

— Этим делом занимался мой отец, мой дед и, наверное, даже дед деда. С детства я слышал об этом массу рассказов. Это у меня, можно сказать, в крови. Вы не имеете права мне препятствовать. Я изучил все законы, консультировался с юристами. И если мне и моему сыну откажут в разрешении...

— Что?!— референт сделался зеленым, как будто весь гемоглобин в его крови в единый миг заменился на хлорофилл.— И сыну?! Вы что — и мальчика туда поволочете? Ну уж нет! Только через мой труп!

Теперь пришло время взъяриться отцу.— Не исключено!— произнес он таким голосом, что референт из зеленого стал белым.— Совсем не исключено!— Его рука скользнула за пазуху, где под просторным плащом угадывался какой-то массивный предмет.

— Так нельзя...— залепетал референт, хватаясь за заявление, как за спасательный круг.— Что вы себе позволяете... Я же к вам со всей душой... А вы...

— Пиши-и,— проникновенно сказал отец, слегка надавливая на худой, как заячье колено, загривок референта.— Пиши!..

— Если вы настаиваете... Я подпишу, конечно... Но ваш сын... Подумайте о ребенке... Значит, так: не возражаю в случае положительного решения детского психиатра... Больше ничем помочь не могу. Вам придется пройти в кабинет номер двадцать пять.

— У тебя в самом деле есть диктофон?— спросил мальчик, когда они вышли в коридор.

— Нет.

— А дядя поверил.

— Дядя трус. К сожалению, не все здесь такие.

— Можешь одеваться,— фальцетом пропихивал детский психиатр, сам чем-то похожий на пухлое дебильное дитя.— Ребенок вполне нормальный. Развитие для его возраста удовлетворительное... Так ты действительно хочешь пойти с папой?

— Да,— ответил мальчик, пугаясь в рукавах рубашки.

— И тебе не будет страшно?

— Нисколечко.

— Нда-а,— психиатр бросил на отца недобрый взгляд.— Знаешь что, походи погуляй. Мне нужно переговорить с твоим папой.

Мальчик вопросительно глянул на отца, и тот молча ему кивнул.

— Зачем вы калечите ребенку душу?— спросил психиатр, когда они остались вдвоем.

— Не пойму, о чем это вы?

— Он ходит в школу. Там его учат определенным правилам поведения. Дисциплине, вежливости, уважению к законам. Норме, так бы я сказал! А то, что собираетесь сделать вы, к сожалению, от нормы весьма и весьма далеко. Уверен, что очень скоро у вашего сына выработается привычка нарушать все нормы. Я думаю, вам известно, где мы держим ненормальных?

— Давайте не будем сейчас обсуждать то, чему и так учат в школе. Вопрос о норме тоже довольно спорный. Мы говорим о мальчике. Он давно мечтает об этом. И прекрасно представляет, что нас ждет. Он хочет испытать себя. Ему скоро восемь лет. Он уже не ребенок.

— Он ребенок! Я категорически на этом настаиваю! Мы обязаны заботиться не только о физическом, но и о нравственном здоровье будущих поколений! Ваша безответственная затея может окончиться печально!

— Вы дадите свое согласие или нет?— отец понял, что метод убеждения здесь не поможет и пора брать быка за рога.

— Нет. Разговор закончен.

— Я не уйду до тех пор, пока не получу разрешения!

— Я вызову охрану.

— Не успеешь!— отец выхватил из-под плаща ружейный обрез, похожий на старин-

ный тяжелый пистоль.— Подписывай, если хочешь жить!

— Спокойней,— психиатр мизинцем осторожно отвел ствол ружья немного в сторону.— Если это шутка, то весьма неуместная.

— Это не шутка! Ты же психолог! Специалист по копанию в человеческих душах! Загляни мне в глаза и сразу поймешь, что сейчас я способен на все! Подписывай, ну!

— Ладно,— очень медленно, явно сдерживая дрожь в пальцах, психиатр каллиграфическим почерком вывел на заявлении: «Согласен».— Интересно, что вы собираетесь делать дальше? Предупреждаю, как только вы отсюда выйдете, я подниму тревогу.

— Не подымешь, могу поспорить,— с мстительным торжеством сказал отец.— Постесняешься!

Обрез в его руках с хрустом развалился. Картонные трубки и обрывки тонированной под вороненую сталь фольги полетели в мусорную корзину, а искусно вылепленный из хлебного мякиша приклад — через форточку на соседнюю крышу, где, утробно воркуя, прогуливались жирные городские голуби.

Мальчик ожидал его, сидя на корточках напротив двери.

— Ну как, папа? — спросил он.— Дядя разрешил нам идти? Он больше на нас не сердится?

— Что ты! Дядя просто в восторге!

— Ну и желание у вас! — старший советник отдела контроля лояльности даже присвистнул.— Лицензия! Суточная! В такую пору года! Я бы от такого и сам не отказался.

— Я восемь лет ожидал очереди.

— Другие и побольше ожидают.

— Может быть. Но сейчас подошла именно моя очередь, а не чья-то еще. Думаю, вы не будете возражать.

— Возражать — моя обязанность. Я должен быть уверен в вашей полной и безусловной лояльности. А доказать ее — дело не простое,— советник встал и заложив руки за спину, подошел к окну.— Очень не простое! — повторил он, задумчиво глядя куда-то в мутную даль.

Умное и красивое лицо советника хранило следы всех без исключения человеческих пороков, а серебристо-голубой элегантно костюм, галстук бабочкой и ослепительные манжеты свидетельствовали о вполне определенной жизненной позиции, явно не обеспечиваемой скромными чиновничьими зарплатами.

— Простое или непростое, но я своего добьюсь,— без нажима сказал отец. Он прекрасно понял весьма прозрачный намек советника, но все же решил повременить со взяткой.

— Вы так в этом уверены? — советник едва заметно улыбнулся.

— Абсолютно.

— Тогда начнем с самого простого. Вы член общества друзей леса?

— Да. Вот удостоверение.

— Оно не просрочено?

— Действительно по первое января следующего года.

— Взносы уплачены?

— Конечно. Вот гербовые марки.

— В мероприятиях общества участвуете?

— Ни одного не пропустил. Вот справка.

— С печатью и подписью?

— С печатью и подписью.

— Характеристика от регионального секретариата общества имеется?

— Имеется.

— Заверенная нотариусом?

— Да.

— И фотографии приложены?

— Приложены.

— В анфас и профиль?

— В анфас и профиль.

— А сколько штук?

— По шестнадцати каждого вида, как и положено.

— Браконьеры и порубщики среди родственников есть?

— Нет.

— Будем проверять.

— Зачем? Вот справка вашего регионального агента.

— В Администрации рек и озер состояли?

— Не состоял.

— А в Администрации недр и карьеров?

— Никогда.

— Собрания общества посещаете регулярно?

— Регулярно. Вот учетный листок с отметками.

— А за текущий месяц?

— Собрания у нас всегда двадцатого числа. А сегодня только тринадцатое.

— Ничего не знаю. Вот после двадцатого числа и приходите.

— Так ведь сезон уже закончится!

— Ну и что! Будет еще осенний сезон. И летний сезон следующего года.

Довольный собой, советник развалился в кресле и ласково воззрился на отца. Тот тяжело вздохнул и полез в свою необъятную папку.

— Не сочтите за оскорбление... Маленький подарок... Исключительно из чувства глубокого уважения...

Советник со снисходительной улыбкой приподнял вверх ладонь, как бы предлагая обойтись без лишних слов.— Уверен, что ваши чувства искренни и чисты,— сказал он, натягивая тонкие хирургические перчатки. Потом взял конверт с деньгами и принялся внимательно разглядывать каждую купюру на свет рефлектора.

— Вообще-то глубокое уважение ко мне принято выражать более крупной суммой,— советник небрежно швырнул перчатки, деньги и конверт в нижний ящик письменного

стола.— Запомните это на будущее. А теперь могу продемонстрировать вам один фокус.

Он с треском задвинул ящик, выкрикнул: «Раз! Два! Три! Алле-гоп!» и вновь выдвинул его почти на всю длину. Отец с глухой ненавистью, а сын с восторгом, убедились, что ящик совершенно пуст.

— Один вопрос на прощание. Можно? — сказал отец.

— Смотря какой.

— А если бы и вдруг успел посетить собрание в этом месяце? Что было бы тогда?

— Да все то же самое. Я задал вам всего шестнадцать вопросов. И вы уже сдались. Можно сказать, без борьбы. Обычно мне попадают орешки покрупнее. Но больше шестидесяти вопросов не выдержал еще никто. Вот ваше заявление. Сейчас вам нужно зайти в отдел статистики и учета.

Отдел статистики и учета занимал целую анфиладу комнат, в которых светились экраны дисплеев, трещали принтеры, а по бесчисленным каналам связи носились туда-сюда миллионы мегабайт информации.

Приемная делилась пополам высоким стеклянным барьером, к которому с обеих сторон были придвинуты два совершенно одинаковых стола. На одном (с этой стороны) валялось несколько обгрызенных карандашей. За вторым (с той стороны), опираясь левым локтем о столешницу, сидел плешивый молодой человек, чье лицо, а в особенности — устремленный в пространство взгляд, выражали высшую степень мировой скорби.

Убедившись, что сам факт появления в приемной посторонних лиц не может заинтересовать плешивого кибернетика, отец осторожно забарабанил по стеклу костяшками пальцев. Печально-одухотворенный лик дрогнул, отрешенный взгляд переместился из запредельных далей в постыльную повседневность, бледные уста разомкнулись и произнесли:

— Что надо?

— Ходатайствую перед Администрацией леса о получении лицензии на летний сезон текущего года.

Откуда-то из-под стола кибернетик извлек длинный и узкий бумажный бланк, сквозь щель в стекле выпихнул его наружу и вновь погрузился в горькое раздумье.

Бланк представлял собой опросный лист, судя по перфорации на краях, предназначенный для машинной обработки. Вниманию испытываемых предлагалось около сотни вопросов, на каждый из которых заранее было приготовлено несколько ответов. Первым номером стояло: «Укажите ваш пол: мужск., женск., затрудняюсь ответить, предпочитаю умолчать». Последним — «Какие чувства вы испытываете к самому себе: восторженные, положительные, обычные, отрицательные, глубоко неприязненные, никаких».

Чертыхаясь про себя, отец занялся решением этого идиотского кроссворда, всякий

раз тщательно обдумывая ответ. Он уже успел дойти до вопроса номер 24 — «Страдаете ли вы ночным недержанием мочи?», когда сын дернул его за полу плаща. Мальчик указывал на светящееся в глубине помещения табло, которое они раньше почему-то не заметили.

«На заполнение опросного листа выделяется не более 10 минут. Лица, просрочившие время, к повторной попытке не допускаются». Далее горела цифра 5, обозначающая, по видимому, остаток времени в минутах, и с бешеной скоростью выскакивали убывающие секунды.

— Помогай! — прошептал отец, разворачивая бланк во всю длину. — Начинай вот отсюда. Если будет что непонятно — спрашивай.

В две руки дело пошло значительно быстрее, и хотя мальчик все время отвлекал отца вопросами типа: «Папа, каких ты предпочитаешь женщин: брюнеток или блондинок?» или «Папочка, а что такое мазохизм?», они упились с заданием за тридцать секунд до истечения контрольного срока. Отец еще успел бегло просмотреть некоторые из выбранных сыном ответов, ужаснулся, но, поскольку время поджимало, энергично забарабанил по стеклу.

Кибернетик вновь вышел из транса, вновь сфокусировал свой взгляд на дергающихся за барьером суетных человечках и вновь с невозмутимостью Будды спросил:

— Что надо?

— Ходатайствую перед Администрацией леса о получении лицензии на летний сезон текущего года. По вашему указанию заполнил опросный лист. Примите его, пожалуйста.

Дежурный принял бланк, тут же свернувшийся в его руках трубкой, и некоторое время недоуменно его разглядывал. Потом опустил руку под стол, где, очевидно, находилась сигнальная кнопка. Тотчас из двери за его спиной выпорхнула златовласая фея в белом, по-осиному стянутом в талии халатике. Подхватив двумя пальчиками опросный лист, она в том же темпе грациозно провальсировала обратно.

В течение следующего часа произошли такие события: кибернетик сменил руку, которой подпирал свою горемычную голову (с левой на правую) и дважды чихнул.

Наконец терпение отца окончательно истощилось и он возобновил осаду стеклянной стены. Все повторилось с парализующей волю точностью и последовательностью: дрогнули и напряглись лицевые мышцы, взгляд приобрел некое подобие осмысленности, острый, чуть свернутый на сторону кадык на манер винтовочного затвора отошел вниз, освобождая путь для унитарного звукового заряда, и раздалось сакраментальное:

— Что надо?

— Ходатайствую перед Администрацией леса о получении лицензии на летний сезон

текущего года. По вашему указанию заполнил опросный лист. Вы его приняли. Я жду ответа, — единым духом выпалил отец.

Невидимый палец прикоснулся под столом к невидимой кнопке, юная фея не заставила себя долго ждать, и на стол перед кибернетиком вновь лег опросный лист, весь изжеванный и перепачканный фиолетовой мастикой.

Не проявляя к нему никакого любопытства и даже не глядя в его сторону, плешивый принялся неторопливо заполнять картонную карточку. Называлась она «Заключение» и имела всего четыре графы: порядковый номер, фамилия испытуемого, результат испытания и дата. Само собой, отца интересовала только третья из них. Поэтому не было ничего удивительного в том, что он буквально остолбенел, когда именно в этой графе кибернетик безобразно кривыми буквами нацарапал усеченное, а от этого еще более страшное слово: «Отрицат.».

— Почему отрицательный? Почему? — завопил отец, когда дар речи возвратился к нему. Взгляд его метался по развернутому на столе опросному листу. Лихорадочно пытаясь сообразить, как же можно помочь беде, он вдруг заметил нечто такое, от чего волосы на его голове чуть не встали дыбом. — Это не мое! Не мое! Это не я заполнял! Видите — там написано: «пол женский»! А я мужчина! Мужчина! Разве это не ясно?

Плешивый скрестил руки на груди, откинулся в кресле и уставился на отца диким, подернутым пленкой безумия взглядом.

— Что надо?

— Заключение! Положительное, черт тебя раздери!

— Так бы сразу и сказал.

Он скомкал первую карточку и несколькими росчерками пера заполнил новую, противоположного содержания. Затем встал, уронив при этом кресло, и, не обращая внимания на слова благодарности, побрел куда-то, цепляясь за стену. Только теперь отец понял, что кибернетик тяжело, беспробудно пьян.

Едва только они переступили порог следящего кабинета (в случае удачи он мог стать последним в их скитаниях), как внутри у отца что-то оборвалось — возможно, та самая ниточка, которой надежда крепится к сердцу. Впервые он пожалел, что затеял это почти безнадежное дело.

Женщина. Холодная. Ледяная. Далекая.

Такая красивая, что, едва взглянув на нее, отец сразу опустил глаза. Невозможно было даже представить, что у подобной женщины могли быть муж, любовник или дети. Лишь бог или дьявол имел право держать себя на равных с ней. Цирцея! Царица Савская! Клеопатра!

Ее безукоризненно строгий костюм стоил, наверное, больше, чем отец мог заработать за всю свою жизнь. В ушах показывались старинные серги из массивного золота, формой похожие не то на турецкие ятаганы, не то на

лезвия культиваторов. Бледные длинные пальцы с кровавыми стрелами ногтей украсило одно-единственное тускло-серое колечко («Вот такая она—платина»,—подумал отец) с тремя крупными бриллиантами. Волшебный запах — запах чужеземных цветов, горной росы, столетнего вина и смертельного яда — исходил от нее.

Оба вошедших заинтересовали ее не более, чем комнатные мухи, если бы они вдруг проникли в этот стерильный, вылизанный кабинет. Тут не могли помочь ни взятки, ни лесть, ни угрозы.

— Слушаю вас,— сказала она голосом Снежной Королевы.

Вряд ли она уловила смысл хотя бы одного из сказанных отцом слов, однако, когда тот закончил, раздалось категорическое: «Нет!»

— Почему?— робко поинтересовался отец.

— Существует распоряжение, ограничивающее количество лицензий на этот год.

— Но я об этом впервые слышу.

— Распоряжения издаются для членов Администрации. Мы не ставим перед собой цель доводить их до каждого встречного.

— Что же мне теперь делать, посоветуйте?

Богиня лишь равнодушно отвела взор: с точно таким же успехом заблудившийся в африканской саванне путник мог попросить помощи у гордой предводительницы львиного прайда.

И тут случилось нечто совершенно непредвиденное, чего никак не ожидал отец.

Мальчик заплакал — без раскачки, всхлипываний и хлюпанья носом — сразу очень горько и очень громко. Это был поток соплей, фонтаны слез, ураганы рыданий.

— Прекратите немедленно!— впервые в голосе чиновной красавицы появилось что-то похожее на чувство.— Вы что, нарочно?

— Нет,— залепетал отец, пытаясь вытащить сына в коридор.

Однако тот ловко выскользнул из его рук, повалился на толстый, пастельных тонов ковер, руками вцепился в ножки ближайшего кресла, а ногами забарабанил в тумбу письменного стола. Рев его не то что не ослабевал, а с каждой минутой становился все громче и безудержней.

— Позор!— вскричала взбешенная начальница, подхватывая падающую со стола вазу.— Как вам не стыдно! Давайте немедленно свою бумагу! И чтоб даже духу вашего здесь не было!

Только к вечеру они оказались, наконец, в святая святых этого огромного здания, в самом конце загадочного и величественного лабиринта этажей, холлов, лифтов, коридоров, приемных и канцелярий, совсем рядом с почти недоступным для простых смертных логовом местного Минотавра.

Окончательное решение должен был принять сам Верховный Администратор, человек, известный в своих кругах примерно так же,

как папа римский среди католиков, личность, прославленная своими деяниями и давно уже почти легендарная,— защитник зверей и птиц, великий знаток трав и деревьев, враг браконьеров и порубщиков, гроссмейстер ордена лесничих, заслуженный егерь, бакалавр всех лесных наук, кавалер ордена Золотого Лавра и лауреат премии Гималайского Медведя.

В одной из четырех приемных их встретил невзрачный человечико с лицом, похожим на комок измятой туалетной бумаги. Единственной запоминающейся деталью в его облике были три веточки дуба на петлицах мундира. Такие знаки — и отец это прекрасно знал — присваивались только за исключительные заслуги в деле лесоводства и лесоустройства,— например, если кто-то смог бы единолично засадить пальмами и баобабами всю пустыню Сахару.

Трижды Дуб забрал у отца заявление вместе со всеми подколотыми к нему справками, копиями, выписками и квитанциями, переложил все это в зеленую, сверкающую лакированной кожей папку и провел затем краткий инструктаж:

— Войдя в кабинет, вы остановитесь на месте, указанном мной, и на протяжении всей беседы будете на нем оставаться. Стоять на вытяжку нет необходимости, но махать руками, слишком энергично переминаться с ноги на ногу, становиться к НЕМУ боком, а тем более спиной, не рекомендую. На вопросы отвечайте четко, кратко, исчерпывающе, но без излишних подробностей. Иногда ОН может задать какой-нибудь странный, на первый взгляд, вопрос, в котором, однако, будьте уверены, всегда содержится глубокий, затаенный смысл. Если вы не знаете, что ответить, следите за мной. Вот так,— он опустил глаза долу,— да! А так,— он вытаращился,— нет! Не смейте задавать каких-либо вопросов сами. И никаких просьб, кроме тех, что изложены в заявлении. Все понятно? В таком случае прошу следовать за мной.

То, что они увидели, войдя в покои Верховного Администратора, ошеломило и отца, и сына, правда, в разной степени. Яркие потоки света косо падали вниз через стеклянную двухскатную крышу, однако в гуще кустов и деревьев царил приятный полумрак. Два огромных волка скалили пасти на застывшую в грациозном прыжке косулю. Кабан, напрягая загривок, упирался рылом в муляжный валун. Кондиционированный ветерок плавно покачивал стайки птиц, подвешенных к потолку на тончайших, почти невидимых нитях.

Трижды Дуб молча ткнул пальцем в ровную, выложенную мраморными плитками площадку, посреди которой краской был изображен круг, вроде того, что рисуют на посадочных палубах вертолетоносцев, только, конечно, поменьше размером, а сам, петляя, исчез среди пышных деревьев, названия ко-

торых отец не знал, но по внешнему виду плодов мог догадаться, что это нечто экзотическое, не то ананас, не то папайя. Чуть дальше росла осина, вся опутанная тропическими лианами, рядом ива склонилась над саксаулом, а на корявой арктической березке восседала обезьяна, навечно зажавшая в лапе вылепленный из воска банан.

Среди всего этого великолепия очень не просто было разглядеть торчащий в дальнем углу зала стол, выполненный в виде огромного древесного пня. За этим пнем в свободной позе восседал Верховный Администратор, одетый, как у себя на даче. Кряжистый, загорелый и светлоглазый, с лысым крепким черепом, осененным благородным седым пухом, он был чем-то похож на библейского апостола — старого, заматерелого, намного пережившего своего Учителя, давно растерявшего все иллюзии молодости, однако сумевшего нажить и власть, и богатство, и своих собственных учеников.

Дымя сигаретой, он что-то писал. Трижды Дуб, прижимая к груди папку, скромно стоял у него за спиной.

Иногда Верховный отрывался от своей работы и, особенно глубоко затягиваясь, размышлял над чем-то. Взгляд его при этом рассеянно блуждал по сторонам, но лишь на третий или четвертый раз он выделил из мира флоры и фауны два незнакомых человеческих существа.

— А, вы уже здесь, — сказал он, продолжая, однако, писать, — я информирован о вашей просьбе. Все формальности улажены. К работе можете приступить хоть завтра.

— К работе! — опешил отец. — К какой работе?

— Именно к той, которой вы добивались. Помощником вахтера запасного выхода. Или, быть может, вы претендуете на мое место? — Верховный добродушно хохотнул.

— Прошу прощения, но я просил совсем не этого.

— Не этого! А чего же? — удивился Верховный и даже отложил в сторону ручку. Трижды Дуб наклонился к его уху и что-то зашептал. — Ах, вот оно что!.. Да-да... Прощение о лицензии... Понятно, — он взял зеленую папку и немного полистал ее, впрочем, без особого интереса. — И чем же, интересно, вам не угодил этот самый... как его...

— Болетус эдулус, — подсказал отец.

— Вот именно. Болетус. Зверь этот, надо сказать, весьма редкий... Трижды Дуб вновь торопливо зашептал что-то, и Верховный, выслушав его, добродушно крикнул. — Так бы сразу и сказали — белый! — Он покачал головой, словно дивясь человеческой глупости, и через все пространство кабинета-оранжереи впервые пристально глянул на отца. — Повторяю вопрос. Чем вам этот белый не угодил?

— Я никоим образом не мешаю продолжению его рода, — сказал отец, — это то же самое, что остричь овцу или выдоить корову.

— Это действительно так? — Верховный подставил ухо Трижды Дубу и, получив от него исчерпывающую информацию, удовлетворенно закивал тяжелой квадратной головой. — Ну, если так, то совсем другое дело. Хотя разрешать что-то не в наших правилах. Гораздо мудрее запрещать. Ведь вам только дай волю! Представляете последствия? Про насилие и хаос я уже не говорю. Но что останется от справедливости — краеугольного камня нашей морали? Вы об этом никогда не задумывались? А зря! Ведь свобода и справедливость — понятия несовместимые. В условиях свободы сильные начнут обижать слабых, хитрые — обманывать доверчивых, умные — издеваться над дураками. Мир держится исключительно на запретах. Сними сегодня все ограничения — и завтра человечество погибнет. Запрещать, запрещать и еще раз запрещать — вот наш девиз... Так, значит, помощником вахтера вы не хотите?

— Нет, премного благодарен.

— И даже на парадном выходе?

— Нет-нет. Образование, знаете ли, не позволяет. Да и здоровье тоже.

— Жаль. Многие наши корифеи начинали именно с этого... Ну, что же, ваша просьба будет удовлетворена. Лицензии получите завтра. Остальное зависит от вас.

К лесу их доставил чадающий и разболтанный автобус, мотор которого стучал на подъемах, как сердце накануне третьего инфаркта. Полуоторванная выхлопная труба висела у него под брюхом, как потроха смертельно раненого зверя.

Пассажирский салон был переполнен. Сразу два места в правом первом ряду занимала женщина невероятной, прямо-таки пугающей толщины. Ее, нетранспортбельную, как Царь-колокол, с великим трудом запихала в автобус многочисленная родня. Невозможно было даже представить, для чего она пустилась в это полное опасностей путешествие.

Отцу пришлось взять сына на колени, чтобы уступить место шуплому, но еще крепкому и жилистому старичку, все лицо которого состояло как бы из одних углов — острый нос, острый подбородок, хрящеватые острые уши, из которых торчали клочья серой, нечистой ваты, колючие глазки, глубоко упрятанные под седыми кустиками бровей.

С полдюжины самых нерасторопных пассажиров так и остались стоять в проходе, ухватившись за поручни. Пустовало лишь крайнее от окна кресло в левом первом ряду. Оно было аккуратно обтянуто целлофаном, сверкало новенькой кожей и являло разительный контраст со всеми другими креслами, выцветшими и продавленными.

— Папа, а почему там никто не сидит? — спросил мальчик.

Ясность внес старичок:

— Это место Верховного Администратора! А вдруг он захочет прокатиться в лес именно на этом автобусе!

— А если на другом? — поинтересовался отец.

— В каждом нашем автобусе есть персональное место для НЕГО! А как же иначе! — неподдельное, мистическое восхищение звучало в словах старичка.

В автобусе постепенно установилась относительная тишина. Угрюмые, изнервничавшиеся накануне, плохо выпавшие пассажиры или дремали, или боролись с зевотой. Лишь старик продолжал бормотать что-то о своем кумире. Слушая его, отец уснул.

Разбудил его сын.

— Папа, просыпайся, мы уже почти приехали!

Отец рукавом протер слегка запотевшее стекло и увидел стену. Не стену леса, а просто стену. Трехметровой высоты ограждение из колючей проволоки и густой металлической сетки. Эта стена отделяла лес от всего остального мира.

Глухие железные ворота, на которых огромными буквами было выведено по трафарету «Въезд запрещен», сами собой поползли в сторону, как только автобус повернул к ним, съехав с главного шоссе. Отец даже удивился простоте, с которой они проникли сюда: никто не задал ни единого вопроса, даже не проверил документы у водителя. Однако автобус тут же остановился, едва не упершись бампером во вторые ворота, точно такого же вида.

Спустя примерно четверть часа появились два лесника в полной парадной форме. Очень быстро и тщательно они проверили у пассажиров лицензии, перетрясли весь багаж, а троих, чем-то не приглянувшихся им типов, подвергли личному обыску. Лишь после окончания всех этих процедур внутренние ворота открылись и автобус въехал на просторное, вытопанное, как учебный плац, поле. Несколько других автобусов уже были припаркованы на асфальтовой площадке слева от ворот, чуть дальше дымилась мусорная яма, к единственному деревянному туалету, над которым кружили тучи зеленых мух, стояла очередь.

— Всем приготовиться покинуть транспортное средство, — приказал один из лесников. — Личные вещи оставить на местах. С собой разрешается брать только запас воды и пищи на одни сутки, нож, длина лезвия которого не превышает пяти сантиметров, и теплое одеяло, в крайнем случае — спальный мешок. Никаких палаток, никаких насекомых, никаких спичек и зажигалок, никаких биноклей и других специальных средств. В лесу вас ожидают три семьи белых. Сигнал красной ракеты означает, что одной семьей стало меньше. Значит, после трех ракет поиск заканчивается, и все должны собраться здесь. Максимальный срок поиска — до рассвета. За опоздание — штраф. За порчу леса — штраф. За ущерб, причиненный себе самому и друг другу, Администрация ответственности не несет. Все понятно?

Вопросов нет? Тогда попрошу выгрузиться.

Пассажиры один за другим стали покидать автобус через заднюю дверь — переднюю почти сразу закупила своим телом толстуха, которую сейчас безуспешно пытались вытолкнуть наружу водитель и оба лесника.

— Значит, белые живут семьями? — спросил сын.

— Да. Обычно несколько взрослых и пять-шесть малышей.

— Если мы их найдем, давай не будем трогать малышей?

— Давай.

— Возьмем только одного — самого большого и старого.

— Хорошо.

Солнце поднималось все выше, и от него не было никакого спасения на этом голом, унылом пустыре. Мальчик уже несколько раз прикладывался к термосу с водой. Откуда-то появился старик. Очевидно, ему не терпелось продолжить славословия в честь Верховного.

— А вы сами из какой Администрации будете? — спросил он, чтобы возобновить прерванный разговор.

— А не из какой, — ответил отец, с любопытством ожидая ответной реакции.

— Как? — кустики бровей полезли на лоб. — Как это — не из какой? Да разве такое возможно?

— Представьте себе — возможно.

Некоторое время старик молчал, слегка приоткрыв рот, потом резко повернулся на каблучках и удалился в сторону туалета. Там он встал в очередь, но не в общую, а в другую — покорооче, состоявшую из лежекалек и просто нахалов.

Какой-то подозрительного вида субъект, жуя в зубах спичку, прохаживался среди разомкнутой толпы и время от времени заводил короткие разговоры. Вскоре он оказался рядом с отцом.

— Послушай, приятель, — доверительно зашептал он. — Так они нас могут до вечера промучить. Знаю я эту сволочь. Давай скинемся по тройке, чтоб быстрее дело было. Они только этого и ждут.

— А воды здесь нельзя купить? — спросил отец, протягивая деньги.

— Воды нельзя... С тебя тройки мало, вас же двое.

Старик тем временем пробился в туалет, сделал свои дела и, не обнаружив на стенах ничего примечательного, вскоре вышел наружу, одной рукой на ходу застегивая штаны. Прогрессирующий склероз, очевидно, уже стер в его памяти впечатления от предыдущего разговора и он, как ни в чем не бывало, принялся во второй раз излагать отцу историю великих деяний Верховного Администратора, причем, в рассказах этих, как и в молитвах, совпадали не только все слова и их порядок во фразах, но даже интонации. К счастью, вскоре вернулся подозрительный тип со спичкой в зубах и заговорщически подмигнул отцу:

— Пошли со мной. Вижу, ты парень, что надо! Я поставлю тебя поближе к воротам. Будешь самым первым. Через десять минут начнут пропускать.

«Парней что надо» оказалось не меньше полусотни. Да и остальной народ, заметив подозрительную суету, стал подтягиваться к воротам.

— Сейчас мы с тобой побеем, — сказал отец. — Особо не спеши, но старайся и не отставать. Лес большой и времени у нас много. Быстрота тут не поможет. Главное — внимание и сноровка.

Ворота, скрипя, поползли в сторону, и в образовавшийся просвет, словно штурмовая колонна, атакующая вражеские редуты, с гиканьем и свистом бросилась толпа счастливых избранных Администрации.

И вот они оказались, наконец, под зеленым пологом леса в загадочно шумящем, пронизанном светом и наполненным тенью, изменчивом и благоухающем, бесконечно древнем и вечно девственном мире, образ которого смутно помнил отцу и был совершенно не знаком сыну.

В самые первые минуты их едва не затоптали, но вскоре людской поток стал редеть, веером рассыпаясь по сторонам. Стонали сбитые с ног, звали друг друга потерявшиеся, лесники с бранью отнимали у какого-то хитреца маленькую собачонку, которая могла быть натаскана на поиск белых и потому попадала под перечень спецсредств.

Отец и сын бежали сначала по извилистой, едва заметной тропинке, а потом свернули вглубь леса, туда, где под ногами мягко пружинил мох, а на фиолетовом черничнике еще сверкали последние капли росы.

— Папа, это ягоды?

— Да, сынок.

— А я думал, ягоды бывают только в магазинах. Можно, я сорву одну?

— Сорви, но только побыстрее. Нам нет никакого смысла здесь задерживаться.

— Невкусно, — скривился мальчик, размазывая кислый сок по подбородку. — В магазине вкуснее.

— В магазине они с сахаром.

Вскоре их догнал старик, успевший, вопреки правилам, выломать длинную палку.

— Ну, что, не нашли еще? — деловито осведомился он. — Вы ведь в таких делах специалист, это я сразу понял.

— Напрасно вы так думаете, — буркнул отец, предпринимая попытку оторваться от надоедливого попутчика.

Лес между тем становился все гуще. Исчезли тропинки, указатели и мусорные баки. Они спустились в сырой, темный овраг, заваленный полусгнившим буреломом, цепляясь за ветки орешника, взобрались по крутому склону наверх, миновали заросшую папоротником поляну, еще хранившую

следы давнего пожара, и попали в молодой, правильными рядами высаженный ельник. Мальчик заметно приустал. Он перестал задавать вопросы, прерывисто дышал и уже не выпускал отцовскую руку. Где-то сзади, не отставая, ломился через подлесок старик. Судя по всему, ветеран находился в прекрасной физической форме.

— Эй, — крикнул ему отец. — Не ходите за нами, пожалуйста! Сами ищите.

— Куда захочу, туда и пойду! Не указывайте мне! — старик на секунду высунулся из-за елки. Всем своим обликом он напоминал сейчас голодного шакала, твердо решившего перехватить чужую добычу.

Где-то слева раздался негромкий хлопок, и над верхушками деревьев, разбрасывая искры, взлетела красная ракета.

— Одной нет, — сказал отец. — Давай пройдем еще немного вперед и там уже начнем искать по-настоящему.

— Папа, я больше не могу идти.

— Тогда залезай мне на спину. Крепче держись и береги глаза от веток.

Спустя полчаса отец почувствовал, что и его ноги начинают отказывать. Во рту и глотке пересохло. Виски ломило от пряных лесных запахов. Попавшая за шиворот сухая хвоя колола шею. В волосах шевелились плоские противные клещи. Он давно уже перестал ориентироваться и брел наугад. Время от времени они наткнулись на людей, каким-то загадочным образом успешных опередить их.

Однажды их напугало злое кабанье хрюканье, доносившееся из весьма заманчивой на вид березовой рощицы, глубоко вклинившейся здесь в ельник, однако отец сразу догадался, что это проделки какого-то плута, таким способом старающегося отогнать подальше потенциальных конкурентов.

Сзади снова хлопнуло, и отец, обернувшись, увидел кляксу оранжевого дыма, медленно расплывающуюся в воздухе.

— Вторая! — сказал отец. — Значит, осталась последняя семья.

— Наверное — наша?

— Конечно, наша, — подтвердил отец. — Может, ты уже сам пойдешь?

Они вышли к ржавому заболоченному ручью, умыли лица, напились и наполнили водой термос. Лес на противоположном берегу был чистый, светлый, береза росла там попеременно с елью — отец слышал, что именно в таких местах любят жить белые.

— Сейчас смотри в оба, — сказал он. — Если нас и ждет удача, то именно здесь.

— Здесь, папочка, здесь, — странно изменившимся голосом прошептал мальчик. — Смотри вот туда!

Действительно — это были именно они, болетус эдулус, короли июльского леса, белые грибы!

Пузатые, красноголовые, они кучкой сидели возле тонкой молодой елочки, а чуть

дальше в траве виднелось еще несколько.

— Папочка, что же ты стоишь? — взмолился мальчик. — Бери их скорее! Они же наши!

Совсем рядом затрещали сучья, и мимо них враскорячку промчался старик, весь в поту, паутине и рыжих иголках. Отец перепрыгнул через ручей, помог перебраться сыну и, волоча его за руку, без труда обогнал соперника, который зашипел при этом, как дикий кот, у которого вырвали из зубов лакомый кусочек. До цели оставалось всего несколько шагов, когда на совершенно ровном месте отец споткнулся и упал, потянув за собой сына.

Когда они вскочили на ноги, все было уже кончено.

Старик, утробно рыча и даже повизгивая от удовольствия, засовывал в карман последний, вырванный с корнем гриб. Из ближайших кустов вышел лесник и выстрелил из ракетницы вверх.

Летний грибной сезон закончился.

Автобус осторожно подкатил к шоссе и остановился у опущенного шлагбаума. Люди в темно-бурых, под цвет асфальта, мундирах и оранжевых пуленепробиваемых жилетах — древнем символе своей профессии, — заставили водителя покинуть машину и долго спорили с ним о чем-то, придирчиво изучали какие-то бумаги, проверяли давление в шинах, люфт руля и развал колес. Шоссе принадлежало Администрации дорог, у которых было свое представление о том, какой именно транспорт может по этим дорогам двигаться.

Наконец шлагбаум был поднят, рогатки из колючей проволоки убраны, и автобус покатил по направлению к городу. Мальчик тихо плакал, и это были настоящие, неподдельные слезы.

— Не надо, — сказал отец. — Осенью я постараюсь достать лицензию на рыжего. Может, нам еще и повезет.

Вдоль дороги за сетчатой оградой двигались по бездорожью толпы людей с вилами и косами в руках — Администрация полей и огородов, объединившись на время с Администрацией садов и огородов, шла воевать с Администрацией минеральных удобрений.

Пассажиры автобуса оживленно переговаривались. Большинство было очень довольно проведенным днем. Женщина-тумба демонстрировала всем огромный, величинной со сковороду, насквозь выеденный червями гриб. Старик сидел сзади и мрачным взором сверлил спину отца.

Впереди шел оживленный разговор на злободневные темы. Необходимо создать Администрацию Администраций, говорил кто-то, вот тогда, наверное, будет порядок. Нет, возражали ему. Было уже такое! Без толку! Порядок может навести только Administra-

ция армии, она это умеет. Да бросьте вы, следовали ответные возражения. Чем же она, интересно, этот порядок наведет? Разве вам неизвестно, что Администрация армии нарочь рассорилась с Администрацией оружия и та ей который год даже ржавого штыка не дает?!

Автобус еще несколько раз останавливали для досмотра дорожники, но уже из другой, раскольнической Администрации. Багровое солнце садилось за дальним лесом, высоко в небе дрожал узкий, бледный серп месяца, тень от автобуса протянулась далеко-далеко от поля.

Мальчик устал плакать и постепенно успокоился.

— Папа, ведь нам повезет когда-нибудь? — спросил он, прижавшись щекой к плечу отца.

— Да, — ответил тот. — Когда-нибудь повезет. Обязательно.

Но отец твердо знал, что им никогда не повезет, а если вдруг такое и случится, он, как и сегодня, предпримет все возможное, чтобы помешать этому. Пускай в сердце ребенка навсегда поселится обида и горечь, которые со временем обязательно перерастут в сознательную, необоримую ненависть.

Ненависть не только к этой одной-единственной конкретной Администрации, но и ко всем другим Администрациям на свете.

И совсем не исключено, что когда-нибудь именно этот мальчик, вместе со своими возмужавшими сверстниками, сделает то, что не удалось сделать отцу и его поколению, — тихо и постепенно, без насилия и выстрелов, без митингов и кровопролитий, одолеет все эти администрации, захватившие власть в этой не слишком богатой, но и не такой уж маленькой, не очень богатой, но и не совершенно нищей, не то чтобы дикой, но и не совсем цивилизованной стране.

Он верил в это, потому что верить больше было не во что.

Юрий БРАЙДЕР,
Николай ЧАДОВИЧ

Оформление Валерия РУЛЬКОВА

Перекройка или тихие революционеры против громких цитат

«Эти годы — с 1927 по 1931 — равны эпохе в истории страны. Нарезая землю сельскохозяйственным артелям, мы сознавали, что не просто уничтожаем межи, но... перекраиваем весь тысячелетний уклад крестьянской жизни».

(Л. И. Брежнев. «Целина»)

Перекройка прошла успешно. Все этапы разрушения нам особенно удалось. Мы сидим в селе Кирсово, плодородном, взлелеянном природой уголке, где на каждые десять хозяйств едва найдешь одну буренку, непрерывную кормилицу при тысячелетнем укладе. Где не пасутся на склонах холмов стада овец — нет пастбищ. А виноградную лозу пустили под нож (заодно едва не выкорчевав древнее винодельческое искусство) уже недавно, в последнюю перекройку. Последнюю ли?..

— Эх, дали бы людям волю! — вздохнул Иван Койнак.

Ну, что тебе еще надо? Дом у тебя — не вила в Сан-Ремо, конечно, — но приличный, добротный, просторный дом. Автомобиль у тебя — не «Мерседес», само собой, — но вполне, на ходу, главное. И чего только нет на твоем наделе-«пятаке». И лоза у тебя что надо. И вино твое будет, как всегда, самое чистое в Кирсове. Только опять некогда будет его выпить — и друзья подначат: «Зазнался ты, Иван! Деньги портят человека».

Ваня — частник. Для красоты и чтоб в ногу со временем, его иногда называют фермером. Но более распространено «частник». Сразу и ясно, мол, не наш это человек, не коллективист, а чуждый, противный природе элемент. Какой-то кулацкий недобиток. Хотя в Кирсове, вроде, и чисто подмели на этот счет. В сорок шестом началась здесь оперативная коллективизация. С людьми не цацкались — ибо проживали здесь потенциальные «враги», опять-таки не «наши», а болгары и гагаузы. Даже в армию их не брали — не доверяли. После коллективизации

начался мор. В селе Кирсово умерло около двух тысяч человек... Были улицы, где не уцелел никто...

У одной женщины на чердаке нашли холодец. Откуда мясо, когда у всех — лишь лебеда?.. Останками умершей дочки она спасала остальных детей... Бабака Прасковья и сейчас живет в Кирсове, отсидев десять лет. Из девяти человек семьи «преступнице» удалось сохранить троих. Те, кто вычищал амбары, стали героями коллективизации.

...А мы сидим в цветущем дворике Ивана, и Илья Чолак, Василий Нейковчин, Евгений Балабан и Ваня Герчогло неожиданно выясняют, что в детстве их «мясом» были суслики, которых наловчились выуживать из норок. «Развитый социализм» не создал изобилия ни в селе, ни в райцентре. Мяса ни в Кирсове, ни в Комрате нет и поныне. Цены на кооп. колбасу кушаются. А частник Ваня хочет накормить людей.

Желание, пожалуй, странно-важное. Быть кормильцем не престижно, не модно. Ладно, старики по инерции тянут свой воз, а Ваня-то — человек молодой.

Желание понятное. Ваня и его друзья — дети тех самых людей, которые уцелели после организованного голода в этом изобильном крае.

Мечтать можно всю жизнь. Койнак же засучил рукава. Начинать с капусты. Второй такой, как у него, не было в районе. Уродилась рано, кочан к кочану — хоть на картину. На «Волгах» приехало районное начальство, посмотрели, пораспрашивали и сказали — ты, мол, Иван, настоящий хозяин, и надо таким давать землю и волю. И председатель колхоза обещал выделить Ивану Койнаку надел. Не только потому, что сейчас каждому району желательнее иметь арендатора, но и просто для всеобщего блага. Потому как с малого Иванова огорода район не накормишь.

«В мире идет противоборство двух социальных систем... и неизбежны сравнения — кто сколько выплавил стали, добыл нефти, произвел электричества, хлеба... Ведут их и наши идеологические противники. Вынужденные признать, что во многих отношениях Советский Союз догнал, например, США, а по ряду важнейших экономических показателей и далеко обогнал, они, однако,

все время выпячивают те показатели экономики, в которых... пока еще не уступили первенства».

(Л. И. Брежнев. «Возрождение»)

По этой самой капусте Иван запросто мог обставить все крупнейшие державы, и США, и Японию. Понятно, с 1913 годом наши достижения нынче не сравнивают. Хотя бы потому, что тогда мы хлеб продавали, а нынче закупаем. Ну, а в других культурах? Взять те же арбузы. Задумался Иван и обидно ему стало, что в Молдавии и то вдвоzem их люди не едят. И цены — стыдно, ниже 20 копеек не падают. Койнак решил возделывать бахчу и пустить арбузы по «пятаку» с кило. Землю он попросил бросовую — хорошую жалко, да и не дадут. Но не дали и плохой.

«Ну, скажите, вы хоть копейку прибыли зябли с этой земли?» — Иван складывает два пальца, словно держа копейку. Он мне отвечает: «Нет, не зябли ни копейки!» «Ну, так зачем вы за нее держитесь, отдайте мне!» Нет ведь, так и не дали. Стрельжили, условиями такими обложжили, а-а!.. — Он машет рукой.

Не удалось Ивану догнать и перегнать Штаты. Ни с арбузами, ни с капустой. Не дали. Зачем колхозу Ваня? Если он на бросовой земле начнет собирать в 10 раз больше с га, чем колхоз, да отдавать за бесценно — колхозу от такого Вани один вред. Из района приедут и скажут: «Как же так, товарищи, у вас под носом какой-то частник орудует, а производительность у него больше, чем у вашего хозяйства, переведенного на рельсы индустриализации!» Все думают, что колхоз хорошо работает. А частник Ваня — как бельмо на глазу — в невыгодном свете выставит. Значит, этот Ваня — вредитель. Он ведь и ночами не спит, все думает, как бы чего учудить.

С землей не вышло — уже другое дело начинает: куриную ферму. Решил завалить район дешевым мясом. Слатал Койнак сарай большой и купил 6 тысяч желтых инкубаторских комочков, вечно пищащих, вечно копошащихся, вечно голодных.

— Как маленькие дети, — расплывается Ваня в нежной улыбке.

Жить он перебрался в сарай — кормить каждые два часа, воду менять, лекарства давать, диету держать... Я записала все, что нужно соблюдать, взрачивая цыплят, — на три листа вышло.

Не жалко Ивану своего труда, не жалко бессонных ночей. И те месяцы цыплячьих «ухаживаний», может даже, были самыми счастливыми. Петушки уже пробовали голоса. И Ванины мечты взлетали на тонких куриных крыльшках. Дело, похоже, выгорало. Ведь фермер не застрахован от неудач. Его враги — болезни, всяческие куриные эпидемии. Не доглядел — и плакали твои денежки. Запиши тысячи в убыток. А тысячи эти Ваня взял у людей в долг. Но когда цыпльята, наконец, стали курой высшей категории качества — только и начались все мытарства. Был хозяином и фермером — стал частником. А этому самому чуждому нам частнику нигде ходу нет. И что с того, что он якобы людей накормить хочет. Ответственные лица сразу видят его мелкособственническую жилку, и каждый по своему его раскулачивает. Те, кто у него мясо примет (могут ведь и не взять, и сиди в калаше со своими курами). Те, кто дает машину (плюс водитель непосредственно, ибо машину могут не дать, а водитель может не поехать — не обязаны). Те, кто дает справку, что мясо хороше («Частнику?! Я вам боюсь давать — мы так не делали еще»). Те, кто ставит гири на весы (если завесило 30 кг, то пишет 28, а не нравится, кати отсюда, а катить больше некуда). Всем должен поклониться Иван и подмазать. А иначе будет раздавлен, как букашка, бескровными экономическими рычагами.

«Раньше людей моей специальности чаще называли землемерами. Теперь название изменилось, мы стали землеустроителями в подлинном смысле этого слова... По тому, как ставились нивелир и мерная рейка... крестьяне судили о политике партии. В годы работы землеустроителем я впервые ощутил себя полномочным представителем

Советской власти в глазах сотен людей».

(Л. И. Брежнев. Воспоминания)

Стал простой землемер звонко именоваться землеустроителем, и всякий, кто с меркой, неожиданно осознал себя при власти, на раздаче благ. Потому как, оказывается, мерную рейку можно поставить по-разному, а нивелир начинить классовым чутьем. И гири не для всех одинаковые, а уж справки — и подавно. Таков закон бытия.

А опасный частник Ваня начал исподволь подрывать устои района. От земли его оградил, а то бы он колхозный строй скопрометировал. Вон, в Новоянском районе создали сразу несколько арендных коллективов. Один отказался содержать колхозную гвардию тех, кто с меркой, другой, третий... Оказалось, не нужно столько людей в конторе. А в РАПО разволновались и в контракте: «Что ж вы людей без работы оставили — основы социализма подрываете?!» Не сдаются мерочки, не отходят от раздачи.

— У меня руки, а у них власть, — размышляет Койнак. — Враги мы.

«Большое заблуждение полагать, будто лишь материальные стимулы нужны человеку. Нет, советскому человеку очень многое нужно — сознание своей причастности к большому делу, стремление выразить себя в труде, гордость своим мастерством, уважение товарищей, почет.

— Что это, — могла спросить чья-нибудь молодая жена, — других хвалят, а про тебя ни слова?

Или детский вопрос:

— Почему, папа, дядя Петру хлопают, а тебе нет?»

(Л. И. Брежнев. «Возрождение»)

Ивану Койнаку никто не хлопает. «Спасибо» ему сказали

только однажды — когда купал «цыпльята в «не сезон», сделав план птицефабрике. Не хлопают, потому что не нужна Ване контора. Не нужен председатель. Не нужен РАПО. Не нужен, даже сказать страшно — госагропром! Не нужны политинформации, боевые листки, переходящие знамена, идейно-политическая работа. Ни должности, ни награды, ни почет! Ему нужны земля и воля.

Но и Ваня-фермер не нужен всем, кто с меркой, потому что обнажает их ненужность. Поэтому аплодируют другим.

А вообще-то, сытый и свободный человек — действительно представляет опасность. Ибо начинает думать не только о хлебе насущном, но и о жизненном устройстве. Задумался и Иван Койнак. Он хочет накормить людей — ему не дают. Не хотят дешевого мяса рыночные перекупщики — угрожают. Не выгодно дешевое мясо гос- и кооп-торговле. Ваня мог бы продавать отличную курятину по рублю и даже при этом иметь неплохую прибыль (в кооп-магазинах — 4 руб. 50 коп.), но так дешево никто продавать не станет. Мог бы еще больше цыпльят выкармливать — не дают кормов. И земли под дешевые овощи и фрукты ему не дают. И в то же время десятки мешающих работать сидят на его же шее...

Такие вредные мысли посещают Ивана время от времени.

«Однажды прочитали в газетах, что в соседней Тюменской области кулаки совершили гнусное преступление — одно из первых прогрессивных тогда, в период массовой коллективизации, на всю страну. Ночью они подкараулили тракториста Петра Дьякова, спавшего в кабине, облили керосином и подожгли. Мы тяжело переживали страшную смерть товарища. И еще решительнее, смелее повели наступление на ненавистных кулаков.

А вскоре появилась песня о том трактористе. Мы полюбили ее и пели без конца, притом часто стоя — в память о герое коллективизации. «Прокати нас, Петруша, на тракторе...» Заканчивали в общем-то мягкую песню мы уже грозно:

«Огрызаются, лютые,
лаются,

Им нерадостен наш
урожай...

Кулачье до тебя

добирается:
Комсомолец, родной,
не плошай!»

Лишь через годы я узнал, что Петр Дьяков чудом остался жив да еще отвоевал всю войну. Словом, подлинно человек из песни».

(Л. И. Брежнев.
Воспоминания)

Песня времени. Все газеты прогремели о жутком кулацком злодеянии. Комсомольцы еще решительнее наступают на ненавистных, мстя за невинную жертву...

Скажите, прошлое? Но брось клич сегодня, как это было в Новом Узене, — и начинаются «классовые» погромы...

Иван знает, что многие его не любят. За то, что живет крепче, основательней, богаче. Сколько он при этом «вкалывает» — никого не волнует. А вот достаток неприятно резанет. Койнак не заносится, не прочь поделиться советом. А спокойствия и уверенности у него нет. Что ты поделаешь, если подтачивает постоянно мысль, что кто-то готовится к «раскулачиванию». Он и в пожарной команде работает

за страх. Чтоб не пришли ту-неядство. Чтоб не только частником быть, но и мало-мальски общественно полезным трудом заниматься.

На Орловщине есть 15-летний фермер Миша Беленков. У него 150 свиней и школьная программа, само собой. Что собой представляет этот школьник-фермер, полюбопытствовала я у местных.

Задумались:

— Да обыкновенный маленький кулачок.

«Обыкновенный кулачок» вырашивает мясо и, наверное, объясняет на уроках истории отчего нам необходима была ликвидация кулачества как класса.

У Миши еще нет страха. У Ивана уже есть.

Людей, которые создают что-то нужное вопреки окружающему миру, я называю тихими революционерами. Они просто не могут размахивать наганом или резиновой дубинкой, ставить к стенке своих врагов и экспроприировать даже экспроприаторов. Тихие революционеры живут во все времена, даже если это времена застоя. Они пишут картины, которые не выставляются. Стихи, за которые высылают. Снимают фильмы «для полки». Трудятся во славу Отечества, за что их частенько сажали.

С тихими революционерами обычно расправляются тихо. Их не поведут на эшафот — на них напустят ревизию, или комиссию, или извлекут положение о том, что «не положено». Потому что тихих революционеров боятся не меньше, чем трибунов и лидеров всевозможных движений. Ведь они не только говорят, но и действуют.

Пока рядом с нами живут создатели — остается надежда. Но что же будет, если тихие революционеры объявят долгосрочную всесоюзную забастовку? Или отрекутся от своих дел?

Один фермер Иван Койнак на 1 рубль сбил в своем районе цену на мясо. И я понимаю, что в этом вздохе:

— Дали бы людям волю!..

* * *

Когда Леониду Ильичу Брежневу за трилогию «Малая земля», «Возрождение», «Целина» вручали Ленинскую премию в области литературы, Иван Трофимович Худенко за арендный подряд умирал в заключении.

Лариса САЕНКО

Комратский район,
Молдавская ССР

«НУ И ГАДЫ ЭТИ УЧИТЕЛЯ!»

«...и говорит: «Кто лазил в классный журнал? Кто подставил оценки?» Директор предложила выдать этого «жука», а иначе — всем «неуд» по поведению. Нам предложили совершить предательство. Это был конфликт, он обострился, я и две мои подруги просто-напросто ушли в другую школу. Сколько в лице директрисы было злобы и ненависти к уходящим!»

«...коверкал мою фамилию. На уроке «Выбор профессии» он запустил в меня гвоздем. Я поднял гвоздь и машинально кинул в него. Учитель не ожидал отпора. До конца года он выгнал меня со своих уроков, сообщил родителям на производство. Чудом удалось выкарабкаться. Теперь я стал заниматься культуризмом. Учителя очень обрадовались. Разбил кто-нибудь окно в классе или шумно на уроке — выгоняют меня. Если не выучу параграф, скажут: «Здоровый, а ума не хватает, шел бы...»

«...мордой меня в раковину, чтобы смыть косметику какой-то тряпкой... Где написано, что в школе нельзя носить юбку с рубашкой вместо опостылевшей формы?.. Ну, какое «классухе» дело до того, что я хожу зимой в норковой шапке? Представ-

ляю, как в учительской они поливают нас грязью (за глаза)! Надо срочно создать кодекс школы, в котором бы четко оговаривалась ответственность учителей за распространение сплетен об учениках, за клевету и оскорбления...»

«...в этот «ликбез» идти совсем не хочется. Любим только одного учителя. А остальных... То и дело слышишь от них: «свиньи», «сволочи», «черноротые»... Ну и гады, эти учителя!

«...а потом закричала: «Вам в школе делать нечего, езжайте в Сибирь снег убирать!». Это было так обидно, что мы...»

Письма о любви и ненависти учеников и учителей мы попросили прокомментировать Инту Ниловну **ТЫЛ-ТЫНЯ**, кандидата психологических наук (г. Рига). Правда, комментарий получился довольно своеобразный...

НЕОБЫЧНЫЕ УРОКИ

По образованию я педагог: работала в детском саду, в школе, в НИИ педагогики. Вы прочли и подумали: будет защищать свой «мундир». Не хочу. Верю и знаю, что ребята написали правду. Но, чтобы быть до конца искренней, скажу, что эти письма мне тоже не нравятся, они написаны с агрессивной желчностью. Воспитанные в системе карательности, ученики не знают другого способа защищать свою честь, как ответить ударом на удар. В этой войне не идей, не интеллектов, а униженных достоинств, правых нет и быть не может. Почему? Вместо абстрактных рассуждений давайте я расскажу о том, что увидела во время поездки в Канаду.

Я провела месяц в Торонто, побывала в частной школе Монтезори (4—5,2 тысячи долларов в год за обучение), в некоторых других школах. Не заходя в

класс, могла наблюдать любой момент урока: стены кабинетов сделаны из особого материала, просвечивающегося только с одной стороны. С удивлением обнаружила, что такое, казалось бы, незыблемое понятие, как «урок», отсутствует. Есть день. Есть класс, оформленный

очень броско и ярко (здесь считается, что ученик должен получить как можно больше стимулов для развития; нельзя предугадать, по какой дороге он пойдет, и надо дать ему максимум ритмов, цветов, композиций). Есть ученики, одетые кто во что горазд, лишь бы удобно (у девочек — колечки, бусики, сережки). Они сами определяют, чем и когда будут заниматься. Учатся, разбившись на группки. Устал от математики — переходи к языкам. Кстати, старшеклассники сами определяют программу на триместр (учебный год делится на три части). У них спрашивают: «Джон (или Джудит), что ты будешь делать в триместре?» — «Хочу изучать историю и геометрию...» Они сами себя организуют. Такое учение предполагает индивидуальный темп работы, когда у человека появляется конкретная достижимая цель и внутренняя потребность ее достичь.

Ну вот, урока нет, переменок тоже нет, если не считать обеда, в классе кипит несколько «бурунчиков», и учитель переходит от одной группы к другой. Он не ставит отметок, у него в руках только блокнот. Единственное, чего требует учитель: кончил работу — поставь книги и пособия на место. Вот он

подошел к ребятам, которые занимаются математикой (младшеклассники сидят на полу, выстланном чем-то мягким; можно лежать на боку или принять позу «лотоса» — все приемлемо; учитель не ставит себя над ними, он — вместе со всеми). Ребята кидают кости-кубики. Любое математическое действие переходит в спорт: нужно бросить мяч, проползти, подпрыгнуть столько раз, сколько получилось в конце задачи. Весело и не надоест.

В тетрадках я нигде не видела красного карандаша учителя, подчеркивающего ошибки. Подросток пишет сочинение, хочет выразить на бумаге свои мысли и чувства; конечно, он еще не волшебник, он только учится... Учитель берет чистый лист и переписывает это сочинение, сохраняя стиль, интонацию, короче, все, кроме ошибок. Ну, может, где-то поправит фразу. Наклеивает лист на сочинение. Ученик второй раз переписывает свою работу. Он горд тем, что ценится его слово. Ну, а ошибки... Десять, пятнадцать раз он напишет выражение неправильно, но в шестнадцатый — все будет о'кей. Главное, чтобы сохранилось желание шестнадцать раз писать.

Я обнаружила 80 видов всевозможных благодарностей для учеников: «Я горд за тебя...», «Какой ты молодец сегодня...»,

«Ты был лучшим, потому что...» Чаще всего учитель выносит благодарность слабому, «трудному» — ему, как никому, нужны стимулы. И юный человек счастливый идет домой и несет доказательства своего успеха: смотрите, меня сегодня опять хвалили. Цепочка «учитель — ученик — родитель» держится, в основном, на положительных эмоциях. Так больше пользы.

Во время урока ученик может покинуть класс: «Я иду в библиотеку». Там он читает час, два, три... Сам добывает знания. Или успокаивается, рассматривая журналы. Учитель ему доверяет.

Домашние задания — как хочешь. Если уловил смысл урока, можешь оставить рюкзак в школе. Я гостила в семье, где сын дома не занимался.

А потом я попала в католическую школу. Каждый год в класс приходит новый учитель, и он преподает абсолютно все предметы, исходя из принципа: если я не могу владеть одновременно знаниями по зоологии и литературе, при этом петь, прыгать в длину, то какое я имею право заставлять делать это ученика. И так до 6-го класса. Из множества учебников и «методичек» педагог выбирает то, что больше глянется. То есть и здесь нет жесткости, нет рамок.

Учитель самостоятельно повышает свою квалификацию и платит за это. Многие год-два стоят в очереди, чтобы попасть на курсы при уважаемом университете. Если учитель получил высокую категорию — это честь, во-первых, и солидная прибавка к зарплате, во-вторых. Таким образом, у него тоже свои стимулы для роста.

Есть ли конфликты между учениками и учителями? Безусловно. Я видела в одной стенгазете, как ученики определили место каждому учителю и написали, кто у кого хочет заниматься.

Конфликты неизбежны. И здесь на авансцену выходит такая личность, как школьный психолог. Он получает жалование не в школе, притом получает гораздо больше, чем иной преподаватель университета. Мне сказали: «Надо, чтобы школьный психолог имел степень доктора наук; в крайнем случае — кандидата наук». Итак, он образован, материально независим и полностью стоит на защите интересов ученика; если нужно, вступает в спор с учителем.

Канадские школы малолюд-

ные. Поэтому один психолог посещает несколько школ. В течение года, никак не меньше, он наблюдает «сложного» ученика, разбирается, что мешает ему хорошо учиться, вникает во взаимоотношения... Он имеет право перевести отстающего в специальный класс. Там 5—8 учеников, 1 педагог высшей квалификации и 1 ассистент, и иная программа и подход. Год, два, три длится выравнивание, потом бывший отстающий уходит назад, в свой класс, и вместе со всеми заканчивает школу.

К психологу дети идут со своими вопросами и проблемами. Или просто выговориться. Беседы длятся долго... Используются тесты, компьютер. Кстати, канадские психологи опираются и на работы советских ученых Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьева.

Школьники тоже учатся зачаткам психологии: «Какие качества мне необходимы, чтобы подружиться с Полом?», «Что изменить в себе, чтобы добиться успеха?», «Как меня воспринимают в обществе?»

Если вы обратили внимание, канадскую школу волнует не сумма знаний ученика, а он сам. Поэтому нет отметок: в конце триместра учитель составляет рапорт, где перечисляет, чего достиг его подопечный и что ему еще нужно сделать. Мне говорили: «Когда сын приводит в дом невесту, разве родители интересуют ее знание химии или физики? Наверное, им важнее, какой у нее характер, что она умеет делать и как...» Ценится не способность человека запоминать, усваивать, подчиняться указаниям, а жажда деятельности, творчества, когда человеку хочется запоминать и усваивать, хочется чего-то достичь, что-то познать.

Вспомните, Эдисон был троечником, а Эйнштейн и вовсе отставал в развитии от сверстников. Что стало бы с ними (и с науками), если бы их за это «затюкали»?

...Заказ школе на людей определенного толка формулирует общество. Сейчас наше общество обновляется; ломаются стереотипы; выбрасываются шлаки; впитывается все лучшее, что выработало человечество. Значит, и в нашей школе непременно будет очень большая перемена, а вместе с ней — и перемена морального климата.

Инта ТЫЛТЫНЯ

Фото Саши ГРЕБЕНЕВА
и Юрия ИВАНОВА

Абитуриент предполагает, экзаменатор располагает. Мы попытались несколько увеличить шансы абитуриентов, публикуя сведения о том, какие конкурсы были в медицинских, строительных, театральные, транспортных и юридических вузах страны (см. «Парус» №№ 1—5 за 1989 год). Располагая этими сведениями, не совсем уверенный в себе абитуриент мог выбрать институт с меньшим конкурсом.

Но, похоже, лишь немногие воспользовались «шансом» — и в этом году «разбежка» в количестве поданных заявлений в различные вузы страны вновь была довольно большой. Скажем, если в Рыбинский авиационный технологический институт поступало 100 человек на 100 мест, то в Тбилисский педагогический — 817,92 человека; если конкурс в Киргизский институт искусств составил 184,14 человека на 100 мест, то безусловный рекордсмен этого года — Театральное училище имени Щепкина: подано 4291 заявление на те же самые 100 мест.

Как поется в небезызвестной песенке: «Думайте сами, решайте сами...» Мы же предполагаем и в наступающем году рассказать о том, какими были конкурсы на наиболее интересные вас специальности. А пока — что-то вроде преамбулы: беседа с заместителем начальника Главного учебно-методического управления высшего образования Гособразования СССР Ю. Г. ТАТУРОМ.

— Юрий Геннадьевич, говорят, уходящий год был годом активной жизни. Может быть, именно повышенная радиоактивность стала причиной нынешних прямо-таки фантастических конкурсов в вузы?

— Понимаю вашу иронию, но, думаю, повышенный интерес к высшему образованию объясняется не климатическими и природными, а, скорее всего, социальными факторами. Тем более, что резкое увеличение «роста» конкурсов стало наблюдаться не сейчас, а уже последние два-три года. Хотя, согласен с вами, в этом году оно достигло рекордного количества: на 600 тысяч мест дневного обучения было подано 1 миллион 200 тысяч заявлений. Это на 20 процентов или на 180 тысяч заявлений больше, чем в 1988 году.

— Вы говорите обо всех специальностях. Но, вероятно, есть

ОЛИ ЗАЧЕМ ДОМОХОЗЯЙКЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

здесь свои лидеры и свои аутсайдеры? Как там вечный спор между физиками и лириками?

— Особых изменений нет. Как и прежде, впереди гуманитарии: актеры, правоведы, медики, педагоги... Инженерные специальности пока не пользуются такой популярностью. Хотя и здесь есть количественный скачок даже по сравнению с прошлым годом. Если в 1988 году в технические вузы в среднем поступало 150 человек на 100 мест, то в этом — 180.

— И все-таки, в чем, на ваш взгляд, основная причина увеличения абитуриентов в последние годы? И справедливо ли, что каждый второй из поступавших остался, что называется, за бортом?

— Давайте сначала попробуем ответить на первую часть вопроса. Раньше количественный прирост абитуриентов мы связывали с демографической ситуацией в стране. Однако, проанализировав цифры, пришли к выводу, что темпы роста населения ниже темпов прироста абитуриентов. Выходит, говорить надо о престижности образования в нашем обществе. И это главное. Второе, что также нельзя сбрасывать со счетов, — отказ Министерства обороны от призыва студентов в армию. Это очень разумный шаг, и хорошо, что ошибка, первоначально совершенная, была исправлена.

Однако (и это уже ответ на вторую половину вашего вопроса) сегодня наша высшая школа, к сожалению, может лишь частично справиться с запросами общества. Из всего количества выпускников средних школ мы можем принять около 20 процентов. Для сравнения, в таких странах, как ФРГ, США, Япония высшее образование могут получить более 50 процентов молодых людей. Отставание, как видите, большое.

— Но нужно ли нам так много специалистов с высшим образованием?

— Видите ли, я говорю в данном случае не о специалистах с высшим образованием, а о людях, имеющих высокий образовательный ценз. Долгие годы мы готовили работников, забыв о том, что прежде всего необходимо растить личность. Сейчас очень важно уяснить всем и каждому, что образование полезно обществу, что нельзя экономить на образовании. И что подлинно демократического общества

без образованных людей быть не может. Вспомним, ведь нами уже управляли и безграмотный «языковед», и не знающий азов сельского хозяйства «аграрий». Чем выше научный и культурный уровень общества, тем меньше шансов, что подобное может повториться.

— Юрий Геннадьевич, не знаю, правильно ли я вас понял, но вы ратуете за то, чтобы и домохозяйка имела высшее, скажем, педагогическое образование, независимо от того, будет она работать в школе или нет?

— Конечно. Каждый желающий должен иметь возможность реализовать свое законное право на учебу. Может быть, стоит идти по пути, уже давно разработанному в западных странах, где наряду со специальным высшим есть общее высшее образование? Что-то типа бакалавра, то есть человека просто широко образованного, но не имеющего специальной подготовки. Фундаментальные знания должны помочь юноше или девушке найти себя в нашем быстро меняющемся мире, определить свое место в нем. Возможно, на эту первую ступень высшего образования нужно принимать без вступительных экзаменов. А уже потом желающие могут дальше специализироваться в выбранном направлении.

— Но пока вступительные экзамены есть. Больше того, у вузов появились права варьировать их. Не может ли это каким-то образом ущемить интересы абитуриентов?

— Я считаю, расширение прав вузов — большое достижение. На местах сидят не глупые люди, и они сами знают и свои возможности, и возможности своих абитуриентов. Другое дело, что на вступительных экзаменах не должны нарушаться права личности. И за этим мы следим.

Что же касается экспериментов, которые вводят отдельные вузы, что ж, это их дело. Вот, например, в прошлом году в одном из крупнейших вузов страны — Московском авиационном институте — план приема был не выполнен на тысячу человек. Цифра большая. Но что за ней? А просто жестче подошли к экзаменам. И вот, как результат, если во всех вузах конкурс вырос, в МАИ резко упал. Что ж, наверное, так и должно быть: в серьезный институт следует

принимать только сильных, хорошо подготовленных абитуриентов.

И еще интересный и, как мне кажется, разумный путь, по которому сейчас идут некоторые вузы, и в том числе МАИ, — не искать своего абитуриента, а готовить его. Мы считаем, что в будущем школа должна стать как бы первым курсом института. Собственно, уже сейчас есть средние школы, экзамены в которых приравнены к экзаменам в вузы.

Пытаясь объективизировать прием, Гособразование СССР провело эксперимент по тестированию десятиклассников Москвы по математике. В нем приняла добровольное участие 18 тысяч школьников. Конверты с задачами вскрывали при учащихся, а работы оценивала ЭВМ. Любопытно, что все 14 задач решила только 1162 школьника, то есть 6,4 процента участников. По нашей договоренности с 22 московскими вузами ребята, принимавшие участие в тестировании, могли не сдавать вступительный экзамен по математике, достаточно было показать приемной комиссии сертификат. Таким образом, многие школьники были освобождены от излишних нервных стрессов. А это уже само по себе немало.

Конечно, подобное тестирование пригодно лишь для технических вузов, да и то не для всех. Скажем, такие серьезные институты, как МИФИ, МФТИ, сразу же отказались от участия в эксперименте, поскольку считают, что главное для их будущих студентов не столько знания, сколько способ мышления, а уж знания они сами дадут.

Невозможно использовать тестирование и в творческих вузах. Здесь, что называется, штучный товар. Важна индивидуальность. И в случае тестирования объективность вступает в противоречие с субъективностью. Но, в принципе, я — за облегчение участи абитуриента. Моя, если можно так выразиться, голубая мечта, — чтобы человек, идущий на вступительные экзамены, не испытывал чувства страха, чувства недоверия к экзаменаторам и был уверен, что его благожелательно выслушают, поймут и справедливо оценят.

Беседу вел
Александр РОСИН

белый свет, пишет, что нет друзей. Что за чушь, когда нормальный, здоровый, полный энергии молодой человек раскидает от того, что нет рядом друга. Так что же, берем квантицию и выписываем друга по почте! Читаю вот в вашей рубрике, что некоторые парни не умеют знакомиться. Может, рецепт выписать! Или школу откроем! Проще надо на жизнь смотреть. При желании всего добьешься. А сидеть с кислой миной и ждать у моря погоды, когда кто-то сам подойдет к тебе и предложит дружбу на блюдечке, — это слишком!

Оксана, 16 лет,
Краснодарский край

887 Мечтаю оживить какую-нибудь из заброшенных белорусских деревень. Однако, понятно, это не потянуть. Нужна община единомышленников, чтобы работать по бригадному подряду. Мои условия: все доходы — в фонды милосердия, себе оставляю лишь минимум, необходимый для здорового питания, нормального отдыха, культурного и физического развития, ну и, естественно, для усовершенствования производства. Принципы жизни в общине: духовное созидание, душевное равновесие, углубленное изучение литературы. Т. е. обещую постоянный умственный и физический труд, а отдых — лишь для восстановления сил. Подробности этого труднейшего дела давайте обсудим по переписке. Для выработки наших будущих отношений можно, списавшись, встретиться. Заинтересован в непьющих и, желательно, некурящих людях философского склада, которые еще не нашли смысла жизни, но признают, что его необходимо искать.

Михаил, 20 лет,
студент-заочник,
г. Новополоцк

888 Давно вышла из подросткового возраста, тем не менее очень хочется вам написать. Обращаюсь, в основном, к молодым одиноким мамам. Знаю, как это трудно — растить малыша, когда сама еще ребенок, как нужны поддержка и помощь, как не хватает близкого человека, с которым можно по-

советоваться. Готова поделиться опытом. Чуть-чуть о себе: разведена, воспитываю сына, по специальности — портниха, занимаюсь спелеотуризмом. Люблю гитару, пишу стихи, собираю игры и другие «изюминки» для домашних «голубых огоньков» и просто вечеров отдыха. Буду рада любому письму и на любое постараюсь ответить.

Наталья, 23 года,
Смоленская область

ПИШИТЕ МНЕ:

...те, кто избавился от лишнего веса с помощью оригинальных диет или физических упражнений. Буду рада любым рецептам и советам.

Виктория,
340094, г. Донецк,
ул. Р. Люксембург,
д. 10

...те, кто сумел бы помочь изучить язык хинди по переписке, узнать что-то новое об истории индийского классического танца.

Елена,
171380,
Калининская область,
г. Старица, ул. Мира, 34-7

...те, кто увлечен психотерапией, йогой, аутогенным тренингом, гипнозом, бесконтактным массажем.

Вострякова Тая, 18 лет,
300000, г. Тула,
главпочтамт, аб. ящик 227

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

889 Давайте организуем союз неудачников! Может, легче будет! Надеюсь получить письмо от тех, у кого неполадки какие в жизни, душу сверлит мысль: «Что-то со мною не так», и пусть пишут те, кто «хотел уйти куда попало, закрыть свой дом и не найти ключа...»

О себе: 23 года, беспартийный, не женат и до 25 не собираюсь. С родственниками не повезло, с жилплощадью вообще «завал». Давно не чувствую, что «молодым везде у нас дорога». Но вешаться от всего этого не собираюсь.

Не везет! Это только мне или другим тоже!
Арнольд,
Коми АССР

890 Изучаю духовную музыку, но людей, знающих и понимающих ее, никак не мо-

гу найти. Возможно, у кого-то дома без дела лежит ненужная, но интересная для меня литература: журналы, музыкальные записки крюковым письмом — готов принять любые крохи знаний.

Олег Добронравов,
18 лет,
602200,
Владимирская область,
г. Муром,
ул. Экземплярского,
д. 53, кв. 7

Внимание, молодые поэты, исполнители, музыканты различных стилей и течений! Только координационный молодежный клуб «Инициатива» поможет вам найти друг друга, подарит новые темы и творческие идеи. Пишите нам! Не забудьте вложить в письмо чистый конверт. Наш адрес: 614004, г. Пермь, ул. Л. Толстого, д. 17, кв. 48, МКК «Инициатива»

ЕЩЕ РАЗ ПРО...

891 Каждый старается жить только для себя. Друзей нет — есть люди, нужные тебе. И любви нет. Я ведь тоже когда-то искала любимого. Нашла, но его чувства закончились, когда узнал про мою беременность. А ведь было все: и обещания, и клятвы, и красивые слова — только это в памяти и осталось.

...Сейчас встречаюсь с женатым человеком. Нет, я его не люблю: просто мне приятно с ним проводить время: вместе ездить отдыхать по путевкам, ходим в рестораны, на концерты и вообще... Да и «кбабки» у него водятся. Знаю, что для него я просто красивая игрушка. Ну и что! Меня это устраивает. По крайней мере, в наших отношениях нет обмана. Что же дальше! А ничего. Погуляю еще лет пять, да выйду замуж за хорошо обеспеченного — хоть поживу в свое удовольствие. А любовь — это так...

Ксюха, 21 год,
г. Челябинск

От редакции: к сожалению, Ксения не указала свой адрес полностью, но мы готовы переслать ей, если она откликнется, ваши ответы.

[Окончание на стр. 53]

883 Мне нравится лето, потому что в это время года можно сходить на пляж, съездить в лагерь. Зимой тоже люблю, но только без сильных вьюг. Мое самое большое желание — жить в деревне, там как-то веселее. Люблю животных, особенно лошадей и собак. Раньше увлеклся марками, но сейчас это мне кажется пустяковым занятием...

Александр, 13 лет,
г. Омск

884 Буду хореографом, а пока — студентка Тобольского училища искусства и культуры. В этом году наша группа перешла на самоуправление. Но идем вслепую — нет опыта. Прошу коллективы, в которых работа также ведется на принципах самоуправления, откликнуться. Расскажите, пожалуйста, о своих делах и проблемах. А может, и мы сумеем кому-то помочь...

Оксана,
г. Тобольск

885 Я — курсант военного училища. Звучит, конечно, гордо. Но что за этим стоит! Мы оторваны от внешнего мира, ходим в одинаковых зеленых формах. Друг друга видим 17 часов в день; впридачу еще и учимся. В общем, это тяжело. И все же мы веселые и дружные ребята, ценим чувство юмора. Как любой нормальный восемнадцатилетний человек, каждый любит «ДДТ», «Наутилус Помпилиус» и т. д. и т. п. А я один из этих веселых, но отчасти что-то теряющих молодых людей. Кто захочет познакомиться поближе!
Константин, 18 лет,
г. Харьков

886 Не понимаю тех, кто в 17 лет не знает, как жить дальше, обижается на весь

места в репертуаре замечательного музыканта, с равным успехом исполнявшего и джаз, и кантри, и эстрадные шлягеры. Символом же соул, «соул-братом №1» стал **Джеймс Браун**.

Выходец из бедной семьи, он работал на плантациях и чистил ботинки, мыл автомобили и воровал, чтобы не умереть с голоду... Начало рок-н-роллового бума застало его в Мэйконе, где Браун зарабатывал на жизнь выступлениями со своей госпел-группой. Вслед за Чарлзом он дебютирует в 1959 году с «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста» — диковатой, но возбуждающей смесью госпел, блюза и латиноамериканских ритмов. Рецепт Чарлза сработал... Соул сделал Брауна суперзвездой и миллионером, но без него и соул не был бы соулом. Первоклассный танцор и отличный шоумен, он изменил форму этой музыки: расшатал традиционную куплетную песенную структуру, заставил все инструменты выполнять ритмическую функцию, а его фразировка стала фирменной маркой стиля. Но главное, Джеймс Браун наполнил эту форму содержанием, превратив соул в гимн самосознанию черного меньшинства.

Еще два исполнителя, начинавшие с госпел, оказали громадное влияние на развитие этой музыки: **Сэм Кук** (22. 01. 1935, Чикаго), чьи лирические песни восемнадцать раз попадали в «Топ-20», и мастер соулбаллады **Отис Реддинг** (9. 09. 1941, Мэйкон). Оба они безвременно погибли. Кук был нелепо застрелен в гостинице в 1964 году, а Реддинг разбился в авиакатастрофе ровно три года спустя.

Соул окончательно сформировался к 1963 году. Популярность соул породила многочисленных коммерческих исполнителей этого стиля. Лучшие из них работали на детройтской фирме «**Тамла Мотаун**». Это был соул высокого качества, но практически лишенный политической и социальной окраски. Гордостью «Мотаун» было женское трио «**Сьюпримз**» с изумительной **Дайаной Росс**, вокальные ансамбли «**Темптэйшнз**» и «**Фоур Топс**», певец и композитор **Смоуки Робинсон** и 13-летний **Стивлэнд Джаджинс** — Маленький чудо-Стиви, которого ныне весь мир знает как **Стиви Уандера**. Спустя несколько лет именно там началась карьера Майкла Джексона в семейном квартете «**Джексон 5**». Все они, и десятки других замечательных музыкантов, были братьями по душе.

Часть III. Интеллектуальная революция

Канонизированная десятками книг, справочников и энциклопедий биография Боба Дилана, еще четверть века назад объявленного мессией рока, казалось бы, изучена вдоль и поперек. Однако слухи и легенды настолько переплелись в ней с реальностью, что отделить одно от другого сможет, наверно, только он сам.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что настоящее имя мальчика, родившегося 24 мая 1941 года в Дулуте, Роберт Аллен Циммерман. В одном из интервью, став уже суперзвездой, он утверждал, что родился в семье выходцев из России. Впрочем, эта пикантная подробность мало что объясняет в его личности. Для понимания истоков творчества Дилана важнее то, что его школьные годы пришлось на золотой век рок-н-ролла. Он создал свой ансамбль, в котором играл на пианино, подражая Литтл Ричарду. Однако «золотой век» продлился лишь четыре года. К окончанию школы Бобби разочаровывается в нарождающемся рок-н-ролле и открывает для себя фолк. В 1959 году он поступает в Миннесотский университет в Миннеаполисе и меняет фамилию на Дилан — вероятно, в честь поэта Дилана Томаса. Его гитара и характерный, немного «в нос», голос все чаще звучат в местных студенческих кафе и клубах. Спустя год, выбрав для себя путь странствующего певца, он бросает университет и едет в Нью-Джерси к своему кумиру Вуди Гатри, медленно умирающему в госпитале от тяжелой наследственной болезни. Дилан решает остаться в Нью-Йорке и начинает регулярно выступать в фолк-клубах Гринич-Виллидж. Многие видят в молодом фолксингере преемника легендарного Вуди. На него обращают внимание и люди из музыкального бизнеса...

Двадцатилетний юноша с романтической внешностью поэта... Он действительно был поэтом. В отличие от большинства фолксингеров, Дилан сам создавал свой репертуар. Его песни, в которых мысль, казалось, больше, чем слов,—это калейдоскопические образы и репортажная конкретность, едкая ирония и проникновенный лиризм. Пение Дилана, аккомпанировавшего себе на акустической гитаре и губной гармонике, обладало магнетической силой. Резкий шершавый голос странствующего музыканта задевал нервы, как звук ножа по стеклу, сдирая заскорузлую корку предрассудков с огрубевших душ слушателей.

Популярность Дилана стремительно растет. Летом 1963 года его дебют становится главным событием Ньюпортского фолк-фестиваля, где он выступает вместе со знаменитым трио «**Питер, Пол и Мэри**». Записанная трио незадолго до этого дилановская песня «Порыв ветра» взлетела на верхушки хит-парадов, открыв перед ним шлагбаум на пути к всеамериканской славе. «Хозяева войны», «Времена меняются», «С Господом на нашей стороне» — почти каждая новая песня Дилана сразу же становится классикой. К 1965 году он больше, чем знаменитый музыкант и поэт. Он — пророк, оракул, голос поколения. С нетерпением ожидается его появление на Ньюпортском фестивале в июле. Выступление Дилана вызвало бурю. Вслед за фолксингером № 1 на сцену вышла рок-группа **Пола Баттерфилда**. Впервые на фолк-фестивале звучат электрогитары. И «предателя» встречают свист и возмущенные крики. Но главное произошло. Два полюса сомкнулись.

Тут необходимо сделать небольшое отступление. До Дилана рок и фолк существовали в разных мирах. Основанные на фольклоре сезонных рабочих и неимущих иммигрантов из Европы, песни фолксингеров имели много общего с кантри. Но, в отличие от «сельской» музыки, городской фолк сохранял свое антикоммерческое первородство. Музыка, исполнявшаяся исключительно на акустических инструментах, как правило, выполняла в нем вспомогательную роль аккомпанемента. Нередко на популярную мелодию просто накладывались новые слова. Но фолк отличался от популярной песни — как «то, что сделано ради любви, радости и удовольствия, от того, что сделано ради денег». Эта музыка выражала чувства тех, кто хотел перемен. В ней сильные были традиции социального протеста, борьбы за гражданские права, антивоенного движения. Неудивительно, что аудиторию фолксингеров составляло радикально настроенное студенчество и левые интеллектуалы.

У рок-н-ролла поклонников было в десятки раз больше, зато коммерциализация привела к тому, что, идеально приспособившись к отполированным сотнями подметок плоскостям дансингов, рок утратил свое третье измерение. Как тело без головы, он еще способен был некоторое время судорожно дергать конечностями, но финиш предугадывался...

Английские ансамбли реанимировали рок-н-ролл, вдохнув в него новую жизнь. Их музыка была энергична, эмоциональна, искренна. Но интеллект возрожденный рок получил благодаря Дилану. После памятного выступления в Ньюпорте с «**Пол Баттерфилд Блюз Бэнд**» он создает целый ряд рок-стандартов, которые пол-

ностью изменили лицо рока. Последствия того, что сделал Дилан, неисчислимы. Его пример вдохновил на поиски сотни музыкантов, начиная с «Битлз» и кончая Брусом Спрингстином и Элвисом Костелло. Изменилась тематика песен, выйдя за рамки бытовых сюжетов из жизни подростков. В них все чаще звучат политические и социальные мотивы, попытки философского осмысления мира. Это потребовало в свою очередь литературного языка, и появилось понятие «рок-поэзия». Возникло новое влиятельное направление «**фолк-рок**» с ансамблями «**Бердз**», «**Лавинг Спунфул**», «**Мамас энд Папас**», «**Тертлз**» и семейным дуэтом «**Сонни и Шер**». Эти перемены привели к тому, что изменилась и аудитория рока. Он стал своим не только для рабочей молодежи, но и для высокообразованных интеллектуалов. Все это вместе взятое дало мощный творческий посыл развитию рока. Отныне он больше не был музыкой для ног.

Часть IV. «Братья по душе»

Материалисты считают, что понятие «душа» антинаучно. Идеалисты и поэты утверждают, что душа — основа всего. В роке этот вопрос давно решен однозначно: душа существует.

Душа по-английски «**соул**». Именно так была названа новая музыка, родившаяся из слияния двух направлений «черной» музыки: плотского ритм-энд-блюза и духовного госпел. Исполнители госпел — экстатического религиозного гимна — выработали целый арсенал средств и приемов воздействия на слушателя, который позволял свергнуть в транс паству, заставив ее отрешиться от всего земного. Элементы госпел с успехом использовали многие чернокожие рокеры: Литтл Ричард (книга первая, стр.19), солист «Дрифтерз» **Клайд Макфаттер**, Хэнк Баллард (там же, стр.24).

Пианист и певец **Рэй Чарлз** (23. 09. 1930, Олбани) пошел дальше. Он взял госпел целиком и, заменив божественную начинку на земные чувства, превратил его в ритм-энд-блюз. Вместо «Я познал Господа» Чарлз пел «Я познал женщину». Блюзовая экспрессия, помноженная на эмоциональность госпел, виртуозная игра на фортепиано и великолепный по окраске и мощи голос музыканта — щедрый дар судьбы, которая в шестилетнем возрасте отняла у него зрение, а в пятнадцать оставила сиротой, ошеломили публику. Это произошло в 1954 году. Так родился соул. В течение последующих пяти лет Рэй Чарлз продолжал экспериментировать с госпел и рок-н-роллом и в 1959 году записал еще одну великую вещь «Что мне сказать». Соул, впрочем, не занял исключительно

[Окончание.

Начало на стр. 50]

ХОЧУ У СВЕРСТНИКОВ СПРОСИТЬ...

892 Полюбила парня, который живет в Афганистане — иностранец. Он тоже любит меня. Скажете: ну и что, живи и радуйся! Понимаете, у людей вокруг очень странное отношение к нашим чувствам. Все знакомые видят какую-то корысть с моей стороны. Считается, если девушка пошла с иностранцем — значит, из-за тряпок. Конечно, есть и такие девочки. Их тоже можно понять: у иностранцев есть деньги, тебя будут водить в бар, в ресторан, оденут с ног до головы, другим на зависть. Но ведь не все так!!!

Мы познакомились совершенно случайно и сразу же понравились друг другу. Наверное, это называется любовь с первого взгляда. Он такой славный парень, хоть подруга и удивляется: что я в нем нашла. Говорит, с моей внешностью я могла бы крутить головы парням в сто раз лучше его, да и найду еще лучше. А мне другого не надо. И подруга в глубине души завидует. Оттого и намекает девочкам и знакомым парням, что я на тряпки позарилась. Но ведь это не так! А ребята пообещали, что если нас где-нибудь встретят вместе, то и я и он получим свое. Одно не пойму, зачем им в чужие дела лезть, в душу плевать? Ведь я встретила человека, в котором чувствую опору. Знаю, он всегда мне поможет, защитит. Я в нем уверена, как в себе. Да, он делает мне подарки, но от чистого сердца, потому что любит. Мы собираемся расписаться. Но потом, а пока мы учимся.

Очень прошу опубликовать мое письмо, потому что невыносимо незаслуженно носить иллеймо, чувствовать спиной презрение. Подскажите, как быть!

Наташа, 17 лет,
г. Ставрополь

ПРОБЛЕМА!

893 Мне 17. Я — будущий филолог. [Правда, в университет в прошлом году не поступила. Тем не менее...]. Проблемы нашего «великого и могучего» меня волнуют более многих других важных проблем. Вы в журнале как-

то прошлись насчет того сленга, на котором говорит молодежь. Так вот. Непривычное — не значит плохое. В одном из прошлых веков — не помню точно, в каком, — один языковед обвинял молодое поколение в том, что оно говорило «талантливый» вместо привычного «даровитый». Чудовищное извращение, с его точки зрения! А знаете, что «нога» в переводе со старославянского — «лапа»? Язык — «опошился». А может — обновился! Гребенщиков поет: «Я ненавижу слово «любовь». А почему! Да затаскали, затерли несчастное слово! [Да простит меня БГ, если я слышом плоско его поняла!].

Конечно, язык — это вещь, дорогая, ценная, наследство от предков. Но ею пользоваться надо, а не сдувать пылинки. И что-то новенькое вносить. Вот мы и вносим! Мы молоды. В наших головах — не только штампы. Ну, почему, например, можно «исчезнуть», но нельзя «присчезнуть»? Или попробуйте образовать от «прозевать» глагол настоящего времени, несовершенного вида, ед. числа, 1 лица. «Прозевываю». Разве не прелесть!!

Я пэтэушка (пока). Мое окружение говорит на жаргоне. Да, не всегда удачно. Но есть очень меткие словечки. Послушайте: «облом». Неужели у вас не возникает ярких ассоциаций? Или — «закнутый». Так и видится: затылок — на загривке, нижняя челюсть — чуть вперед, ленивый высокомерный взгляд полуприкрытых глаз.

Пожалуйста, очень прошу, не ссыпайте в кучу примитивной безграмотности все наши находки. Хорошо!

Не знаю, как вы, а я могу с удовольствием читать бессодержательную книжечку, если она написана свежо, раскованно; и наоборот, с большим трудом «дожевывать» гениальное произведение из-за «тяжелого» языка. И еще...

Эх, выскажу все, раз уж начала. Дело в том, что мне не нравится слово «гражданка». Меня оно просто оскорбляет. «Гражданин!» Здорово. А «гражданка» — «домохозяйка», «торговка», «мещанка»... Может, надо: «Гражданница»!

Конечно, в сравнении с задачами перестройки как-то языковые нюансы — ничтожность. Вот и

друзья мне говорят: играешь со своими словечками, как с погремушками. А мне нравятся! Кому еще нравится!

Гаяля,
г. Ленинград

КЛУБОВОРОТ

894 Пытаемся объединить фанатов Виктора Цоя (группы «Кино»). Ждем конкретных советов о том, как создать клуб почитателей и поклонников. Принимаем любую информацию о наших кумирах и их фотографии.

Марина Глушакова,
676201,
Амурская область,
Зейский район, с. Овсянка,
пер. Светлый, д. 2, кв. 1

895 Пишу сценарии молодежных вечеров, дискотек, встреч КВН. Хотел бы создать заочный дискотек, чтобы помочь всем, кто нуждается в организации досуга молодежи. Пишите. И присылайте лучшие свои сценарии. Они пригодятся кому-нибудь еще.

Александр,
486050, Казахская ССР,
г. Чимкент,
ул. Туркестанская,
д. 9, кв. 25

896 В подвале жилого дома сделали небольшой ремонт, потолки побелили, окна и двери покрасили. Каждый день с 18 до 22 здесь работает клуб «Веселые ребята» для подростков от 13 до 18 лет. В клубе уже почти 100 человек. Нуждаемся в перепланировке с коллегами. Если у вас есть похожий клуб — расскажите, как построить работу, чтобы всем интересно было. Ребята наши будут очень благодарны.

Т. Е. Кузнецова,
руководитель клуба.
427900, Удмуртская АССР,
г. Сарапул,
ул. Гоголя, д. 43, кв. 32

ФАН-КОНТАКТ

897 Нам с другом по 17. Любимая «банд» — «Металлика». Хотелось бы побольше узнать о ней.

Сергей и Николай,
247760, г. Мозырь,
ул. Калинина, д. 14, кв. 60

898 Не принимаем произведений «Миража» и «Ласковая». Больше по сердцу боль Саши Башла-

чева, волшебство «Аква-риума», дерзость «Алисы», романтизм «Кино». И, конечно, начало всех начал — «Битлз». Кому близка эта музыка — пишите.

Лена и Оксана,
630077, г. Новосибирск,
ул. Вертовокского,
д. 37, кв. 22

899 Мне увлечение еще несколько лет назад было очень популярным. А сейчас любителей итальянской эстрады осталось совсем мало. Пусть они откликнутся!

Марина Кузнецова,
141150,
Московская область,
г. Лосино-Петровский,
ул. Горького, д. 13, кв. 50

900 Более года слушаю песни в исполнении Сандры. Собираю ее фотографии, вырезки из журналов и газет. С радостью поделюсь материалами с ее поклонниками.

Павел Лебедев, 16 лет

901 Очень хочу познакомиться с поклонниками молодой, но уже известной певицы Валентины Легкоступовой.

Татьяна Шурина, 16 лет,
142400,
Московская область,
г. Ногинск, ул. Текстилей,
д. 35, кв. 88

902 Я — битломанка. С охотой познакомлюсь с теми, кому нравится музыка 60-х годов. Хотела бы познакомиться с почитателями «Битлз» и Пола Маккартни. Елена Басавина, 14 лет,
183070, г. Мурманск,
ул. Копытова, д. 14, кв. 24

903 Не могу больше слушать сплетни о «Модерн Токнинг». Говорят, что Томас с женой уехал в Америку. Зачем он туда поехал! На гастроли или жить там будет! Когда родился Дитер! Кто говорит, что ему сейчас 31, а кто настаивает на 35. Не верю, что Дитеру 35! Какой кошмар! Старый совсем... Вопросы, вопросы... А кто сможет мне ответить! Если не трудно, отзовитесь, пожалуйста.

Ольга Журю,
142121,
Московская область,
г. Подольск, ул. 43 Армии,
д. 9, кв. 78

С почтой рубрики «Ищу друга» работали Светлана Красикова, Ирина Трус, Татьяна Максимова

За июль, август и сентябрь рубрика получила 721 письмо. Всем написавшим — большое спасибо!

* * *

Прочел «Все в кайф?» (№ 3, 1989). Очень интересное начинание. Хорошо бы почаще публиковать мнения читателей о рокке, это развивает смекалку суждений и приучает мыслить, хотя кое с кем придется крупно спорить.

Феликс Аксёв претендует на глубокий анализ, но он не прав, утверждая, что лидеры «ДДТ» и «Алисы» вынуждены идти на поводу у своих фанов. Разве человек, еще в эпоху застоя говоривший правду и переживший травлю, такой, как Юрий Шевчук, может стать собственным жестом? Или Константин Кинчев — не сломленный борьбой с «органами» и газетой «Смена», обвинявшей его в «пропаганде фашизма»? Нет и еще раз нет! Просто они нашли свой имидж, наиболее соответствующий характеру и темпераменту.

Насчет «Странных игр» я поддерживаю Феликса. Насчет Кузьмина — тоже. Кузьмин предал андерграунд и поддался в «попсу» заколачивать рубль. С мнением об «Ассе» соглашусь (конъюнктура). БГ и вправду себя изжил. «Бригада С» — уже лажа. А вот дальше Аксёв пускает ностальгическую слезу по подвальным временам нашего рока. И перечисляет альбомы, которые, по его мнению, достойны тех времен, забыв при этом упомянуть «Отечество иллюзий» («Телевизор»), «Кому» («Крематорий»), «Берегите цинк» («Водопад») и, конечно, «Оттепель» («ДДТ»). Не согласен я и с прочерченной осью рока: «Машина»-«Аквариум»-«Наутилус». А где «Зоопарк»? А «Урфин Джюс» — предтеча «НАУ»? Где логика: вначале Аксёв критикует Гребенщикова, в конце называет его одним из тех, кто остался самим собой? Неформалы справедливо объявляют Бориса предателем (вспомним его низкопадение до концертов с «Юристикс», не говоря уже об уходе от реальности и от своих сограждан). В финале Феликс пишет: «Остается ждать ту бесстрашную молодую «шпану», которая взорвет тремя аккордами атмосферу всеобщего благополучия дежки пирога...» Если он имеет в виду панк, то он уже есть. Доста-

точно вспомнить прошедший у нас в Тюмени в июне прошлого года, но замолчанный прессой, в том числе и «Парусом», всесоюзный альтернативный леворадикальный панк-рок-фестиваль. В Тюмени, признанной столице панка, существует сильная панк-команда «Инструкция по выживанию», поставленная самим Артемом Троицким на первое место в его личном хит-параде групп андерграунда. В Ленинграде есть «Автоматический удовлетворитель», в Новосибирске — «БОМЖ», в Омске — «Гражданская оборона» — ее диск выходит во Франции, но не у нас. Однако, по-моему, волны панка не предвидится, т. к. ее потенциальную энергию вобрала в себя волна «металла».

Попутно скажу о «Секрете». Да что вы на него накинулись! Симпатичные ребята решили «пооттягиваться» в свое удовольствие, а кишиневский бит-клуб упрекает их в отсутствии серьезных вещей. Но это опроверг новый альбом «Ленинградское время». «Секрет» шаг-

нул на новую ступень в творчестве и, похоже, стал тяготеть к хард-року, что у него получается гораздо лучше, чем мерсибит (хотя жаль таких девчонок как НАМА: им эта метаморфоза вряд ли придется по душе).

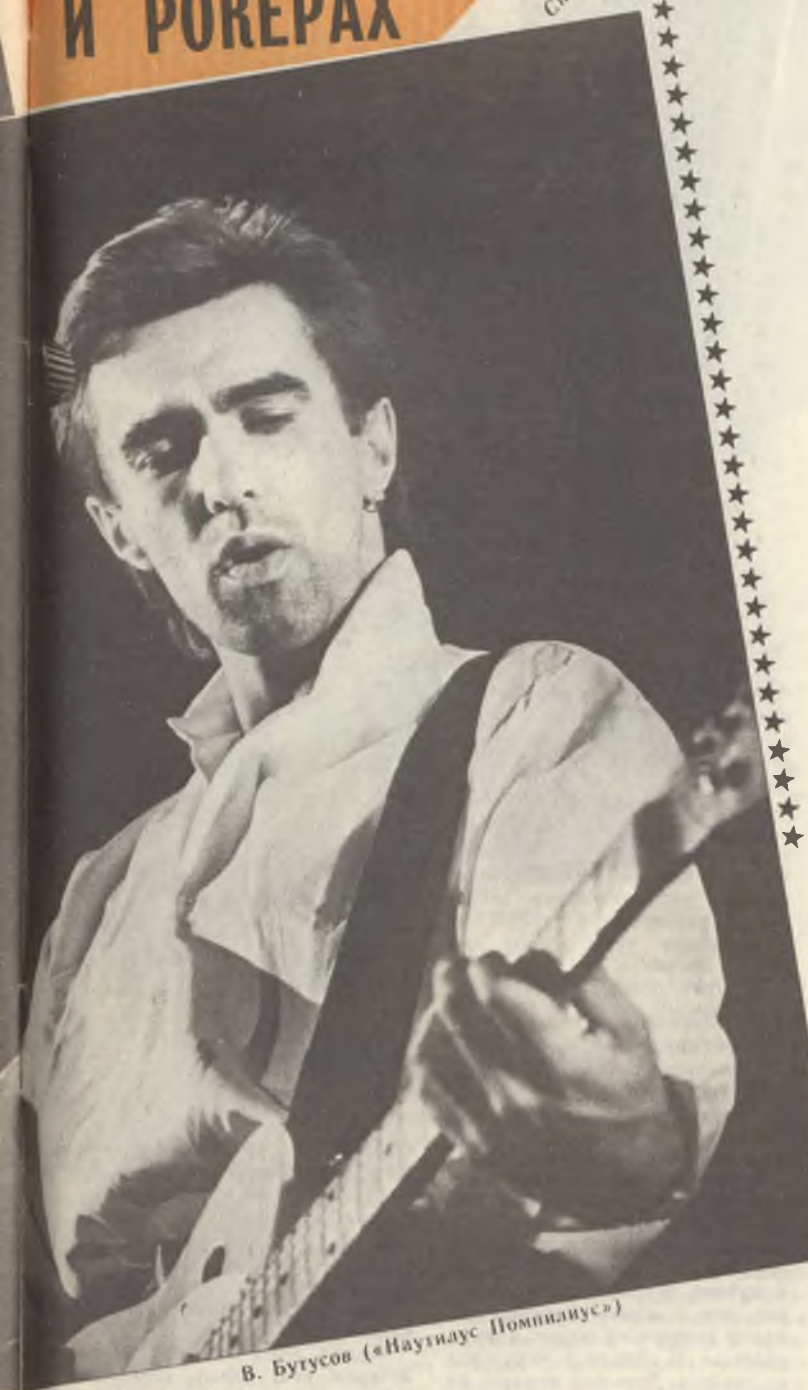
Ну вот, теперь все. Надеюсь, что «Парус» — за плюрализм, и вы напечатаете мое письмо.

Алексей Скажухин.
г. Салехард

ЧТО МЫ ДУМАЕМ О РОКЕ И РОКЕРАХ

Специальный № 4, подготовленный
по письмам читателей

В. Бутусов («Наутилус Помпилиус»)

Дорогие друзья! Случайно попал мне в руки № 3 со статьей «Все в кайф?». Журнал мне очень понравился, и я выписал его на следующий год. Пользуясь случаем, могу объяснить значение английского слова «драйв». Рок-музыкальная терминология использует его для обозначения:

1) энергонасыщенности, напора, плотности и скорости звукового потока той или иной композиции;

2) тенденции, общей стилевой направленности в звуковом рисунке и музыкальном имидже отдельных рок-групп.

С уважением и пожеланием творческих успехов —

Владимир Лукьянов,
студент Курского
пединститута

«Мастер» — «металлическая» группа? Нет, по-моему, это — пародисты «Металлики» и «Антрэкса». «Металлические» ребята у нас в СССР просто не знают настоящего «металла»: они воспитывались на таких ужасах, как «Крузиз», «Мастер», «Черный кофе», «Присутствие». Первые спокойно сняли «Антрэкс» (сравните песню «Заставы в горах» «Крузиза» с «Эл оф Оу» «Антрэкса»). «Черный кофе» дошел до того, что свою композицию «Жизни рассвет» взял у «Рэйнбоу» (в 1977 г. у тех вышел двойной альбом с концертной записью «Катч зэ Рэйнбоу» — «Лови радугу»), откуда и «слизан» «Рассвет». «Присутствие» и «АС/ДС» вообще слились в одну массу: я имею в виду их песни «Войди вон» и «Хелз белз» («Адские колокола»).

Короче: советский «металл» не удался!

Далее. Большинство моих товарищей не считают эволюцией советского рока вашу цепочку: «Машина»-«Аквариум»-«Наутилус». «НАУ» был одно время очень популярным, но они там заелись. Вообще, все приедается, все надоедает. Даже мерзости гипа мамоновских «Звуков Му». Хорошая группа, не спорю, но гиражирует один и тот же образ. «АВИА» — скоро тоже пройдет мода на приколы в таком роде.

У нас в Алма-Ате создали свой музыкальный центр. Опять одни жалкие пародии на все, что уже сделано...

Константин Тимошенко

Я благодарна нашим рокерам за то, что они вывели меня в люди. Я учусь у них отстаивать свое «я», говорить то, что думаю (и думать, что говорю). Я начала ощущать себя ЧЕЛОВЕКОМ. Например, после песни Кинчева я «перелопатила» уйму литературы по древней Руси, изучала иконопись, заново пересмотрела репродукции Константина Васильева...

Рок привел меня к изучению философии Ницше, Шопенгауэра, Фрейда, а также экзистенциализма и сюрреализма. А некоторые утверждают, что поклонники рока — тупые, ограниченные, невежественные хулиганы...

А играли вы когда-нибудь в ассоциации? Берутся листы бумаги и что-нибудь пишущее. Включается магнитофон с «НАУ» или «АВИА». И записываются все образы, которые при этом возникают. Потом записи прочитываются вслух. Не пробовали?

Алена, 18 лет,
II курс ЛГИКа

«Этот город скользит и меняет
названия.
Этот адрес давно кто-то
тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету
зданья,
Где всю ночь правит бал
Абсолютный вахтер...»

— А, опять своего скомороха слушаешь. Не надоело — довольно ехидная ухмылочка — мой папаша появился на горизонте.

— Не смей, слышишь!

— А что: я говорю, что думаю. Мне он не нравится, слишком много плачет.

— Не трогай Башлачева, это святое. Не тебе судить, понял?

— Ха, нормальные люди из окон не бросаются, только психи или алкаши.

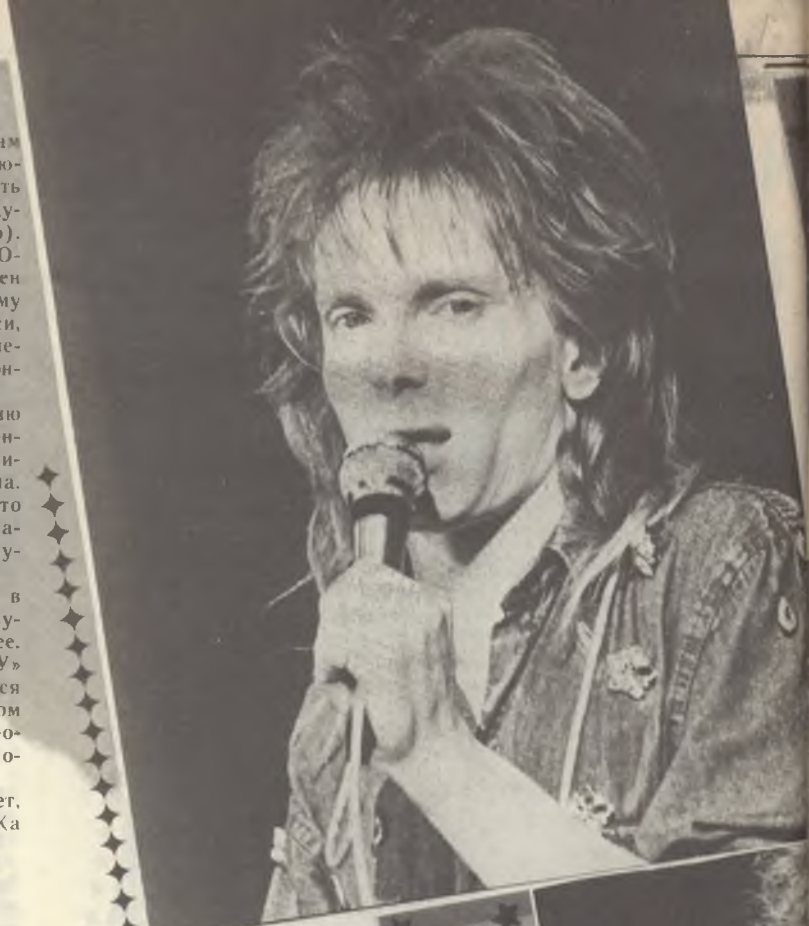
— А-а-а! — мой голос переходит в сплошной рев. — Заткнись, как ты смеешь?!!

— А ты...

После криков читает мне длинные нотации. Ладно. Сажусь, слушаю дальше:

«Позабыв, откуда, скачем кто куда.
Ставили на чудо — выпала беда...»

Только бы не сорваться. Слушаю Башлачева, а на глазах слезы: «Ну почему, почему?..»

В. Салтыков («Электролюб»)

А папаша опять лезет, на этот раз: верю ли я в бога.

— Я просто верю, не обязательно в Христа. Но без веры жить нельзя.

— Но я же живу!

Что он несет! Ведь у самого «Таис Афинская» — настольная книга. А там все ясно написано: страны, подчиняющиеся зверобогам, равно как и страны, не признающие веры, рано или поздно погибнут.

— Дочь, почему ты молчишь?

— Потому.

Алиса
из Страны нечудес,
г. Салехард.

В музыке, как и в жизни нашей полосатой, застой сменяется перестройкой, и наоборот. Когда в одном стиле — перестройка, в другом — застой. Но в музыке все происходит быстрее, чем в жизни. Конечно, таланты делятся на штуки, а не на «волны». И «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстояньи...» Вспомним об этом и не будем рвать друг другу глотки за то, что один любит

«Алису», а другой — «Браво». Не будем обвинять бывших кумиров. Если уж на то пошло, кому удавалось прожить всю жизнь честно? Не будем плевать друг в друга. Давайте пойдем каждый на свой концерт и получим удовольствие, а потом займемся каждый своим делом.

Может, пора заменить «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на «Все люди — братья!»?

Симла,
г. Новокузнецк

Се ля ви — сейчас мы тонем в разливном море рок-халтуры, как и в конце 70-х, когда было тошно от бодр-эстрады. Это и «Группа продленного дня» из Харькова, лидер которой ни к селу ни к городу на концерте заявляет, что «искусство принадлежит народу, а не Министерству культуры», чем вызывает восторг экзальтированных поклонников. Это и «металловые

рад», решивший зашибить деньгу на популярном «хэви». Подтверждением упадка, кризиса нашей рок-музыки можно считать обращение многих групп к... фольклору. Лучшие представители этого направления — «Ноль», «Чайф», «Калинов мост». «Веселые картинки», психоделические «Звуки Му». Все — одни из самых моих любимых. Но сказать, что они сделали что-то такое... Вряд ли. Да, по-

музыка в принципе далека от плаката, получается вообще черт знает что («Апрельский марш», «Игры»). Фальшь.

В период все заглушающей «музыки бьющихся стекол» как бы в стороне остаются работы таких неординарных коллективов, как «Крематорий», «Центр», «Вежливый отказ», «Агата Кристи», «Коллежский ассессор», «ВВ».

...Что ж, «старики» поняли: их время прошло, они попали в тупик, и начать другой путь суждено не им. Но наш русский рок никогда не умрет, никогда не станет коммерческим придатком «комсомольской эстрады». РОК-Н-РОЛЛ ЖИВ, А МЫ УЖЕ НЕТ, а не наоборот.

И сегодняшняя музыка — это голько «танцы на грани весны», которая вот-вот наступит.

С уважением —

Артем Суцевский,
16 лет,
Донецкая область,
п. Новый Свет

Для нас рок начался с «Алисы» (в те времена по «теле» был только Иосиф Кобзон). Помним, что из-за рева фанатов в зале разобрать тексты было весьма затруднительно, и нас привлек прежде всего образ, созданный Константином Кинчевым. Ну, а в смысл песен мы вникали уже потом, по многу раз прокручивая записи. Больше всего привлекала надреальность «Алисы». Отсутствие, на первый взгляд, всякой логики и смысла в текстах. Бешеная страсть, что давала силы на жизнь, на то, чтобы не опускаться... И вот недавно мы достали долгожданный альбом «206, часть II», врубили мафон. И то, что мы услышали, «превзошло все ожидания». Нет ничего от «Алисы», нет ничего от Кости! Стиль напоминает «Объект насмешек». Взять, например, песню «Тоталитарный рэп». От нее веет холодом. Куда делись Костины эмоциональность, напор, наглость, если хотите?! Глядишь, эдак через год-другой «Алиса» перейдет на откровенные остро-социальные тексты в стиле «ДДТ», что тоже хорошо. Но не останется ничего завуалированного, загадочного, что делало «Алису» «АЛИСОЙ».

И. Аллегрова («Электроклуб»)

банды» типа «Фронта» и «Коррозии металла», где на двух аккордах пропитыми голосами гнут о том, что они будут стучать молотком даже по той голове, которая не звенит, или же убивают публику гениальными фразами («СПИД» не спит»), подтверждая свою образованность и владение могучим и великим русским языком. Это и пресные холодно-«волновые» коллективы, такие, как «Рондо»; и не менее пресные хардисты: «Дубль-1», «Форвард», а также Леон Варданян с группой «Па-

трясающее соединение русской напевности и хард-роковых изысков («Ноль»), авангарда и театра абсурда («Звуки Му»). Но нет радостного откровения. Нет чувства того, что — «это черт знает что такое, но отличнейшая вещь» — чем были для нас песни БГ, Башлачева, «ДДТ».

Многие просто не знают, о чем петь сегодня, когда петь можно обо всем, а потому играют «агитки», надеясь таким образом на гребне гласности выйти в популярные и знаменитые («Объект насмешек», «Патриархальная выставка», «Диктатура», да и другие). Но когда писать политические песни берутся те, чья

К «Парусу» мы относимся как к сотоварищу, вот поэтому и решили написать вам. В наше время принято проявлять творческую инициативу, мы и предлагаем: в каждом номере посвящать страницу письмам о какой-нибудь группе (доброжелательным и недоброжелательным)*.

С уважением —
Саша и Толик

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПИСЬМАМ «КАМЕРТОНА», ИЛИ КРИТИКА КРИТИКИ

Прекрасную мысль высказала Симла из Новокузнецка. Хотелось бы, чтобы терпимее были не только фаны друг к другу, но и «критики» к группам.

Не правда ли, как-то слишком остро ставится вопрос о продажности недавних кумиров? А ведь немудрено: если так драматично представлять травлю рок-музыкантов (как у А. Скажулина), то может возникнуть вполне здравый вопрос, почему музыканты не умирают? Значит, продаются? А кто не продается, те «сдохли» (еще одно расхожее обличительное резюме)?

В результате авторы полемических писем спорят только о том, идут ли кумиры на поводу у своих фанов, попали ли они в тупик... В таком подходе нет ничего дурного — когда он продиктован неравнодушием к судьбам отечественной молодежной культуры. Но где кончается неравнодушие и начинается нетерпимость, юношеский максимализм, нигилизм? Есть ведь известный предел, за которым велика опасность «заноса». И наших критиков «заносит»...

Можно, конечно, считать, что Гребенщиков предал, но тогда нужно доказывать, что

«Юритмикс» — это менее серьезно, чем наш родной «Аквариум». «Наутилус» «заелся», по вашему мнению? Объясните, как. Никто не привел мало-мальски аргументированных опровержений мысли Феликса Аксентова о магистральной линии советского рока: «Машина времени» — «Аквариум» — «Наутилус Помпилиус». А если оттолкнуться от этой мысли, то возникают очень интересные вопросы: какие еще устойчивые тенденции можно проследить в отечественной рок-музыке? Кто будет следующим на нашей «магистрале» и останется ли она вообще? Соответствовал ли творческий потенциал «магистрале» ее лидирующему положению?..

После долгих лет отрицания считанные месяцы были отпущены нашей рок-музыке, чтобы освоиться в сложных условиях легальности и самоокупаемости. Как вдруг волна критики накатилась с другой стороны. Рок-музыкантов обвинили в страсти к наживе и навязчивой политичности (все вместе — конъюнктурщина). А также внезапно «выяснилось», что ветераны рока состарились и «сдохли». Усердствуют журналисты, но не отстают и слушатели-зрители-читатели (судя по нашей почте). Одни свидетельствуют, другие обвиняют. А судьи кто?..

Давайте договоримся не считать свои мнения окончательным приговором. Знаете, почему? Потому что **потребитель не всегда прав**. Неписанный закон, прекрасно работающий в экономике и торговле, буксует в культуре. Если наши требования чистоты и святости кумиров сведутся к тому, чтобы артисты были всегда голодными, работали в кегах и* только писали песни, как в дни юности, а больше — ни-ни, — то это будет та же самая конъюнктура. Художника не должны ограничи-

вать никакими требованиями, кроме одного: искренности. Художника может судить только один судья — время.

Ну, а пока... Мы рады всем письмам, приходящим в редакцию. Очень приятно, что в некоторых из них чувствуется способность к пониманию — не меньшая, чем у профессиональных рок-критиков. Будем надеяться, что скоро все мы — и артисты, и журналисты, и читатели — преодолеем «неистовый максимализм», утолим жажду обличительства и сумеем несколько прояснить горизонты «нашей лучшей в мире рок-музыки».

Мы не обрываем диалог и в следующем году продолжим публикацию «музыкальных» писем. Хотелось бы доспорить с Артемом Суцеским: обращение многих групп к фольклору не может служить подтверждением упадка рок-музыки. Скорее, наоборот: это свидетельство зрелости жанра. При этом вполне допустимо, что отдельные группы (как правило, посредственные) хватаются за фольклор, как за соломинку, в состоянии кризиса. Но это, конечно, не «Звуки Му», не «Веселые картинки» и не «ДДТ».

Однако время прощаться. До встречи в 1990 году!

* Предложение принято! В № 1 за 1990 год читайте подборку писем о Борисе Гребенщико

НЕГРОМКИЕ ГОЛОСА

Отчет о работе
редакционного
телефона доверия

За год в редакции прозвучало более 500 звонков. Каждый — если не открытие, то, во всяком случае, «приоткрытие» чужой души. Для нас, сотрудников редакции, дежуривших на этом необычном телефоне, возник из небытия молчавших до поры телефонных линий целый континент страстей, привязанностей, надежд...

Жаль, что никогда уже не узнаешь, «чем все кончилось», «на чем душа успокоилась». Но невидимый собеседник, сам того не ведая, становится частичкой твоего мира. Засядет в памяти фразой... Растревожит запутанными обстоятельствами своей жизни... Человек этот обре-

тет еще одно, независимое, отдельное существование.

Неприкаянно блуждающие в моем воображении тени иногда сходятся между собой и ненароком сливаются, обретая тем самым устойчивость против забвения.

Бог знает, почему остается в памяти какой-то разговор, один из многих. Казалось бы, в наше громкое и довольно таки «тряское» время иное должно слышаться — то, что бухает так, что стекла летят. А западает вдруг совсем не громкое, в злобе дня едва различимое...

...История эта была еще прошлым летом. Пятнадцатилетняя девушка из Казани давно хотела позвонить и вот

собралась почти через год после того, как ехали они с мамой в Молдавию. Весь день тогда в поездке стояла у окна, и было все очень здорово. На полустанке в вагон вошел парень и тоже остался в проходе. Потом стал на нее смотреть: долго-долго. Она делала вид, будто не замечает этого, и думала с досадой: что, пьяный? А парень смущал. В общем, он был не из тех, которые могли бы ей понравиться. В том-то и дело: сама она светленькая, тоненькая, и по контрасту ей должен был бы подойти черноволосый крепыш. Так она думала. А попугчик, что пристально теперь ее разглядывал, сам был светленький. Пожалуй, щупловатый. Когда же оказалось, что они с мамой по ошибке заняли в купе как раз его, попугчика, место, он почему-то смутился больше всех и как-то по-детски стал оправдываться, хотя виноваты на самом деле были они с мамой... Выходить ему на следующее утро в четыре или в пять часов. Всю ночь она лежала на своей полке и не могла заснуть. Сама не зная, что с ней и от чего.

Под утро парень завозился под одеялом, проснулся и стал собирать вещи. Повернулся к полке, где она лежала, притворяясь, что спит, и стал смотреть. Осторожно взял ее руку, погладил. Она замерла... Сказала вдруг, неожиданно даже для себя:

— Сколько вам лет?

Такую вот дурацкую фразу.

Парень смутился. Тут вошел в купе проводник, вагоны дернулись, затормаживая... И все.

Он сошел на своей станции. Единственная эта фраза, которую ляпнула на прощание, изводит ее уже почти год. Припомнит свою «блестящую находчивость» тем утром на полдороге к Кишиневу, припомнит на уроке или с подругами разговаривая — как током прозвизг: стыдно. И обидно. То ли за себя, то ли за парня.

— Что он обо мне тогда подумал?

В ответ я конструирую возможный ход мыслей светленького, невидимого и, по идее, безразличного моей собеседнице парня. Выходит, это и сейчас ей важно, спустя год: что он тогда подумал. И что имел в виду, когда осторожно коснулся руки...

Но почему это важно? Почему так запомнилась, врезалась в память девочка из Казани, которая рассказала еще, что работает на каникулах медсестрой, чтобы испытать себя перед поступлением в медицинский?

Я взрослый человек, как правило, крепко сплю, и меня особенно не смущает пристальным взглядом. Обретая уверенность, наращивая кожу, теряешь чувствительность нервных окончаний. И вот, оказывается, нужно уже напрягаться просто для того, чтобы расслышать юного человека, когда он говорит о вещах совершенно естественных и очевидных: от взгляда, от слова розовеют у него щеки, и весь он ощущает себя, как тонко настроенный резонатор, который чутко колеблется при дуновении жизни. Рассказывает о состоянии, когда важно и значительно каждое движение души — своей и чужой, той, что рядом...

Больше о девушке из Казани я ничего не знаю. Кроме разве того, что случилось не с ней и совсем в другом месте. Но, кажется, это было все же с ней, это вполне могло быть с ней. Тень двойится, и силуэт накладывается на силуэт.

...У нее, пятнадцатилетней Юльки, сложные отношения с классным руководителем. Учительница любит девочек бойких и открытых, про которых все знает. А ты, говорит она Юльке, медлительная и скрытная, ты отделишься от других и потому эгоистка. Был школьный вечер, у всех должны были быть веселые лица, а у тебя было мрачное... И вот ты опять начинаешь спорить и не соглашаешься — это в тебе эгоизм дремлет, продолжает гвоздить классная.

Она собрала после вечера девчонок и вместе с ними разбирала, кто как себя вел, кто в своем поведении поправился, а кто не поправился, кто «отделялся», а кто нет. Не поправилась — Юлька.

— Но я же не могу под каждого человека подстраиваться, — говорит она мне по телефону. — «Опять у тебя лицо серьезное, когда все танцуют!». Но я такая! Такая! Что же мне делать?

Она такая. А я вокруг только и слышу — в автобусе или в очереди — какие теперь ВСЕ. Народу, большей частью, это известно совершенно точно. Как у них, у теперешнего поколения, все просто: после первого вечера — в постель; пьянка, курево, и все кувурком. И даже по телефону звонит мне молодой парень и, рассказывая о ссоре с девушкой, роняет между прочим: «У молодежи теперь такие взгляды...» У него лично не такие — он за деликатность отношений. Но если сам он («уже почти семнадцать») не молодежь, то кто? И если сам себя он не причисляет ко ВСЕМ, то у них, ВСЕХ, в их монолитной злонамеренной спайке, уже хотя бы только поэтому на одного убыло — уже не монолит, не молодежь вообще, НЕ ВСЕ.

Звонят-то больше с бедами, рассказывают всякое: и как предали, как изнасиловали (было за несколько месяцев три таких очень серьезных звонка), как разругались до невозможно жить с родителями — всего хватает на телефоне доверия. Коллективный портрет поколения? Да, отчасти.

Но какие же они все разные! И сколько примеров деликатности, преданности, тонкости чувств и глубины переживаний! Поколение, по некоторым слухам, цинически расчетливое; а девочка посылает парню одно за другим два письма с признанием в любви, и оба — вопреки любому расчету — не подписывает. Да не кокетничает, не дразнится — прошло уже

полгода, он по-прежнему не знает, от кого были письма, она мучается и любит... Другая девочка, сверстница ее и, насколько я понял, ученица той же самой минской театральной школы, признавая себя человеком поэтичным, отказывает в праве на поэтичность, на сострадание, на доброту уже не одному своему поколению, а вообще всем людям. Точнее, взрослым: для них, для ВСЕХ, главное — цифры и счет, остальное не имеет значения. «Если скажешь: дом с розовым балконом — не поймут, другое дело, если дом за двадцать тысяч...» С этой девочкой мы разбирали вполне житейскую ситуацию. В присутствии моей собеседницы девочки плохо говорили об одной из ее подруг. И, поддаваясь общему настроению, она, моя собеседница, не только не возразила, но даже компанейски, понимая улыбулась, когда насчет подруги ее как-то особенно съязвили. Вот эту улыбку, то ли лицемерную, то ли изменческую, девушка и ставила себе в вину. «Это ведь было маленькое предательство...» Я согласился. «Мне нужно много работать над собой, — вздохнула девушка. — Первое: воспитывать силу воли, второе: изживать лицемерие», — закончила она весьма сурово.

Жизнь сложнее любых умозрительных построений, вроде таких, как «ах, эта сегодняшняя молодежь». Жизнь сама паразитично нелогична и нерасчетлива, потому как богата очень и щедро транжирит свое разнообразие, неразборчиво сорит событиями. Ну кто, например, мог бы придумать то, о чем рассказала семнадцатилетняя Таня. Полтора года (!) знакома она с парнем, постоянно с ним общается, но «никогда не встречалась», хотя работают на одной фабрике, в одном цеху (Таня там бывает на практике от обувного училища). Поддерживают они свои загадочные отношения через «передаточного человека», пожилую работницу этого же цеха,

которой по очереди сообщают то, что хотели бы сказать друг другу. Но, сталкиваясь в узком проходе между станками, расходятся, даже не поздоровавшись, как чужие. Чужие между собой и близкие друг другу в лице посредника, через которого давно знают о взаимной симпатии. Измучившись неопределенным этим состоянием, Таня, наконец, сообщила ему свой телефон (разумеется, обходным путем) и велела передать, что ей можно позвонить. Вот, ждет. В отчаянии.

А впрочем... чему удивляться? Разве не так же поступаем мы сами, когда не умеем заметить рядом с собой чуткого, тонкого, совсем ни на кого не похожего человека? Девушку или парня, товарища по учебе или по работе, случайного попутчика. Понятней и надежней получается через посредника, нужно, чтобы кто-нибудь указал пальцем и внятно разъяснил, какой рядом замечательный человек.

В данном случае, каюсь, посредник — это я, дежурный телефона доверия. Рассказал о том, что меня поразило. Хотя, когда садился писать этот отчет, хотел сначала совсем о другом: о том, что в нашей жизни бухает так, что стекла летят. О том, как дочь у мамы с помощью ножа вынимает из-за стиснутых зубов две пачки снотворных таблеток. Об этом тоже придется писать, но, видно, в следующий раз.

Валентин Сергеевич

Напоминаем: телефон доверия принимает звонки по понедельникам (кроме праздничных дней) с 17.00 до 20.00 по московскому времени. Номер в Минске: 20-41-30

Фото Елены АДАМЧИК

Собираюсь поступить в училище вертолетчиков. Но хотелось бы больше знать об этой профессии.

Михаил Хозянин,
г. Сморгонь

Михаилу отвечает Юрий Алексеевич **АРТЕМЬЕВ**, много лет проработавший пилотом вертолета.

— С удовольствием выполню просьбу Михаила, потому что обычно все рвется в летики, а на вертолетную авиацию смотрят, как на что-то второстепенное. Между тем, у вертолета немало преимуществ перед самолетом.

гурь высшего пилотажа, включая «мертвую петлю».

Ну, а мирные профессии вертолета общеизвестны: санитар, монтажник, автоинспектор, пожарник, агроном... И каждый вид полетов имеет свою специфику, требует от пилота разных качеств — и профессиональных, и физических, и моральных.

Кого берут в вертолетчики? Прежде всего, ребят здоровых и крепких. Нагрузки на пилота выпадают большие — и физические, и психологические. Вибрация, постоянный грохот двигателей, частая смена высот и температур, минимум комфорта — все это, конечно, не для слабых.

Сначала о том, что очевидно. Самолету для взлета и посадки нужен аэродром, вертолет отрывается от земли прямо со стоянки и в любом направлении, а садится на верхушку горы, на палубу ледокола, а то и на плоскую крышу дома. Самолету, чтобы изменить направление полета, нужно сделать большой круг, вертолет может висеть неподвижно, перемещаться в любую сторону, даже хвостом вперед.

И при этом вертолету присущи летные качества, которые имеют не только транспортные самолеты, но и боевые. Есть вертолеты — истребители танков, противолодочной защиты, минеры... Более того, современные вертолеты могут выполнять фи-

Работает вертолетчик чаще всего в отрыве от основной базы, так что ему приходится самостоятельно оценивать метеоусловия, обеспечивать меры безопасности. Пожалуй, есть и еще одно существенное отличие вертолетчика от пилота самолета: он гораздо больше контактирует с людьми — значит, ему нужны и такие качества, как общительность, доброжелательность.

Вот такая это профессия. Если очень коротко, конечно.

АТЕЛЬЕ «ОТ РИНЫ»

Предновогоднюю примерку проводит мастер
ручного трикотажа Ирина СЛЕСАРЕНКО

Новогодние праздники на носу, а ничего новенького из одежды не приготовлено... К тому же Год лошади. Хотелось бы соответствовать, но как?

Могу предложить простой выход — надеть сбрую. Посмотрите на снимок. Не правда ли, такие «цепи» из вязанных «колбасок» смотрятся очень оригинально. Ими можно украсить и освежить ношеную вещь. Делаются они очень просто: чулочной вязкой нужно связать прямоугольник, ширина которого равна длине одного звена цепи, а высота составляет 5—7 сантиметров. Петли последнего ряда закрывать не нужно. Сбросив вязанье со спицы, скрутите полученный лоскуток. Сделать это очень просто, потому что чулочная вязка крутится сама по себе. Открытые петли должны оказаться внутри. Закрепите трубочку, лучше всего пройтись швом «петля в петлю». Чтобы сделать такие цепи, как на снимке, понадобятся четыре коротких, примерно по пятнадцать сантиметров, и одно длинное (25—30 см) звено. Пришивать их к полотну нужно очень аккуратно!

Кроме декоративного, «колбаски» имеют еще одно примене-

ние. Если их подшить с изнанки под сборки оката рукава, рукав будет смотреться гораздо лучше, пышнее. Естественно, в этом случае трубочки можно сработать из какой-нибудь старой, бросовой нити. Важно лишь, чтобы подокатник не просвечивал наружу и не закрашивал одежду при стирке.

Если в новом году вы решили взять реванш у ручного вязания, обратите внимание на большой жакет-пальто со второго фото. Самое время приниматься за него сейчас — сделаете себе подарок к следующему Новому году, а если очень постараетесь, то и к осени успеете. Главное, чтобы хватило ниток, — их нужно не меньше килограмма. В новом сезоне вновь будут в моде неустаревающие жгуты, рельефные рисунки. Не страшно, если вы еще не овладели вязанием крупных буклированных узоров. Из положения можно выйти, связав все изделие гладко, а затем нашив на него любые рисунки из узкой трикотажной ленты. Вяжите ее шириной 5—6 петель. Согласитесь, перевязывать такой огромный жакет очень невесело. Так вот, если мода изменится, вы снова окажетесь в выигрыше — спорите рисунок и получите новую вещь!

С Новым годом!

ИРИНА

Фото Елены АДАМЧИК

Оформление Валерия РУЛЬКОВА

Герои, которые нас выбирают

(Анализ анкет августовского «Паруса»)

Ю. Коротков, «Виллиса» — 9,87; Г. Урушадзе, «Врачующий удар» — 8,70; С. Шидловская, «Крики шепотом, или Письма без адреса» — 8,56; «Камертон» — 8,45; Н. Ковалев, «Как я бросил курить» — 8,30; «Газета Малой редколлегии» — 8,19; «Ищу друга» — 8,18; «Предъявите права!» — 8,12; Л. Саенко, «Кто не с нами — тот против нас?» — 8,02; «Ателье «От Рины» — 7,47; Е. Шур, «Зарплата или трудовой паек?» — 7,13; Д. Мина, «Станет ли Вася гением?» — 7,07; Б. Петухов, стихи — 7,00; «Трубка мира» — 6,70; «Камера хранения» — 6,41; К. Зурабова, «Что предпочтительнее ломов и ружей...» — 6,07.

Приуроченные большинством наших читателей к мысли, что цифры в заполненных ими анкетах — «оценки по поведению» персонажей каждой публикации, мы искренне рады за Юрия Короткова. «Виллиса» собрала почти сплошные «десятки» — баллы и ему, и его героине. То, что Юля Азарова обошла Валерку Николаеву («Авария», «Парус» №№ 8-9 за 1988 г. — 9,72 балла), поначалу вызывает удивление. Нам казалось, что у современной молодежи в большей цене «отчаянно-рискованные». Но попробуем рассуждать реально. Мы тянемся, как правило, к сильным лич-

ностям, вольно или невольно соизмеряя с ними себя, стремясь подражать. Валерке подражать куда как просто: поступай всем назло! Примерять к себе Юльку трудно, и не только из-за ее изнуряющего балета. Выходит, трудности в этом смысле нас притягивают сильнее? Или как?.. Впрочем, ваши подробные письма про «Виллису» и сравнения с «Аварией» впереди. Тогда и поговорим.

Балл, «заработанный» Юлькой, подтолкнул оглянуться на оценки действующих лиц публикаций «Паруса» за весь 1989 год. Кого вы выделяете? О ком больше всего «ломали копыя» на небольшом оборотном пространстве наших анкет?

О Диме Юрасове (А. Никитина, «Перекричать страх», № 6). Ему уже шлют наши читатели и их родные сведения о незаконно репрессированных — посильный вклад в Димину картотеку.

О. Н. Н. Дубинине, директоре школы-интерната из Владивостока (Е. Шур, «Здравствуйте, дети. Встаньте!», № 5), и о бывшем директоре Черейской школы А. В. Касьянове (И. Павлючик, «Он не верблюд», № 1). Оба они «живут по тем сло-

вам, которые говорят», — цитата из последней публикации.

До сих пор идут личные письма Юле Андреевой — замечена большая ее забота о бывших войнах-афганцах (О. Сокол, «Незаметная Юля», № 1). Фанаты фантастики просят адрес «Фэна № 1» Бориса Завгороднего (о нем рассказал А. Росин в № 7). Проблемы гомельского кооператора со сложной судьбой Александра Смыка (О. Жарко, «Как стать миллионером», № 3) и «белорусского Диснея» В. И. Шапlicko (О. Сокол, «Жизнь в стиле фантастического реализма», № 7) волнуют читателей не меньше, чем душевные качества литературных героев рассказа Л. Никоновой «Ладого» (№ 4) и маленькой повести И. Андриановой «Мой сумасшедший папа» (№ 6). Разница в оценках — десятки доли балла.

Анкеты — зеркало, ориентир, подсказка. Известно: перечисли, о ком пишет журнал, и я скажу, каков он!

Мы подумаем: люди, которым вы готовы поставить по каким-то своим параметрам ту же «десятку», есть практически возле каждого из вас. Расскажите о них. Возможно, получится публикация. Читатель — самый надежный соавтор.

Парус

ЗВОНИТЕ:

20-31-27 — отдел трудового воспитания и профориентации;

отдел писем

20-27-08 — отдел комсомольской жизни, идеино-политического и нравственного воспитания

20-22-56 — отдел литературы и эстетического воспитания

20-41-30 — секретариат

ПИШИТЕ:

220600, г. Минск, ГСП, ул. Короля,

12

Главный редактор Василии ДРАГОВЕЦ

Редакционная коллегия:

Геннадий БОЧАРОВ, Эдуард ДНЕПРОВ, Алексей ДУДАРЕВ, Виктор КОВАЛЕВ, Игорь КОН, Владимир КУДЛАШ, Нина КУРЗАНОВА, Олег МАНАЕВ, Валентин МАСЛЮКОВ, Валерии ПЛЮСКОВ [отв. секретарь], Александр ХАНДОГИН, Владимир ХАЧИРАШВИЛИ, Светлана ШИДЛОВСКАЯ, Ефим ШУР

Художественный редактор Валерий РУЛЬКОВ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь БАЙЧ

Издательство «Полымя» Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Сдано в набор 14.09.89 г. Подписано к печати 14.11.89. АТ 06905. Формат 70 × 108. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 15. Уч.-изд. л. 9,08. Заказ 383. Бумага книжно-журнальная.

Тираж 1 000 000 [2 завод 400 001—700 000 экз.]. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии.

Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79.

САНТАКА ♦ ♦ САНТАКА ♦ ♦ САНТАКА ♦ ♦ САНТАКА

Персональный бытовой компьютер

«САНТАКА» является персональным компьютером, предназначенным для бытовых (широкий спектр компьютерных игр, возможность использования в качестве персональной информационной системы и др.), а также учебных целей (составление и решение программ на языках высокого и ассемблерного уровней, изучение предметных дисциплин — иностранные языки, математика, биология и др.).

Компьютер полностью программно совместим с широкоизвестными зарубежными персональными компьютерами аналогичного класса:

Синклейр ZX Спектр Плюс (Великобритания), УНИ ПЦ (Венгрия), Роботрон 29001 (ГДР), Меритум-1 (Польша) и др. Это позволяет использовать накопленный за рубежом огромный банк системных и прикладных программ.

Обладает развитой системой графического математического обеспечения, позволяющей составлять и редактировать графические изображения, что способствует созданию новых компьютерных игр.

БАЗОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ

- ♦ Собственно персональный компьютер с источником питания;
- ♦ Бытовой цветной (или монохроматический) телевизор или монитор;
- ♦ Бытовой кассетный магнитофон любой марки в качестве внешнего ЗУ.

Предусмотрена возможность подключения печатающего устройства, внешней памяти на гибких магнитных дисках и манипулятора типа «Джойстик» (управляющей рукоятки).

ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

- ♦ Структурная организация компьютера:
 - центральный процессор с ОЗУ и ПЗУ;
 - видеопроцессор.
- ♦ Организация центрального процессора — по классической структурной схеме с 8-разрядной шиной данных и 16-разрядной шиной адреса.
- ♦ Используемый микропроцессор —

восьмибитовый 880 (производство ГДР), аналог 80 (фирма Зилог, США).

- ♦ Тактовая частота 3,5 МГц
- ♦ Емкость ОЗУ 48 Кбайт
- ♦ Емкость ПЗК 16 Кбайт
- ♦ Способ формирования символов на экране — точечный (один символ — 8×8 точек).

- Общий растр экрана 256×192 точек.
- ♦ Возможность синтезировать звук любого тона и любой продолжительности.

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- ♦ Встроенный интерпретатор языка БЕЙСИК;
- ♦ Для упрощения ввода программ используются закодированные операторы БЕЙСИКА;
- ♦ Классический набор операторов БЕЙСИКА расширен командами машинной графики, синтеза звука и работы в режиме реального времени;
- ♦ Системные программные средства включают трансляторы с языков ПАСКАЛЬ, ПРОЛОГ, различных версий БЕЙСИКА, ЛОГО, ФОРТРАНА, С, АССЕМБЛЕРА и т. д.

ПАКЕТЫ ПРИКЛАДНЫХ ПРОГРАММ, В ТОМ ЧИСЛЕ:

- редакторы текста, обеспечивающие работы с различным набором знаков и различными количествами символов в строке;
- пакеты учебных программ по предметным дисциплинам (иностранный язык, история, география и др.);
- программы компьютерных игр;
- программы для обеспечения работы компьютера в качестве интеллектуального рабочего места, для решения научно-исследовательских задач.

Ориентировочная цена компьютера 1200 руб.

Изготовитель: МПО им. В. И. Ленина. 220600, г. Минск, Ленинский проспект, 58.

Телефоны для справок: 33-50-51, 39-99-80, 39-97-51.

 Парус

Индикс 70795 «Парус», 1988 г., № 17, 1—64, Цена 30 коп.

А

Б

THE WHO

 Парус

А

Б